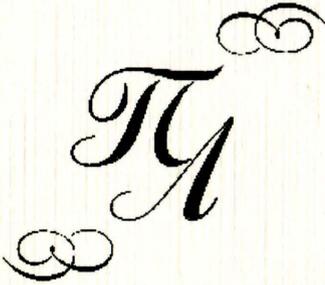

ISSN 2226-2369

**СЛОВО И ТЕКСТ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
ПОДХОД**

ТВЕРЬ 2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тверской государственный университет»
Кафедра теории языка и перевода

**СЛОВО И ТЕКСТ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Сборник научных трудов

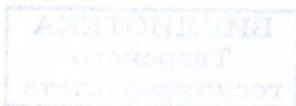
Выпуск 15

ТВЕРЬ 2015

Тверской государственный университет

Научная библиотека 00447760

УДК 81'23(082)
ББК Ш100.0я5
С48

Рецензент

кафедра иностранных языков Юго-Западного
государственного университета

Редакционная коллегия:

Заслуженный деятель науки РФ, проф. А.А. Залевская (отв. редактор), д-р филол. наук, доц. Н.О. Золотова, канд. филол. наук, доц. Е.М. Масленникова, д-р филол. наук, доц. С.В. Мкртычян (зам. отв. редактора), д-р филол. наук, проф. Е.Ю. Мягкова, д-р филол. наук, проф. Т.М. Рогожникова, д-р филол. наук, доц. С.А. Чугунова.

С48 Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015.– Вып. 15.– 120 с.

Предлагаемый сборник включает статьи по вопросам теории языка и продуцирования речи, научных изысканий в области текста и перевода, экспериментальных исследований, а также использования электронных ресурсов в исследовательской работе.

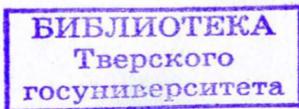
Рассматриваются проблемы моделирования речемыслительной деятельности человека, рефлексии и метаязыкового сознания, объяснения причин нарушения норм речи и падения уровня функциональной грамотности носителей языка, становления прецедентного феномена, взаимосвязи слова и контекста, требований к профессиональной компетенции переводчика и редакторов и т.д.

Сборник предназначен для широкого круга специалистов в области психолингвистики, психологии речи, общего языкознания, обучения языкам.

УДК 81'23(082)
ББК Ш100.0я5

ISSN 2226-2369

© Авторы статей, 2015
©Тверской государственный
университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы теории языка и продуцирования речи

<i>Анисимова Н.П.</i> Культурно-исторический аспект проблемы категоризации ...	5
<i>Голубева О.В.</i> Эвиденциальное смысловое переживание как причинное кодирование знаний об объекте	10
<i>Залевская А.А.</i> Вопросы теории самоконтроля в свете моделирования речемыслительной деятельности	19
<i>Золотова Н.О.</i> Рефлексивность речемышления: метакогниция и метаязыковая деятельность человека	36
<i>Мягкова Е.Ю.</i> Моделирование внутреннего метаязыка как средство диагностики функциональной неграмотности	44
<i>Садикова В.А.</i> Диалектика в языке и языкознании	52
<i>Соловьева И.В.</i> Слово и контекст	57

Исследования в области текста и перевода

<i>Загуменкина В.С.</i> Научный текст как смысловой конструкт с установкой на когнитивное понимание	62
<i>Исаков М.А.</i> Профессиональная компетентность переводчика и редактора	68
<i>Исакова Е.М.</i> Жанровые особенности текста образовательной и туристической брошюры	73
<i>Колосов С.А., Матвеев И.А.</i> Вербальный и параграфемный элементы кинопостера в аспекте локализации	77
<i>Масленникова Е.М.</i> Первый переводчик русской поэзии в США У. Льюис: особенности личностной текстовой проекции	83
<i>Оборина М.В.</i> Сохранение когерентности текста в переводах	89

Экспериментальные исследования

<i>Беляева В.М.</i> Роль графической и фонетической формы слова в процессе выбора значения в ситуации лексической неоднозначности	97
<i>Яковлев А.А., Манхирова В.В., Случаева Е.К.</i> Репрезентация наименований некоторых профессий в языковом сознании русскоязычных студентов	102

Исследования на материале электронных ресурсов

<i>Будина М.Э.</i> Методика исследования происхождения и функционирования в речи именованных «цветных революций»	109
<i>Викторова О.А.</i> Классификация средств создания языковой игры в демотивационных постерах	116

CONTENTS

Problems of Linguistic Theory and Speech Production

<i>Anisimova N.P.</i> Cultural and historic component of categorization problem	5
<i>Golubeva O.V.</i> Evidential experience as causal coding of object knowledge	10
<i>Zalevskaya A.A.</i> Self-control theory and speech production modeling	19
<i>Zolotova N.O.</i> Reflexivity of thinking in words: metacognition and metalanguage activities of a speaker	36
<i>Myagkova E.Yu.</i> Modeling inner metalanguage as a means of diagnosing functional illiteracy	44
<i>Sadikova V.A.</i> Dialectics in language and linguistics	52
<i>Solovyeva I.V.</i> Word and context	57

Studies in Text and Text Translation

<i>Zagumenkina V.S.</i> Scientific text as cognitive comprehension oriented meaning construct	62
<i>Isakov M.A.</i> Professional competence of translator and editor	68
<i>Isakova E.M.</i> Genre features of educational and tourist brochures texts	73
<i>KolosoV S.A., Matveev I.A.</i> Translating movie posters: verbal and paragraphemic components	77
<i>Maslennikova E.M.</i> W. Lewis as the first translator of Russian poetry in the USA: personal text projection features	83
<i>Oborina M.V.</i> Avoiding shifts in coherence in translations	89

Experimental Studies

<i>Belyaeva V.M.</i> The role of graphic and phonetic word forms in lexical access in situations of lexical ambiguity	97
<i>Yakovlev A.A., Mankhirova V.V., Sluchaeva E.K.</i> Representation of profession names in Russian students lexicon	102

Studies Based on Electronic Resources

<i>Budina M.E.</i> The research technique to study the language phenomena of «color revolutions» names	109
<i>Victorova O.A.</i> Classification of linguistic means used in creating language game in demotivational posters	124

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ САМОКОНТРОЛЯ В СВЕТЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.А. Залевская

Тверской государственной университет, Тверь

С опорой на модель речемыслительного процесса и на классификации причин речевых ошибок обосновывается роль самоконтроля, функционирующего на разных уровнях осознаваемости при взаимодействии контроля «для себя» и контроля «для других».

Ключевые слова: продуцирование речи, речевая ошибка, классификация ошибок, самоконтроль.

Вводные замечания

Предлагаемая статья является непосредственным продолжением предшествующих публикаций [16; 17], где были рассмотрены некоторые ошибки в речи на русском языке, обсуждены различные термины, связанные с процессом самокоррекции речевых ошибок, определена роль осознаваемого и неосознаваемого самоконтроля в речемыслительной деятельности человека, обоснована мультимодальная природа функциональных опор, обеспечивающих разделяемое знание, достаточное для взаимопонимания между общающимися.

В частности, по результатам сопоставления дефиниций русскоязычных и англоязычных терминов (в том числе: «рефлексия», «языковое сознание», «интуиция», «мониторинг», «metalinguistic awareness», «metalinguistic skills», «attentional control») было установлено, что имеет место наличие ряда терминов, с различных сторон отображающих особенности обсуждаемой ситуации. Авторы публикаций фактически подходят к этой ситуации с весьма различающихся позиций. Так, можно противопоставить увязываемые с самоконтролем: индивидуальный опыт – социальный опыт; вербальные и невербальные опоры; дискретные вербальные единицы – мультимодальный гипертекст; логическое рассуждение – эмоционально-оценочное переживание; сознательный контроль – бессознательный контроль; алгоритмический поиск – эвристический поиск; фокусирование на форме – фокусирование на смысле; механическое воспроизведение – активное конструирование; принятие стереотипов – преломление через личностные факторы; опора на знание об объекте – опора на опыт действия с объектом; формальные опоры – функциональные опоры и т.д.

Каждый из рассмотренных терминов к тому же может по-разному интерпретироваться с позиций того или иного научного подхода, но так или иначе имплицитно подразумевает наличие контроля, который может быть метаязыковым, требующим определённых способностей и/или навыков, опирающимся на «чувство языка» или на «метаязыковое сознание», осуществляемым самим индивидом или «со стороны» и т.д. Может иметь место уточнение цели контроля, его вида и формы осуществления, сферы применения, ожидаемых результатов и т.д. Отсюда вытекает актуальность обращения к сути механизма кон-

троля и к проявлениям специфики самоконтроля при овладении и пользовании языком – родным или вторым (иностранном). Однако это требует перехода от обсуждения дефиниций терминов к рассмотрению специфики именуемых этими терминами процессов и используемых при этом стратегий и опор. Поэтому далее речь пойдет об основополагающем принципе обратной связи, в основе которой в процессах речемыслительной деятельности человека лежит СМЫСЛ, реализация или поиск которого направляет оценку получаемого результата как положительного (принимаемого в качестве соответствующего замыслу) или отрицательного (требующего коррекции).

Контроль в речемыслительной деятельности человека

Б.М. Величковский даёт следующее определение понятия «контроль»:

«В когнитивной психологии, как и в реальной жизни, *контроль* есть проверка соответствия процесса некоторой цели (эталону) и осуществление мер по восстановлению соответствия, если оно оказывается нарушенным. В потенциальном списке таких мер на видном месте находятся разнообразные операции запрета, торможения и подавления, направленные против мешающих достижению цели воздействий» [1: 301].

Суть этого определения можно отобразить с помощью схемы, представленной на рис. 1.

Рис. 1. Общий ход процесса контроля (по: [1])

Необходимо сделать некоторые уточнения, непосредственно связанные с обсуждением ситуации самокоррекции ошибок в речи, а это требует обращения к той или иной модели речемыслительного процесса. Следует также установить, что именно может выступать в роли «эталона», с которым сопоставляются результаты, получаемые на различных этапах рассматриваемого процесса, чем могут быть обусловлены отклонения от желаемого продукта и т.д. К тому же возникает вопрос: является ли обратная связь полностью осознаваемой?

Для демонстрации роли смысла в речемыслительном процессе ниже (см. рис. 2) приводится модель принципиальной организации речемыслительного

процесса, в ходе которого формируется и находит свое внешнеречевое выражение некоторая мысль. Эта модель была представлена ещё в 1977 году в работе [9: 14; воспроизведено: 12: 39], но сохраняет свою значимость для обсуждаемых вопросов по следующим причинам, отличающим её от других (в том числе и более поздних) моделей.

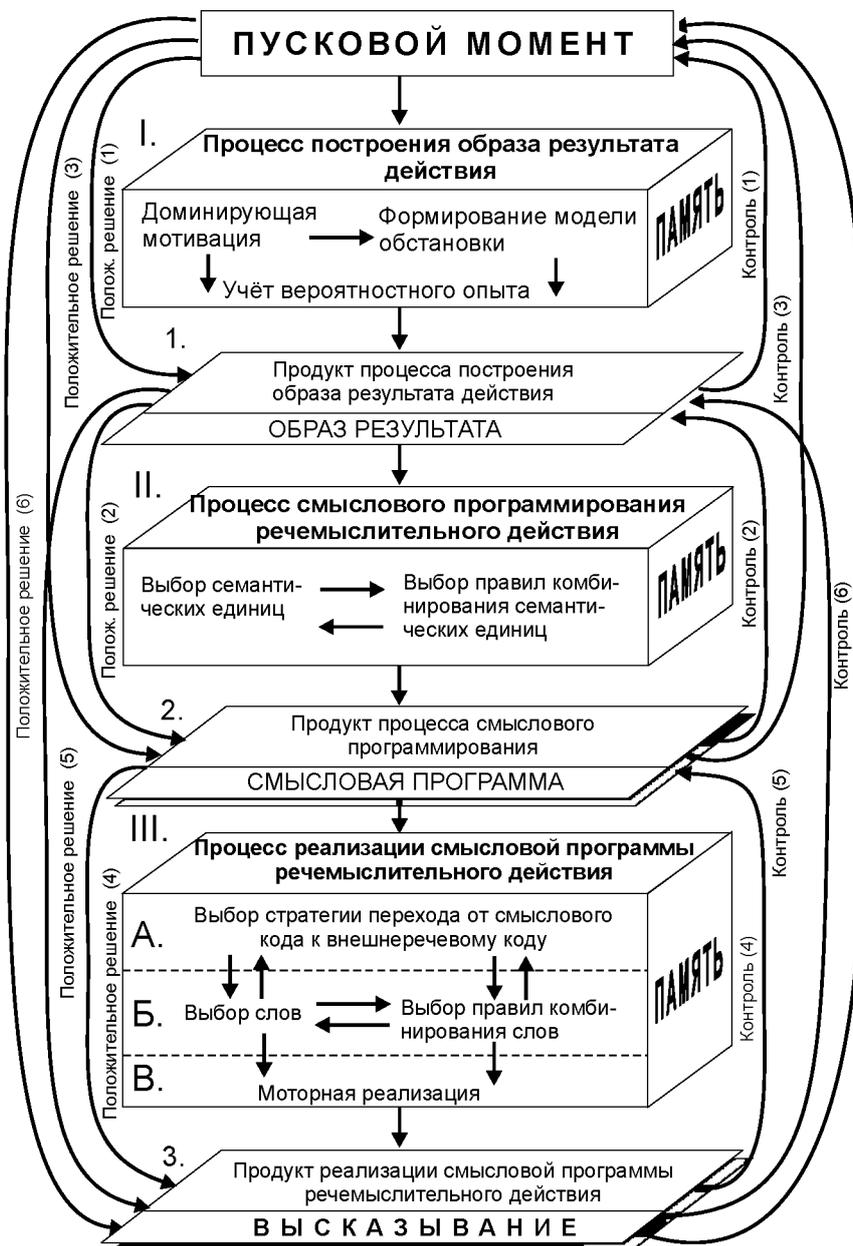

Рис. 2. Модель речемыслительного процесса [9: 13]

Во-первых, посредством выделенных плоскостей, условно разграничивающих различные этапы обсуждаемого процесса, акцентированы получаемые в каждом случае продукты (результаты). Во-вторых, показаны множественные петли обратной связи, каждая из которых может сигнализировать о положительном или отрицательном результате очередного этапа речемыслительного действия. В-третьих (и это принципиально важно!) внимание фокусируется на роли пускового момента и образа ре-

зультата речемыслительного действия как направляющих весь ход вербальной манифестации замысла высказывания: именно к ним возвращаются все петли обратной связи. В-четвёртых, показано, что всё происходит при обращении к единой информационной базе человека – его ПАМЯТИ, из которой черпаются необходимые для реализации соответствующих процессов опоры и стратегии оперирования ими (без ограничения только вербальными единицами, поскольку единая информационная база трактуется как совокупный продукт переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта адаптации индивида к естественному и социальному окружению).

Обратим внимание на то, что в более позднем исследовании [15; 25] такая трактовка продуктов переработки опыта познания и общения привела к описанию единой информационной базы человека как мультимодального гипертекста («живого знания»), навигация по которому при реализации замысла высказывания направляется определённым набором продуктов максимальной компрессии смысла, благодаря которым оказывается возможным учёт разнообразных выводных знаний, в свою очередь обеспечивающих переживание понятности/непонятности, достоверности/недостоверности, приемлемости/неприемлемости и т. д. того или иного пути реализации замысла высказывания, что хорошо согласуется со спиралевидной моделью идентификации слова и понимания текста, вербально описанной ещё в 1988 г. и представленной в виде рисунка в публикациях, начиная с 1999 г. (см. рис. 3).

Эта модель была разработана почти 30 лет тому назад, поэтому следует внести в неё следующее уточнение: обозначение «картина мира» должно быть заменено на «образ мира», поскольку за это время произошло размежевание терминов «языковая картина мира» и «образ мира» в психолингвистической трактовке. Сама схема сохранена как попытка: (1) фокусироваться на преломлении всего, что входит в сферу деятельности субъекта, через имеющийся у него образ мира; (2) показать постоянное воздействие факторов внешнего и внутреннего контекста; (3) отобразить изначальную взаимосвязь между опорой на прошлый опыт и прогнозированием последующего (в том числе – по линиям и языковым, и энциклопедическим знаниям, и возможных следствий из тех и других); (4) указать на возможность различной «глубины» раскрытия гипотетической спирали (до условной «линии горизонта», достаточной на каждый текущий момент для решения той или иной задачи, например, для достижения консенсуса при общении); (5) подчеркнуть (посредством изображения ряда горизонтальных плоскостей – условных «срезов») наличие множественных связей (см. стрелки на примерах таких плоскостей) на любом уровне глубины процесса идентификации слова.

Представляется важным особо подчеркнуть, что сочетание моделей, приведённых здесь на рис. 2 и рис. 3, призвано отобразить чрезвычайную сложность взаимодействия множества процессов и их продуктов, функционирующих на разных уровнях осознаваемости и обеспечивающих индивиду саму возможность «выхода», с одной стороны, на мультимодальный гипертекст пред-

шествующего опыта при идентификации значения слова «для себя», а с другой стороны – для поиска слова как социально принятого средства вербальной манифестации кванта смысла «для других».

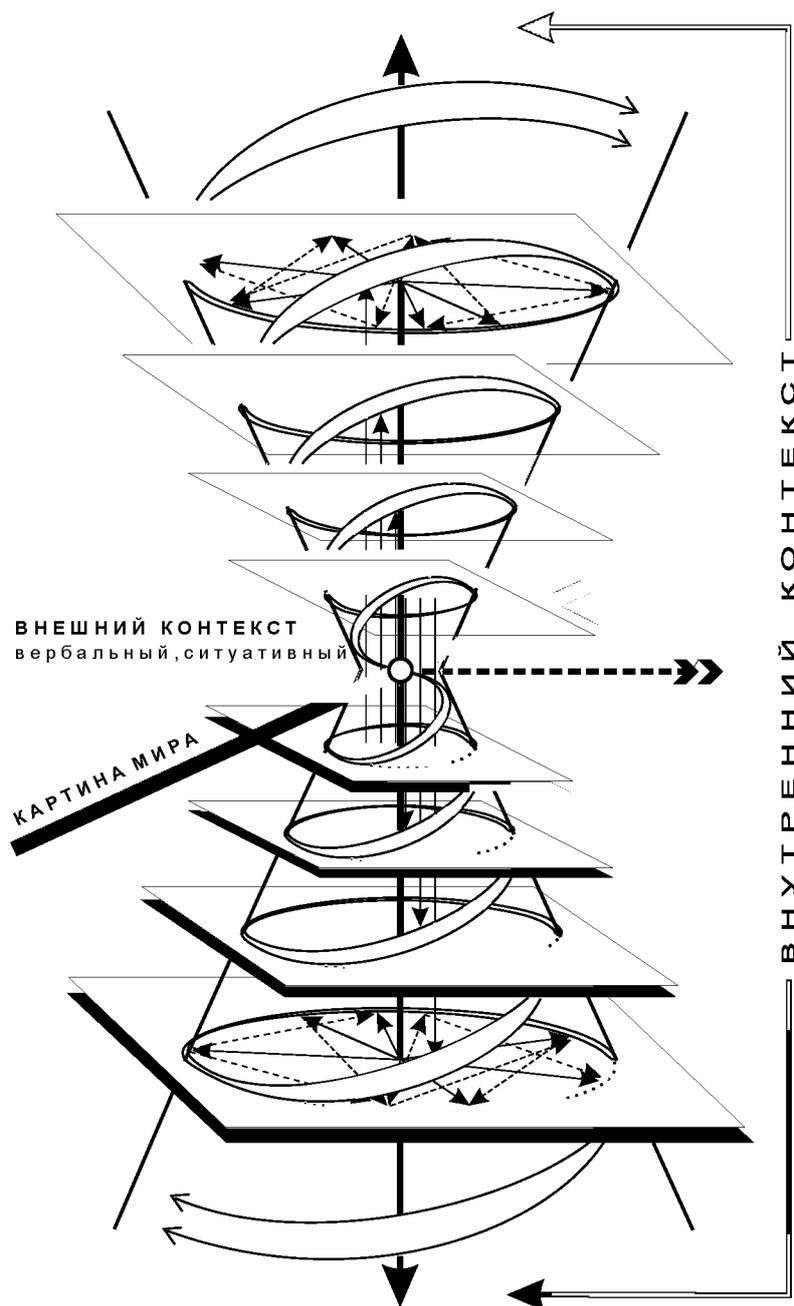

Рис. 3. Спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста [12: 435]

Следует отметить, что приведённая на рис. 3 модель полезна также и для обсуждения проблемы разделяемого знания, т.е. нахождения того, что обеспечивает взаимопонимание при общении или понимание читаемого текста: имеет место «раскручивание» гипотетической спирали до такого базового уровня, выше которого знание оказывается слишком обобщённым, абстрагированным, а ниже – излишне дифференцированным и лично «окрашен-

ным» в рамках одной лингвокультуры или специфичным для какой-то из контактирующих культур.

Обратимся теперь к примерам исследований, в которых ставилась задача так или иначе увязать проблему самоконтроля с продуцированием или понимаем речи.

Соотнесение речевых ошибок с различными этапами речемыслительного процесса было предпринято в экспериментальном исследовании А.А. Поймёновой [24], фокусирующей на механизмах лексических ошибок в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании вторым или третьим языком. С опорой на приведённую на рис. 2 модель было высказано предположение, что функционирование стратегий преодоления коммуникативных затруднений обеспечивается необходимостью обратной связи между этапами речевого производства и сличения результата действия с образом результата действия на каждом этапе при возможности существования более одной речевой реализации одного и того же образа результата деятельности. Разработанная А.А. Поймёновой модель приводится на рис. 4.

Рис. 4. Стратегии преодоления коммуникативных затруднений [23]

А.А. Поймёнова поясняет, что натолкнувшись на невозможность лексикализовать необходимые для адекватной передачи замысла признаки, т.е. убедившись в невозможности создать соответствующий первоначальному образу конечный результат действия, субъект через обратную связь возвращается к одному из предшествующих этапов речевой деятельности или остаётся на последнем этапе – этапе поиска слова. Это позволяет предположить, что стратегии преодоления коммуникативных затруднений функционируют на разных этапах реализации замысла высказывания: на этапе смыслового программирования высказывания и на этапе реализации смысловой программы.

Поскольку последний, согласно представленной на рис. 2 модели, включает в себя ряд подэтапов, можно говорить также о стратегиях, имеющих место на подэтапе перехода от смыслового кода к внешнеязыковому и о стратегиях, имеющих место на подэтапе выбора слов.

А.А. Поймёнова подчёркивает, что эта схема является упрощённой и не отражает многих важных аспектов процессов построения высказывания. Незаштрихованный эллипс на рис. 4 обозначает образ результата действия, соответствующий определённому этапу речевого производства. Первая стрелка, направленная вниз, символизирует развёртывание первоначальной программы для получения запрошенного результата. Дойдя до последнего этапа реализации программы – выбора слова, пользователь языком упирается в коммуникативное затруднение, возникшее либо в силу временной блокировки слова, либо в силу его отсутствия во внутреннем лексиконе. Не поддающийся реализации образ результата действия обозначен заштрихованным эллипсом. Возвращение на предыдущие этапы речевой деятельности символизируется стрелкой, направленной вверх. Вторая направленная вниз стрелка отображает вторичную переструктурированную программу действия, которая приводит к преодолению коммуникативного затруднения. Поперечные стрелки, ведущие к «программам действия», обозначают возможность совершения переходов от одного этапа речевой деятельности с типичным для него набором стратегий к другому этапу и другому набору стратегий.

При классифицировании выделенных наборов стратегий А.А. Поймёнова исходит из следующих соображений. Натолкнувшись на невозможность создать соответствующий первоначальному образу конечный результат действия, пользователь языком через обратную связь может возвратиться на этап смыслового программирования, где совершит переструктурирование, т.е. выберет для дальнейшего развёртывания иной признак, который мог бы позволить ему в определённой мере донести до адресата основной замысел высказывания и, хотя бы частично, преодолеть коммуникативное затруднение. Поскольку при таком переструктурировании происходит потеря некоторых признаков образа результата речемыслительной деятельности, стратегии подобного типа можно трактовать как стратегии редуцирования (со ссылкой на работу: [33]). Пользователь языком, будучи не в состоянии подыскать во внутреннем лексиконе единицу, соотносящуюся, по его мнению, с актуальными для передачи замысла высказывания дифференциальными признаками, не всегда возвращается на этап внутреннего программирования. Попытка преодолеть коммуникативное затруднение может быть предпринята через возвращение на этап перекодирования, к моменту развёртывания более обобщённых признаков в более дифференцированные. При этом происходит переориентировка на другие дифференциальные признаки, способные донести до адресата сущность ключевого признака, идентифицированного субъектом. Такие стратегии трактуются как стратегии компенсирования. Стратегии припоминания фигурируют в случаях, когда пользователь языком, натолкнувшись на коммуникативное затруднение, не возвращается на предшествующие этапы ре-

чепроизводства, а проявляет настойчивость в поиске некоторой лексической единицы, более или менее подходящей для передачи смысла.

В более раннем исследовании Г.В. Ейгера [6; 7] предпринято описание механизма контроля языковой правильности высказывания на основных этапах производства речи, в том числе при овладении иностранным языком. Предлагаемая Г.В. Ейгером трактовка речевых ошибок в соответствии с особенностями работы названного механизма на разных этапах процесса продуцирования речи была в своё время отображена мною в обобщающих схемах, первоначально приведённых в работе [11: 55–56], см. рис. 5 и рис. 6.

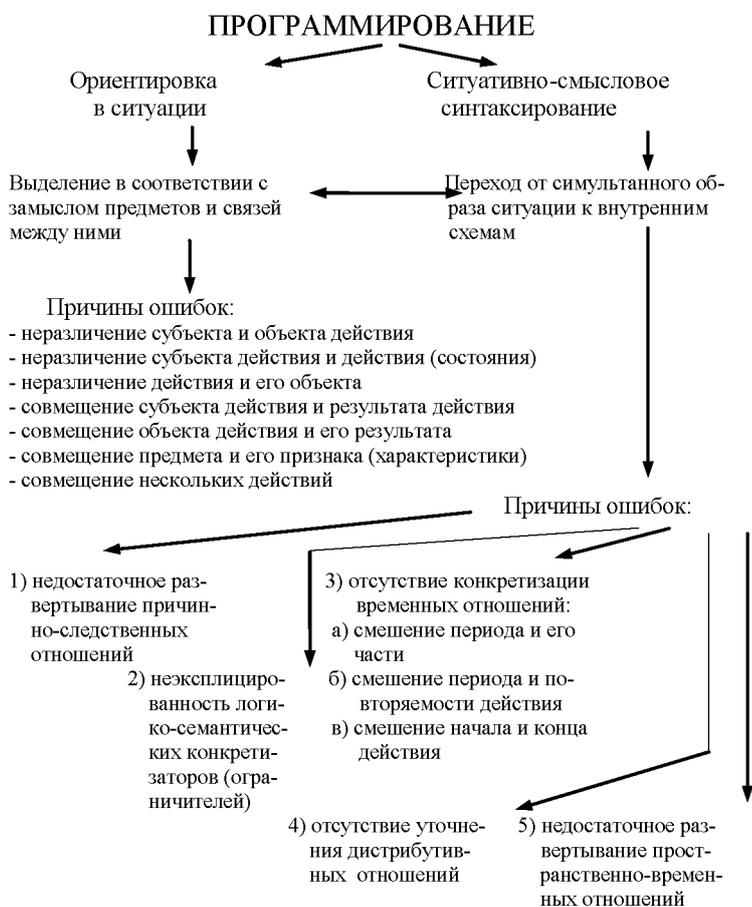

Рис. 5. Причины ошибок в ходе программирования речи (по: [6; 7])

С этапом внутреннего программирования Г.В. Ейгер увязывает сбои в работе речевого механизма, которые могут быть объяснены за счёт неверного расщепления «смысловых сгустков» при ориентировании в ситуации, когда требуется разведение субъекта и объекта действия, субъекта действия и самого действия (состояния), субъекта действия и результата действия и т.д. К названным на рис. 5 причинам ошибок по линии выделения в соответствии с замыслом предметов и связей между ними можно добавить и не упомянутый Г.В. Ейгером случай смешения субъектов разных действий, который можно проиллюстрировать примерами типа: **Будучи девочкой, отец уделял мне мало внимания* (из радиопередачи).

Эта схема показывает также, что неизбежная на данном этапе «скомпрессованность» действий как исходный момент ситуативно-смыслового синтаксирования требует, чтобы при переходе от симультанного, целостного образа ситуации к внутренним схемам производились разбивка предложений, их развёртывание, конкретизация причинно-следственных, временных и прочих отношений и связей: именно этого не произошло в приведённом выше примере, свидетельствующем о параллельности функционирования процессов, которые обозначены обеими ветвями схемы. Условность разграничения этих процессов, их взаимообусловленность и взаимозависимость показаны на рис. 5 посредством двунаправленных стрелок, что отличается от частично соотносимых с этим рисунком схем в работах Г.В. Ейгера [6; 7].

При рассмотрении этапа реализации программы (см. рис. 6) Г.В. Ейгер учитывает, что процессы синтаксирования и лексического наполнения могут протекать последовательно, параллельно и накладываться друг на друга.

Рис. 6. Виды ошибок в ходе реализации программы высказывания (по: [6: 24; 7: 64])

В качестве примеров сбоев на этом этапе Г.В. Ейгер рассматривает контаминацию как ненормативное соединение в результате интерференции компонентов двух (реже – более чем двух) конструкций, обладающих определённым формальным и семантическим сходством, и семантическую индукцию, при которой одно слово заимствует способ сочетаемости у другого или других семантически близких слов, в результате чего само это слово не искажается, но возникает ненормативное сочетание слов.

Следует подчеркнуть, что Г.В. Ейгер объясняет анализируемые им ошибки с учётом совокупности последовательно осуществляемых операций поиска и извлечения языковых единиц из памяти, а также через действие резонансного механизма, обуславливающего, например, образование контаминированных структур на основе разнообразных комбинаций простых и/или сложных признаков. Заметим также, что Г.В. Ейгер с опорой на результаты предпринятого им экспериментального исследования показывает пути и возможности

формирования механизма контроля языковой правильности высказывания в ходе обучения иностранному языку.

Не имея возможности обсуждать здесь более поздние экспериментальные исследования, так или иначе проливающие свет на функционирование механизма самоконтроля при продуцировании речи или понимания текста на родном или иностранном языке (см., например, [2; 18; 19; 21; 25; 28; 30; 31]), ограничусь замечанием, что в последнее время лишь отдельные исследователи обращаются к глубинным основаниям речемыслительного процесса, обеспечивающим результат речемыслительного действия (см., например, работы Е.Ю. Мягковой [22; 23]). Однако представляется, что именно рассмотрение природы «смысловых сгустков» (по Г.В. Ейгеру) или «образа результата речемыслительной деятельности» (по модели, приведённой на рис. 2) и разностороннее исследование стратегий и опор при «расщеплении» смысловых сгустков или навигации по мультимодальному гипертексту в ходе реализации замысла высказывания могут в конечном итоге привести к практическим рекомендациям относительно оптимальных путей исправления речевых ошибок и/или их предотвращения. Несомненно, для реализации такой задачи требуются соответствующая теория значения слова, ориентированная на «живое знание», а также согласующиеся с такой теорией исследовательские процедуры.

Особенности самоконтроля как естественного процесса

Итак, функционирование самоконтроля как естественно протекающего процесса обеспечивается сформированным в филогенезе механизмом обратной связи, посредством которого производится сопоставление результатов разных этапов речемыслительного процесса с задаваемым или искомым смыслом при параллельном протекании ряда взаимодействующих процессов и воздействии множества внешних и внутренних факторов.

Представляется важным рассмотреть, ограничивается ли контроль в таких случаях именно и исключительно осознаваемыми действиями. При обсуждении поставленного вопроса следует подчеркнуть, что ещё в конце XIX века И.М. Сеченов называл предрассудком, укоренившимся в умах даже образованных людей, представление о том, что интеллектуальная деятельность обязательно сводится к осознаваемому (см.: [29]). В середине XX века А.Н. Леонтьев объяснил такое заблуждение «иллюзией рефлексии» и указал на постоянную динамику уровней осознаваемости в любом виде деятельности человека [20]. Известно, что «на табло сознания» попадают только конечные продукты ряда параллельно протекающих процессов, т.е. осмысление языкового явления возможно благодаря опоре рефлексии на продукты неосознаваемой деятельности. Представляется оправданным говорить о самоконтроле как понятии, подразумевающим комплексный характер контроля, при котором реализуются взаимодействие и постоянная динамика различных уровней осознаваемости (представим себе хотя бы некоторые образы и

цепочки выводных знаний, без неосознаваемого учёта которых не было бы возможным понимание смысла воспринимаемого сообщения).

Как в научном, так и в обыденном общении на родном или иностранном языке мы нередко сталкиваемся с ситуацией, в которой обнаруживается, что общающиеся по-разному понимают какое-то определение, термин, именование некоторого даже вполне обычного предмета или действия, поскольку при внешнем сходстве продуктов вербальной манифестации мы увязываем их с различающимися образами и/или подспудно воздействующими на восприятие эмоционально-оценочными переживаниями. Это происходит именно за счёт всего того, что и мплиц ируется соотносимыми с языковыми единицами категориальными полями, смысловыми полями или идентифицируемыми (с разных позиций) признаками, отношениями, ситуациями с вытекающими из них следствиями. При необходимости выяснения того, насколько, в какой мере и в каких отношениях наши знания или представления являются разделяемыми с собеседниками, мы меняем фокус внимания, переходим на иной уровень осознаваемости. выводя «на поверхность» то, что ранее учитывалось на уровнях неосознаваемого или бессознательного контроля.

Аналогичная ситуация перехода на уровень осознаваемости имеет место в ходе продуцирования речи, когда сигнал несоответствия или неполного, недостаточного соответствия замыслу высказывания, поступающий с уровня неосознаваемого контроля, побуждает нас заменить неудачно выбранное слово, а в некоторых случаях – и переформулировать структуру высказывания, поскольку требуемое слово в неё не вписывается. Такая ситуация эксплицируется при исправлении ошибок в речи на иностранном языке, когда сигнал о несоответствии поступает от преподавателя, нередко указывающего не только на факт наличия ошибки, но и на её характер (например: артикль, предлог и т.д.). Фактически то же самое происходит и по мере овладения первым языком, когда окружающие исправляют речевые ошибки ребёнка, однако, к сожалению, современные молодые родители не только не уделяют достаточно внимания объяснению того, почему нельзя как-то сказать или как лучше сказать о чём-то, но, более того, сами не замечают допускаемые неточности или нарушения правильности речи. Удивительно, но даже студенты, обучающиеся по филологическим специальностям, в проводимых исследованиях не идентифицируют такие ошибки, как неверное определение места «не только» в структуре высказывания или смешение субъектов разных действий, ср., например:

**Композитор Россини сочинял не только музыку, но и придумывал новые кулинарные рецепты (из радиопередачи).*

**Отработав горничной один год, услуги королеве становятся в три раза дороже (из телепередачи).*

То, что контроль при пользовании языком в принципе является мета-языковым, сомнений не вызывает: такое определение является оправданным, поскольку объектом рефлексии является язык, по отношению к которому осмысление рефлекслируемого происходит с помощью языка «второго порядка», т.е. языка описания естественного языка как рассматриваемого объекта. Но

является ли обсуждаемый вид контроля исключительно осознаваемо-метаязыковым? Некоторые авторы полагают, что контроль должен быть метакогнитивным, но можно ли принять такое определение безоговорочно? Ответ на этот вопрос полностью зависит от принимаемой нами трактовки языка как достояния пользующегося им человека. Если признать, что языковые средства означают что-то не сами по себе, а только за счёт опоры на образ мира и на имеющиеся у индивида цепочки выводных знаний об устройстве мира и о принятых в лингвокультуре способах именовании объектов, действий, ситуаций и т.д. (а это происходит при взаимодействии всех видов психических процессов), то окажется, что требуется и метаперцептивный контроль, и контроль за социокультурным аспектом ситуации общения и т.д., возможны и какие-то ещё разновидности метаконтроля: перечень только начат, он остаётся «открытым», и каждая область науки о языке, двуязычии, психических процессах, межкультурных контактах и т.д. может добавить свой ракурс видения этой проблемы. Фактически именно это происходит, когда предпринимается анализ языковых явлений с позиций разных языковых уровней, многообразных научных подходов и т.п. Однако при возможности анализа различных аспектов рассматриваемого феномена необходимо помнить о том, что при научном описании лишь моделируется исследуемый объект со связанными с ним процессами: мы строим гипотезы относительно того, что не поддаётся прямому наблюдению; убедительность таких гипотез должна достигаться не столько логическими рассуждениями, сколько их проверкой с использованием подходящих для этого процедур. В отношении самоконтроля в речемыслительной деятельности представляется несомненным, что носитель языка действительно учитывает описываемые лингвистикой закономерности, однако делает это в результате «своеобразной переработки речевого опыта» (в терминах Л.В. Щербы), в ходе которой формируются имеющие комплексную природу функциональные опоры, благодаря которым оказывается возможным посредством относительно стабильной дискретной языковой единицы «выходить» на широчайшую и принципиально нестабильную сеть мультимодальных связей, позволяющих переживать понимаемое при взаимодействии тела и разума, логики и воображения, беспристрастности и эмоционально-оценочных приоритетов и т.д. Иначе говоря, прямое наложение на процессы пользования языком системно-структурных закономерностей, выводимых из чисто рациональных научных описаний языковых явлений, которые якобы означают нечто «сами по себе», чревато опасностью принимать желаемое за действительное. Не случайно, от отождествления научных абстракций и обобщений с реальным функционированием языка неоднократно предостерегали отечественные языковеды: А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба и др.

В связи со сказанным выше представляется оправданным повторить приводившуюся в работе [17] таблицу, с помощью которой сопоставлены два пути получения знания: дискурсивный (в данном случае – научный) и интуитивный (т.е. используемый индивидом в процессах познания и общения при

адаптации к естественному и социальному окружению, в том числе – и при «своеобразной переработке речевого опыта», по Л.В. Щербе).

Несомненно, строгое противопоставление таких путей познания является очередной научной абстракцией, поскольку в реальной жизни имеет постоянное взаимодействие анализа и синтеза сравнения и классификации, протекающих независимо от нашей воли и сознания (по И.М. Сеченову), однако то и дело оказывается необходимым фокусироваться на каком-то признаке или признаках одной модальности, последовательно рассуждая и осуществляя поиск по выработанному в опыте алгоритму. Точно так же невозможно строго разграничить процессы оперирования значением слова «для себя» и «для других»: это связано с двойственной позицией пользующегося языком/речью субъекта, ибо человек существует в двух ипостасях: он всегда и говорящий, и слушающий (в том числе – сам себя), самоконтроль в обоих направлениях «работает» по принципу взаимодополнительности.

Таблица

Параметр	Путь получения знания	
	Интуитивный	Дискурсивный
Порядок действий	Одновременный	Последовательный
Характер признака	Разные модальности	Одна модальность
Характер информации	Различная по качеству	Одного качества
Уровень осознаваемости	Малоосознаваемый процесс	Осознаваемое рассуждение
Основная опора	Комплексные ориентиры	Акцентируемый признак
Вид поиска	Эвристический поиск	Поиск по алгоритму

Особо подчеркнём малоосознаваемость объединения нескольких информативных признаков разных модальностей в комплексные ориентиры, направляющие ход и результаты действия интуиции. В этой связи очень важным представляется вывод в книге [34] относительно того, что категоризация опыта, получаемого в двуязычной ситуации, и результирующая когнитивная структура добавляют двуязычному индивиду определённые сложности и преимущества, при этом не только на начальном этапе обучения второму языку, но и в течение всей его жизни. Понимание этого феномена затруднено тем, что не весь опыт может кодироваться языковыми средствами, поскольку некоторые виды опыта могут оставаться организованными на довербальном или до-символическом уровне. Это особенно касается опыта, полученного до того как у ребёнка была сформирована символическая функция языка. Обратим внимание на то, что такой вывод хорошо согласуется и с высказанным ранее Н.И. Жинкиным [8: 83] мнением о формировании смысла до языка и речи и с выводами по исследованиям последних лет (ср. заключение Э. Голдберга [3] о том, что разные аспекты значения слова распределены в различных областях мозга в тесной связи с теми аспектами физической реальности, о которой идёт речь). Добавлю, что ещё до этого Э. Бялисток [32] высказывала предположение, что при двуязычии задействуются не только речевые зоны головного мозга.

Данные такого рода дали основания для обсуждения идеи двойной жизни значения слова и далее – для разработки интерфейсной теории значения слова (см.: [14; 15; 35]), согласно которой значение слова выступает инструментом, опосредующим звеном между функционирующим в социуме словом и тем, что увязано в памяти индивида колоссальной сетью связей между продуктами перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки опыта познания и общения; навигация в таком «живом» мультимодальном гипертексте направляется топами (о теории топов см.: [26; 27]), которые (в моей трактовке) представляют собой продукты максимальной компрессии смысла, развёртываемого до уровня, соответствующего замыслу высказывания, при неосознаваемом учёте широкого круга цепочек выводных знаний, образующих внутренний контекст и подтверждающих вероятную достоверность именуемого (ср. с эвиденциальной теорией выводного знания: [4; 5]).

Обратим внимание на то, что названные проблемы, как и приводимые в этой публикации рисунки, «выросли» из наблюдений, сделанных при обработке материалов моих первых ассоциативных экспериментов ещё в 1960-е годы. Согласно полученным данным, были сделаны выводы о том, что: 1) участники эксперимента прежде всего пытаются самим себе уточнить, что означает идентифицируемое слово, и в то же время для других засвидетельствовать, что они поняли слово так, а не иначе; 2) такие уточнения реализуются с использованием определённых стратегий и опор; 3) при отсроченном воспроизведении предъявлявшихся в эксперименте слов испытуемые нередко производят смысловые замены или тематические «подмены» и «приписки», в значительной мере повторяющие средства идентификации слов «для себя», главное – демонстрирующие продукты перевода слов на смысл, т.е. в памяти сохраняется не столько словоформа, сколько то, что с ней увязывается в индивидуальном опыте познания и общения (см. подробно: [10]). Совокупность таких наблюдений в своё время дала основания для проверки гипотез о существовании ядра лексикона индивида и его роли в познании и общении, об использовании разного рода стратегий и опор в процессе идентификации слова родного языка или иноязычного слова и т.п., а также для углублённого исследования процессов извлечения смысла из текста и реализации смысла в тексте. Проверка таких гипотез и дальнейшая разработка психолингвистической теории слова как достояния индивида были реализованы в ряде докторских (И.Л. Медведевой, 1999; Н.В. Мохамед, 2000; Т.М. Рогожниковой, 2000; Т.Ю. Сазоновой, 2000; С.И. Тогоевой, 2000; С.В. Лебедевой, 2002; Н.О. Золотовой, 2005; С.А. Чугуновой, 2009; Н.И. Кургановой, 2012) и во многих кандидатских диссертаций моих учеников и далее – их собственных учеников. Совокупность полученных результатов убедительно свидетельствует о правомерности намеченного ещё в 1960-е гг. разграничения двух названных направлений самоконтроля при естественном функционировании языка. Основания для объяснения этого феномена фактически содержатся во втором издании учебника «Введение в психолингвистику» [13], где разграничивается ряд двойственных функций значения слова как достояния индивида, а также в книге о двойной жизни значения слова [14]. В ис-

пользуемых ныне терминах, речь идёт, во-первых, об идентификации воспринимаемого слова «для себя» как подтверждении правильности нахождения опор в мультимодальном гипертексте предшествующего опыта; во-вторых, о том, что при продуцировании речи поиск идёт от компрессии смысла к именованию кванта разделяемого знания, т.е. в направлении «для других». Тем не менее, поскольку один и тот же индивид выступает и говорящим, и слушающим, оба направления, скорее всего, функционируют во взаимодействии, на что уже было указано ранее.

Сказанное выше имеет непосредственную связь с проблемой самоконтроля речи: необходимы функциональные опоры речемыслительного действия, выводящие на переживание смысла как образа ситуации со всеми её характеристиками. Так, многие поколения носителей русского языка контролировали невозможность смешения разных субъектов действий с опорой на бессмертный чеховский образ шляпы, проезжающей мимо станции. Почему же теперь диктор телевидения может позволять себе высказывания типа: **Придя в школу, электронное устройство зафиксировало его приход* (ср. с «шедевром» из школьного сочинения; **Сидя на лавочке, ко мне подошла бабушка*). Прискорбно, но подобные ошибки становятся всё более распространёнными. Видимо, современное школьное образование в сочетании с результатами общения в Сети приводит к утрате эйдетических возможностей людей, у которых атрофируется способность к переживанию смысла с опорой на конструирование наглядных образов (хотя бы образа той самой бабушки, которая ухитряется подходить к кому-то не как-нибудь, а именно «сидя на лавочке»!).

Заключение

Итак, мы выяснили, что самоконтроль как проявление принципа обратной связи может быть либо полностью осознаваемым целенаправленным процессом (в этом случае его можно называть автотестированием), либо малоосознаваемым естественным процессом, спонтанно протекающим при динамике разных уровней осознанности при возможности выведения на «табло сознания» продуктов речемыслительного процесса, подтверждающих успешность реализации заданного смысла или сигнализирующих о наличии рассогласования по некоторому признаку и о необходимости возвращения на предшествующий этап (или этапы) процесса для исправления допущенной ошибки.

Формирование опор для самоконтроля, скорее всего, осуществляется при взаимодействии следующих двух путей:

1 – через переработку перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта познания и общения в ходе адаптации к естественному и социальному окружению. При этом посредством постоянно протекающих неосознаваемых процессов анализа и синтеза, сравнения и классификации у ребёнка начинают формироваться функциональные опоры, смысловую основу которых составляют чувственные переживания и базирующиеся на них обобщения, увязываемые с принятыми в социуме именованностями;

2 – через воздействие окружающих и целенаправленное обучение с фокусированием на принятых в культуре нормах поведения (в том числе – речево-

го). При этом решающая роль принадлежит формированию «петель обратной связи» сначала как инструмента осознаваемого контроля, а далее – как функциональной опоры бессознательного контроля,

Взаимодействие названных путей формирования самоконтроля в идеале должно обеспечивать совокупный эмерджентный продукт – систему опор, позволяющую на уровне неосознаваемого контроля направлять ход речемыслительного процесса в соответствии с замыслом высказывания. Особую роль в формировании таких опор, несомненно, играют эмоционально переживаемые ситуации, позволяющие в дальнейшем успешно конструировать мысленные образы, увязываемые с определёнными речевыми моделями.

Список литературы

1. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. М.: Смысл; Издат. центр «Академия», 2006. Т. 1. 448 с.
2. Воскресенский И.В. Стратегии имплицитирования и разрешения неоднозначности в деловой переписке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И.В. Воскресенский ; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2007. 20 с.
3. Голдберг Э. Управляющий мозг / пер. с англ. М., 2003. 335 с.
4. Голубева О.В. Основы теории эвиденциальности смыслового переживания значения индивидом // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 4. С. 7–21.
5. Голубева О.В. Эвиденциальное смысловое переживание как причинное кодирование знаний об объекте // Слово и текста: психолингвистические исследования: сб. науч. тр. / под ред. А.А. Залевской. Тверь, 2015. Вып. 15. С.10–18.
6. Ейгер Г.В. Механизм контроля языковой правильности высказывания: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1989. 51 с.
7. Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков: «Основа», 1990. 184 с.
8. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 157 с.
9. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. 83 с.
10. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование: монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. 206 с.
11. Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. 197 с.
12. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
13. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.
14. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование: монография. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012.
15. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории слова: монография. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 328 с. [Электронная книга] / URL: www.directmedia.ru/
16. Залевская А.А. Метаязыковое сознание и грамотность // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 2. С. 38–43.
17. Залевская А.А. «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 4. С. 29–36.
18. Ищук М.А. Специфика понимания иноязычного гетерогенного текста по специальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М.А. Ищук ; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2009. 19 с.

19. Корниевская С.И. Доступ к слову при устном продуцировании речи на иностранном языке в ситуации учебного двуязычия: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И.И. Корниевская ; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2012. 19 с.
20. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Изд-во политич. литературы, 1977. 304 с.
21. Мохамед Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Н.В. Мохамед ; Баш. гос. ун-т. Уфа, 2000. 40 с.
22. Мягкова Е.Ю. Моделирование внутреннего метаязыка при обучении пониманию иностранного текста // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. Вып. 6. С. 122–130.
23. Мягкова Е.Ю. Внутренняя грамматика и овладение иностранным языком // // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 24. С. 265–272.
24. Поймёнова А.А. Лексическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 170 с.
25. Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 147 с.
26. Садикова В.А. К вопросу о языковой топологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 4. С. 44–49.
27. Садикова В.А. Диалектика в языке и языкознании // Слово и текста: психолингвистические исследования: сб. науч. тр. / под ред. А.А. Залевской. Тверь, 2015. Вып. 15. С. 52–56.
28. Саркисова Э.В. Взаимодействие стратегий и структурных опор при идентификации незнакомого слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Э.В. Саркисова ; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2014. 18 с.
29. Сеченов И.М. Избранные произведения. М.: Учпедгиз, 1953. 355 с.
30. Соловьева М.В. Стратегии понимания иноязычного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.В. Соловьева ; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2006. 15 с.
31. Чернышова М.А. Когнитивно-синергетическое моделирование понимания рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.А. Чернышова ; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2010. 18 с.
32. Bialystok E. Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent // Bilingualism: Language and Cognition, 2009. Vol. 12(1). Pp. 3–11.
33. Ellis R. Understanding second language acquisition. Oxford: Oxford University Press, 1986. 327 p.
34. Javier R.A. The bilingual mind: Thinking, feeling and speaking in two languages. Springer, 2007. 154 p.
35. Zalevskaya A. Interfacial Theory of Word Meaning: A Psycholinguistic Approach. London: International Academy of Science and Higher Education, 2014. 180 p.

SELF-CONTROL THEORY AND SPEECH PRODUCTION MODELING

A.A. Zalevskaya

Tver State University, Tver

Some problems of terminology are discussed in connection with speech production mechanisms. A speech production model and several classifications of speech errors are used for grounding the role of self-control functioning at different levels of awareness.

Key words: *speech production, speech error, speech errors classification, self-control.*

Об авторе:

ЗАЛЕВСКАЯ Александра Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: aazalev@mail.ru

ВЕРБАЛЬНЫЙ И ПАРАГРАФЕМНЫЙ ЭЛЕМЕНТЫ КИНОПОСТЕРА В АСПЕКТЕ ЛОКАЛИЗАЦИИ

С. А. Колосов, И. А. Матвеев

Тверской государственной университет, Тверь

Постер кинофильма рассматривается как сложный семиотический объект (креолизованный текст), в архитектонике которого выделяются три слоя: иконический, вербальный и параграфемный. Описываются взаимодействие названия кинофильма с другими элементами вербального слоя, а также различные изменения его планов выражения и содержания с учётом используемых параграфемных средств. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ оригинальных и локализованных постеров.

Ключевые слова: кинопостер, креолизованный текст, перевод, название кинофильма, вербальные средства, параграфемные средства.

Перевод названий кинофильмов уже не раз становился не только объектом исследования в сфере лингвистики и переводоведения, но и предметом многочисленных дискуссий в сообществе кинолюбителей. Однако в последние годы всё больше исследователей указывают на неоспоримую роль маркетинговых стратегий в данном вопросе [2; 9]. Несмотря на то, что переводческие решения обусловлены целым рядом факторов, ключевым среди них является именно прагматический. Руководствуясь такими критериями, как кассовый успех фильма и привлечение максимального количества зрителей, прокатные компании при переводе названий пытаются сделать их как можно более броскими и информативными, а передача исходной формы и содержания не является приоритетной, и даже очевидная лёгкость перевода не гарантирует того, что фильм сохранит оригинальное название [5].

Реализация прагматического фактора происходит в рекламе, которая является приоритетной задачей маркетинга. Одним из основных средств рекламы кинопродукта можно назвать постер. Кино само по себе является искусством прежде всего визуальным, и постер в этом отношении – его визитная карточка. При этом невозможно не учитывать воздействие содержания постера на интерпретацию названия кинофильма, принимая во внимание то, что само по себе название как текст в чистом виде в реальной действительности встречается довольно редко. Ведь именно постер – это первое, с чем сталкивается потенциальный зритель – с рекламой в интернете, на улице или в кинотеатре.

Стремительный рост визуальной информации в современной коммуникации и культуре уже давно заставил лингвистов обратить внимание на паралингвистические, т.е. невербальные, средства, которые сопровождают вербальную письменную коммуникацию и служат выражению различных коннотаций. В лингвистике текста обращение к паралингвистическим средствам связано с поиском закономерностей текстообразования, выявлением роли этих средств в организации прагматического воздействия текста на адресата, необходимостью более полного извлечения текстовой информации. Роль паралингвистических средств в тексте не является однозначной. В одних случаях их участие в орга-

низации текста охватывает только план его выражения, т.е. его внешнее оформление, и не затрагивает или не является существенным для плана его содержания. В других текстах паралингвистические средства приобретают особую значимость, так как участвуют в формировании как плана выражения, так и плана содержания. Использование паралингвистических средств становится важным типообразующим признаком этих текстов, а сами они могут рассматриваться как паралингвистически активные тексты. Являясь носителем определённой информации (семантической, экспрессивной), невербальные средства привлекают внимание адресата, а полное извлечение информации из текста становится невозможным без их декодирования и интерпретации [1].

Особую группу паралингвистически активных текстов составляют креолизованные тексты, в структуре которых задействованы коды разных семиотических систем. Креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный знак). В рамках письменной коммуникации к креолизованным относятся тексты, в репертуаре паралингвистических средств которых преобладают иконические (изобразительные) элементы. Постер кинофильма принадлежит к креолизованным текстам наряду с кинотекстами, текстами радиовещания и телевидения, средствами наглядной агитации и пропаганды, плакатами [6]. Следует отметить, что различные типы креолизованных текстов привлекают всё большее внимание лингвистов в последнее время (см., например, [3; 4; 7; 8]).

Иконическим средством кинопостера как креолизованного текста является собственно изображение, которое в большинстве случаев служит фоном для его вербальной составляющей. Как правило, это изображение представляет собой коллаж, собранный из фотографий главных героев и различных визуальных элементов, относящихся к событиям кинофильма. Изображение может также являться кадром из самого фильма или снятой специально для постера фотографией. Среди вербальных элементов кинопостера можно выделить имена исполнителей главных ролей и режиссёра, дату выхода в прокат, слоган, само название, а также отсылки к известным картинам, в создании которых приняли участие авторы фильма. Следует отметить, что название является неотъемлемой частью кинопостера, тогда как остальные перечисленные вербальные элементы либо отсутствуют вовсе, либо сопровождают его в различных комбинациях, при этом за ними не закреплено какое-то определённое местоположение и они могут находиться в любой части постера. Наконец, в поле невербальных, или параграфемных, средств постера также входят шрифт, его цвет и размер, регистр, подчёркивание, зачёркивание, цифры, вспомогательные знаки, необычная орфография слов и расстановка пунктуационных знаков и т.д.

В центре внимания современных исследователей, занимающихся изучением креолизованных текстов, в первую очередь находится соотношение вербальной и визуальной знаковых систем. Креолизованные тексты могут быть текстами как с полной, так и с частичной креолизацией. В первой группе вербальная часть не может существовать автономно, независимо от изобразитель-

ной части – между обоими компонентами устанавливаются синсемантические отношения. Вербальная часть в данном случае ориентирована на изображение или отсылает к нему, а изображение выступает в качестве облигаторного элемента текста. В текстах с частичной креолизацией вербальные и невербальные компоненты вступают в автосемантические отношения, когда вербальная часть относительно автономна, а изобразительные элементы текста оказываются факкультативными [8]. Такое сочетание часто встречается в рекламных текстах, к которым могут быть отнесены некоторые виды афиш и плакатов, а также постеры. Более того, в большинстве случаев иконический компонент, т.е. основное изображение постера, при локализации (т.е. переводе как адаптации) остаётся неизменным, поэтому с точки зрения перевода целесообразно рассматривать вербальный и параграфемный слои постера.

Название кинофильма как основной вербальный компонент в системе кинопостера в наибольшей степени подвергается различным изменениям за счёт применения параграфемных средств, которые иногда изменяют не только план его выражения, но и план содержания. Эти возможности прокатные компании могут использовать при переводе с целью создания определённого коммуникативного эффекта. Рассмотрим ряд примеров.

Американская комедия *Blended* / *Смешанные* (июнь 2014) рассказывает о том, как после катастрофического свидания «вслепую» родители-одиночки Лорен и Джим, не желая больше видеть друг друга, случайно оказываются в одних и тех же гостиничных апартаментах на южноафриканском курорте. Судьба будто бы «смешивает» главных героев друг с другом. Прокатная компания «КАРО Премьер» выпустила фильм, переведя название дословно, однако на русском постере буквы «ан» в слове *смешанные* вычленены. Они как бы «выпадают» из слова, но при этом «вклиниваются» в него сверху, в результате чего слово *смешанные* превращается в *смешные* (см. рис. 1). За счёт такого хода достигается эффект двойной актуализации, при этом значение *смешные* благодаря более крупному шрифту актуализировано в большей степени. Кроме того, в результате применения столь необычного параграфемного средства («выпавшие» буквы *ан*, написанные более мелким шрифтом) произошла жанровая экспликация названия.

Рис. 1. Фрагменты американского и российского постеров фильма *Blended*

Немецкая комедия *Fack ju Göhte* / *Зачётный препод* (декабрь 2014), ставшая самым успешным немецким фильмом 2013 года, рассказывает об отсидевшем грабителе, который попадает в школу в качестве учителя на замену. На

оригинальном постере название выполнено в стиле граффити, а другие вербальные элементы оформлены в виде надписи мелом на школьной доске. При этом в названии намеренно допущены орфографические ошибки (*Fack ju Göhte* вместо *Fuck you, Goethe*), искажены имена актёров за счёт использования вульгаризмов (*Elyarsch* вместо *Elyas* и *Herfurz* вместо *Herfurth*), а во фразе *von den Machern von Türkisch für Anfänger* зачёркнуто слово *Machern* и исправлено на *Folidioten* (см. рис. 2). Подобное единство плана выражения и содержания сильно усложняет процесс локализации, однако компания «Ракета Релизинг», осуществлявшая прокат данного фильма в России, довольно удачно справилась с этой задачей. Отказ от стиля граффити оправдан полной заменой названия в русской версии, так как словосочетание *зачётный препод* в отличие от *Fack ju Göhte* вряд ли можно было бы найти на какой-нибудь уличной стене. Вместо этого все вербальные компоненты оформлены в виде надписи мелом, а буква «о» в слове *зачотный* зачёркнута и исправлена на букву «ё». Таким образом удалось сохранить некоторые параграфемные средства и частично компенсировать экспрессивность названия в плане его выражения. Замена других вербальных элементов обусловлена меньшей известностью главных актёров и фильма *Türkisch für Anfänger* в России. В то же время использование модифицированных под школьную тематику прецедентных фраз из тюремного жаргона (*за Го-голя ответишь; от звонка до звонка; век учёбы не видать*) восполнило отсутствие аллюзий в переводе названия и усилило его аттрактивную функцию. Эти фразы можно классифицировать как дополнительные экспликативные вербальные элементы, которые встречаются довольно редко, но имеют место быть.

Следующим по значимости вербальным компонентом постера является слоган фильма, который может взаимодействовать с названием таким образом, что воспринимается как его часть. В таких случаях название и слоган как бы сливаются и их сложно отделить друг от друга. Эта особенность также может эксплуатироваться создателями постеров.

Рис. 2. Фрагменты немецкого и российского постеров фильма *Fack ju Göhte*

Примером служит оригинальный постер (см. рис. 3) криминальной мелодрамы *Focus / Фокус* (февраль 2015) об опытном мошеннике, который влюбляется в девушку и понимает, что отношения мешают его нечестному бизнесу. Графическое оформление слогана кинофильма *Never lose* имеет такой же стиль и размер шрифта, что и название, и отличается от него только цветовым исполнением. Слова *never* и *lose* расположены в верхней и центральной частях постера.

ра соответственно, а само название – в нижней части, что создаёт эффект плавного перехода от слогана к названию, которые вместе образуют повелительное предложение *Never lose focus*. Подобное единство вербальных компонентов удалось сохранить на русском постере, но при этом слово *focus*, в оригинале имеющее такие значения, как ‘внимание’, ‘концентрация’ (concentration of attention), в переводе передано русским словом *фокус* в значении ‘ловкий приём’, ‘трюк’. В русской версии постера слоган с названием также образуют повелительное предложение *Узнай в чём фокус*. Можно предположить, что компания «КАРО Премьер» как раз и добивалась переноса данного приёма на русский постер и переводила название, не обособляя его от слогана. В итоге, хотя семантика названия и слогана изменилась коренным образом, произошло усиление аттрактивной функции как названия, так и постера в целом.

Рис. 3. Американский и российский постеры фильма *Focus*

В качестве ещё одного примера приведём постер американского фильма ужасов *It Follows / Оно* (июнь 2015). Прокатная компания «Экспонента» произвела дословный перевод названия, однако часть названия использована в качестве слогана *[Оно] следует за тобой*. На русском постере данный слоган не только расположен непосредственно под названием и имеет схожее графическое оформление, но и грамматически согласован с названием. В результате такого переводческого решения грань между названием и слоганом на постере практически стирается. В то же время происходит компенсация содержательной недостаточности перевода названия за счёт слогана.

Итак, название кинофильма является лишь одним из вербальных компонентов постера, которые в той или иной степени взаимодействуют друг с другом, а также подвергаются различным изменениям на семантическом, коннотативном и экспрессивном уровнях в результате применения параграфемных средств.

Приведённые примеры показывают, как прокатные компании используют все имеющиеся возможности при локализации постеров, поэтому, принимая во внимание превалирующую роль рекламы, нацеленной на зрительное восприятие, и визуальной культуры в целом, возникает необходимость комплексного подхода к проблеме локализации кинопостеров.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с.
2. Бочарникова Н. В. Дезориентирующий перевод названий кинотекстов как явление коммерческой адаптации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2011. № 25 (240). С. 32–38.
3. Викторова О. А. Демотивационные постеры с включением прецедентных феноменов // Вестник Тверского гос. университета. Серия «Филология». 2015. № 2. С. 123–128.
4. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 194 с.
5. Матвеев И. А. Прагматический фактор при переводе названий кинофильмов // Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. молодых учёных (23.04. 2015). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 73–76.
6. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
7. Удод Д. А. Денотативность невербального: опыт анализа креолизованного текста буклета музыкального альбома // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 4. С. 166–175.
8. Фофин А. И. Вербальный компонент в совмещённом пространстве изображения и слова (на примере афиш Тулуз-Лотрека) // Вестник Московского городского педагогич. ун-та. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2010. № 1. С. 45–58.
9. Leonardi V. Translating film titles: Linguistic skills, cultural awareness or marketing strategies? // Язык, коммуникация и социальная среда. 2011. № 9. С. 180–201.

TRANSLATING MOVIE POSTERS: VERBAL AND PARAGRAPHMIC COMPONENTS

Kolosov S.A., Matveev I.A.

Tver State University, Tver

The movie poster is regarded as a complex semiotic system (a creolized text) with three distinct layers: graphic, verbal and paragraphemic. The paper investigates interaction between the movie title and components of the verbal and paragraphemic layers. Of particular interest are transformations of the title's plane of expression and plane of content resulting from the application of paragraphemic means. The paper presents a comparative analysis of original and translated (localized) posters.

Key words: movie poster, creolized text, translation, movie title, verbal means, paragraphemic means.

Об авторах:

КОЛОСОВ Сергей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: serge-kolosov@yandex.ru; МАТВЕЕВ Илья Александрович – студент Тверского государственного университета, e-mail: 399176@gmail.com

ДИАЛЕКТИКА В ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКОЗНАНИИ**В.А. Садикова**

Тверской государственной университет, Тверь

В статье отстаивается идея необходимости изучения языка в процессе коммуникации как обязательном условии диалектического подхода в языкознании.

Ключевые слова: диалектика, коммуникация как процесс, коммуникативный смысл, ситуация.

Термин «диалектика» настолько привычен для учёного в любой сфере, что давно стал чем-то само собой разумеющимся, своеобразным научным «общим местом». Считается, что любое исследование по определению носит диалектический характер, так что специально заботиться об этом учёный, тем более лингвист, и не должен. Однако с тех пор, когда в нашем распоряжении оказалась *не только* «марксистская диалектика – единственный и всеобщий научный метод всякого познания и исследования» [1], полагаем, к этому понятию следует относиться более сознательно.

В современном толковом словаре изложены основные этапы формирования диалектики как научного понятия:

«ДИАЛЕКТИКА – от греч. *dialektike (techne)* – искусство вести беседу, спор – философское учение о становлении и развитии бытия и познания и основанный на этом учении метод мышления. В истории философии выдвигались различные толкования диалектики: как учения о вечном становлении и изменчивости бытия (Гераклит); искусства диалога, достижения истины путём противоборства мнений (Сократ); метода расчленения и связывания понятий с целью постижения сверхчувственной (идеальной) сущности вещей (Платон); учения о совпадении (единстве) противоположностей (Николай Кузанский, Дж. Бруно); способа разрушения иллюзий человеческого разума, который, стремясь к цельному и абсолютному знанию, неминуемо запутывается в противоречиях (И. Кант); всеобщего метода постижения противоречий (внутренних импульсов) развития бытия, духа и истории (Г. В. Ф. Гегель); учения и метода, выдвигаемых в качестве основы познания действительности и её революционного преобразования (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин). Диалектическая традиция в русской философии XIX–XX вв. нашла воплощение в учениях В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и Л. Шестова. В западной философии XX в. диалектика преимущественно развивалась в русле неогегельянства, экзистенциализма, различных течений религиозной философии» [9].

В этой словарной дефиниции даже не упомянут Аристотель. Между тем чтобы базироваться на диалектике в языкознании, следует опираться на категории (в широком смысле, совокупно с предикабиями и топами) Аристотеля как на *первое синтетическое осмысление бытия через речь и мышление*. Мы не призываем брать на вооружение архаичный способ научного мышления, однако не учитывать достижения выдающихся учёных, полагаем, нельзя. Диахронический путь развития этой диалектики шёл от целостного представления о бытии, то одна, то другая сторона которого высвечивалась в сознании древних учёных, через «стяжение» в *категориях* Аристотеля – первое синтетическое обобщение представлений о бытии, и дальнейшее «распыление» в теоретических изыска-

ниях философов, логиков, филологов разных научных школ – вплоть до настоящего времени. Анализ истории формирования и бытования топики подробнее см.: [8: 6–76].

В Толковом словаре В. Даля нет научного толкования этого термина:

ДИАЛÉКТИКА ж. греч. умосложение, логика на деле, в прении, наука правильного рассуждения; по злоупотреблению, искусство убедительного пустословия, ловкого спора, словопрения. *Диалектíческий*, к диалектике относящийся. *Диалéктик*, ловкий, искусный спорщик, доводчик; иногда софист [3].

Как видим, в бытовом сознании носителей языка присутствуют два значения слова «диалектика»: положительное («логика на деле, в прении, наука правильного рассуждения») и негативное («искусство убедительного пустословия»). Сегодня с первым значением мы связали бы слово *полемист*, со вторым – только *софист*.

Для того чтобы воспользоваться плодами трудов древнего учёного, следует помнить, что Аристотель отождествлял диалектику с топикой, которую полагал основой общения и которая нужна, чтобы «не впасть в противоречие», когда мы отстаиваем своё или опровергаем чьё-то мнение.

Если исходить из современных работ, к которым мы относим всё, что написано учеными в XX–XXI вв., действительно диалектический подход в языкознании исповедует, на наш взгляд, А.Ф. Лосев. Напомним, что всемирно известный *философ* официально имел учёную степень доктора *филологических наук*. Его работа «Введение в общую теорию языковых моделей» [6], написанная в 1968 году, на наш взгляд, и по сей день не освоена в полной мере филологами и не получила заслуженной оценки среди учёных-лингвистов. Ещё в 1954 году Н.О. Лосский писал о А.Ф. Лосеве:

«Если бы нашлись лингвисты, способные понять его философию языка, они могли бы натолкнуться на совершенно новые проблемы и дать новые плодотворные объяснения многих явлений жизни языка» [7].

На наш взгляд, именно недооценённость важности диалектики для языка и лингвистических исследований не позволяет сегодня в полной мере оценить работу А.Ф. Лосева, тогда как его исследования в языкознании стоят на двух «китах» – *диалектике* и *коммуникации*.

Упомянутая выше работа А.Ф. Лосева посвящена исследованию фонологического уровня, и в то же время уже её название указывает на глобальную обобщённость осмысления изучаемого А.Ф. Лосевым языкового материала, на применимость идей моделирования в языке ко *всем* уровням. Вне диалектического подхода к языковым проблемам это было бы в принципе невозможно.

В 90-е годы прошлого века, характеризуя задачи лингвистики, А.Е. Кибрик обозначил этапы её развития как «ЧТО-лингвистика», «КАК-лингвистика» и «ПОЧЕМУ-лингвистика».

«С точки зрения ЗАЧЕМ-ПОЧЕМУ лингвистики языковые объекты существуют не сами по себе как автономные семиотические сущности, а как инструменты, имеющие функциональное предназначение в процессах языковой деятельности. При таком взгляде на языко-

вые объекты многие их свойства могут предстать в совершенно ином виде, чем это диктует КАК-подход» [5: 98].

Сегодня лингвистика в основном продолжает оставаться на уровне *описания* структур и процессов (ЧТО-лингвистика и КАК-лингвистика). Что касается *объяснения*, которое должно стать главной задачей современной ПОЧЕМУ-лингвистики, то «важно понять, какие рассуждения или умозаключения нам предлагается считать объяснением, какая методология служит в этом случае базой» [11]. А.Ф. Лосев знает ответ на этот вопрос:

«Исходя из того, что одним из решающих фактов как в истории, так и в теории языка является наличие в нём моделей, очевидно, необходимо кроме описания языковой модели давать также и её объяснение. А исходя из того, что *подлинное объяснение есть диалектика*, необходимо признать, что подлинное изучение фонемы, а также и других элементов языка, должно быть *диалектическим*» [6: 65].

Обращаем внимание на то, что А.Ф. Лосев говорит о наличии моделей *в самом языке* (о недостаточности быть эмпириком и «приучиться наблюдать структурные модели в языке» см. [цит. раб.: 66]) и подчёркивает необходимость не только описания, но и объяснения именно их, *языковых* моделей. Таким образом, для А.Ф. Лосева диалектикой проникнут сам язык, именно поэтому диалектической должна быть и наука о языке.

Естественное следование диалектике, последовательное и органичное продолжение диалектического подхода к исследованию языка и речи есть обращение к коммуникации.

Коммуникация – это, прежде всего, *взаимодействие* людей. Конечно, можно выделять *часть* коммуникации в исследовательских или обучающих целях, как это делает, например, И.А. Стернин [10], и говорить о воздействии, а не о взаимодействии. Можно, вероятно, полагать коммуникацией и *одностороннее* воздействие [4: 138]. Однако думаю, что коммуникация – понятие целостное и должна подвергаться исследованию, прежде всего, как целостность, а язык (и речь как реализация языка в общении) должна исследоваться именно в коммуникации как естественной для языка среде обитания.

А.Ф. Лосев вводит понятие окрестности и через теорию окрестности выходит на необходимость исследования языка в коммуникации:

«Ведь коммуникация заключается в том, что из безбрежного моря действительности мы выбираем нечто такое, о чём мы хотим сделать сообщение другому человеку и в соответствующей обработке того, что мы почерпнули в безбрежной действительности. Теория окрестности как раз и приучает нас, во-первых, к тому, чтобы видеть вокруг себя безбрежную, необозримую, бесконечную действительность, во-вторых, чтобы выбирать из этой действительности по своей собственной воле то, что мы находим важным сообщить другому, в-третьих, чтобы обрабатывать этот сообщаемый материал так, чтобы он был доступен и понятен другому человеку» [6: 249].

Сегодня на диалектический подход в языкознании более всего претендует когнитивное направление. Однако и этот подход оказывается половинчатым, потому что в нём диалектика связывается с миром и языком, но отрывается от коммуникации (хотя формально *общение* упоминается):

«В процессе использования языковых единиц в речи мы передаём собеседнику не общие знания концептов, а конкретные смыслы, т.е. общение состоит в передаче определённых смыслов друг другу. Системное значение используемого слова при этом активизирует соответствующий концепт как необходимую структуру знания (или когнитивный контекст), обеспечивая тем самым понимание и формирование необходимого смысла. В основе формирования этого смысла может лежать концептуальный признак, не фиксированный или представленный иначе в системном значении слова, или признак, отражающий иной способ концептуализации события (например, не как действия, а как свойства или процесса: *Он встретил её вечером – Вечер встретил его прохладой*). Другими словами, концептуальное содержание, передаваемое системным значением слова и его речевыми смыслами, не всегда совпадает и даже чаще всего не совпадает» [2].

И хотя нельзя не согласиться с тем, что «общение состоит в передаче определённых смыслов друг другу», стоит разобраться, *какой именно* смысл мы передаём друг другу в процессе общения. Это не только и не столько «концептуальное содержание» слова, и даже не «речевой смысл» слова, справедливо отмечаемый Н.Н. Болдыревым как несовпадающий с его системным значением, а *коммуникативный смысл*, обусловленный целями общающихся, их мнениями, а также ситуацией и условиями общения. И тогда уже приходится говорить не о *слове*, а о системе структурно-смысловых моделей порождения этого коммуникативного смысла, т.е. *о топике как диалектике*, понимавшейся так ещё Аристотелем.

Наиболее наглядно диалектический процесс коммуникации можно проследить при общении с детьми. Пятилетняя девочка забралась на бетонного динозавра и свесила ножки между гребнями на его спине. Мне хочется пообщаться с ребёнком, и я беру девочку за ногу. За гребнями на спине динозавра ей меня не видно.

–	<i>Это кто трогает мою ногу?</i>	(Запрос на имя)
–	<i>Динозавр.</i>	(Топ ИМЯ)
–	<i>Это как?</i>	(Запрос на конкретизацию)
–	<i>Поднял лапу и потрогал.</i>	(Топ КОНКРЕТНОЕ)
–	<i>Нет...</i>	(Топ ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ)
–	<i>Почему это?</i>	(Запрос на причину)
–	<i>Он неживой.</i>	(Топ ПРИЧИНА)

Коммуникация состоялась, и использованные топы отражают её *процесс*. Важно не то, какие части речи или какую лексику мы употребили при общении, а какие структурно-смысловые модели использовали. Например, рассмотренная вне коммуникации последняя реплика однозначно была бы оценена как *признак*. Но в данной конкретной ситуации важен не признак, а *причина* (признак только способ выражения причины), именно в ней заключён *коммуникативный* смысл реплики, обусловленный ситуацией общения и мнением говорящего.

Таким образом, характер топа зависит от конкретной ситуации общения и цели, с которой презентуется высказывание, а значит – актуализируется смысл. Топика как диалектика предлагает не схемы построения, а структурно-смысловые (т.е. структурирующие *смысл*) единицы, систему синтетических

инвариантных единиц, имеющих отношение как к внутренней структуре языка, так и к внешнему миру и его отражению в речи через общение носителей языка *в каждый данный момент общения*. Собственно в этом и заключается диалектика языка/речи, теснейшим образом связанная с диалектикой общения, которая потому и изучаться (объясняться) должна диалектически, а значит – в процессе. Инструмент такого исследования – топика как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла, прототипом которой является топика-диалектика Аристотеля.

Список литературы

1. Айвазян К. О специфике проявления законов диалектики в развитии языка // Известия академии Армянской ССР. Общественные науки. № 12. 1952. С. 20–53.
2. Болдырев Н.Н. Диалектика отражения мира в языке [Электронный ресурс]. URL: <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/105.pdf> (дата обращения: 17.11. 2015).
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-6253.htm> (дата обращения: 15.11. 2015).
4. Демьянков В.З. Коммуникативное воздействие на структуру сознания // Роль языка в структурировании сознания. М.: Институт философии АН СССР, 1984. Ч.1. С. 138–161.
5. Кибрик А.Е. Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995. С. 93–101.
6. Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / под ред. И.А. Василенко. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2010. 296 с.
7. Лосский Н.О. История русской философии. Париж, 1954. М. 1994.
8. Садикова В.А. Топика: история, теория, практика: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. 188 с.
9. Современный толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-18408.htm> (дата обращения: 15.11. 2015).
10. Стернин И.А. Практическая риторика. 5-е изд., стер. М.: «Академия», 2008. 272 с.
11. Фрумкина Р.Ф. Самосознание лингвистики – вчера и завтра // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LITRA/FRUMKINA.HTM> (дата обращения: 25. 04. 2000).

DIALECTICS IN LANGUAGE AND LINGUISTICS

V.A. Sadikova

Tver State University, Tver

The article advocates the idea of having to investigate language in the process of communication as an indispensable condition of dialectical approach in Linguistics.

Keywords: *dialectic, communication as a process, communicative sense, situation.*

Об авторе:

САДИКОВА Валентина Алексеевна – кандидат филологических наук,
e-mail: Vsadnik46@mail.ru

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ТУРИСТИЧЕСКОЙ БРОШЮРЫ

Е.М. Исакова

Тверской государственной университет, Тверь

В статье определяются жанровые особенности текста образовательной и туристической брошюры, делается попытка вывести рассмотрение вопроса жанровых особенностей такой брошюры из теории связей с общественностью и взглянуть на вопрос брошюры как жанра в рамках теории дискурса и рассмотрения текста в герменевтике.

Ключевые слова: жанр, брошюра, проспект, буклет, дискурс образования, дискурс туризма, текстограмма, лингвистический портрет жанра.

Любое содержание имеет определённую форму, которая отражает весь спектр внутренних связей, а также способы организации элементов и внутренних процессов. Форма и содержание всегда взаимосвязаны. Так, можно сказать, что форма содержательна, а содержание оформлено. На протяжении всей истории существования словотворчества будь то в дописьменный период или с момента появления письменности и книгопечатания, тексты, порождённые человеком, приобретали различные формы, наполненные различным содержанием, и тогда мы стали говорить о появлении определённых текстовых жанров. Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило определяет жанр в теории текста как объективный экстралингвистический фактор текстообразования. Т.В. Жеребило отмечает также, что жанроцентрическое направление актуально в современной коммуникативной лингвистике и сфере обучения (см. публикации Т.В. Шмелевой, Т.В. Матвеевой, М.Ф. Федосюк, В.Е. Гольдина, В.А. Салимовского, Л.Р. Дускаевой и др.]. М.М. Бахтин, согласно Т.В. Жеребило, определял жанры как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний». Границы жанра в данном случае связываются со сменой субъектов речи и смысловой законченностью [1: 104].

Следуя определению жанра, данного М.М. Бахтиным, рассмотрим образовательную и туристическую брошюру также как текстовый жанр. В современной отечественной науке брошюра исследуется сравнительно недавно в теории публичных коммуникаций как жанр комбинированных PR-текстов. А.Д. Кривонос [2] рассматривает в одном ряду буклет, проспект и брошюру как типы комбинированных текстов, которые могут трактоваться и как собственно PR-тексты, и как рекламные или сочетающие в себе и те, и другие. Буклет у А.Д. Кривоносова – это печатное издание, обычно на листе формата А4 с последующей двойной фальцовкой (6 полос). В рекламоведении буклет определяется как небольшой рекламный материал, чаще многоцветный. Является недорогим, экономичным изданием, выпускаемым большим тиражом. Буклет традиционно содержит информацию, представленную следующим образом: каждая страница оформлена и читается отдельно от других (другими словами, каждая страница имеет свою рубрику), или содержание буклета составляет один целостный текст, располагающийся постранично.

А.Д. Кривоносов, ссылаясь на С. Пономарёва, отмечает, что основная задача буклета

«...давать представление о компании, её специализации, позициях на рынке, перечне производимых услуг, руководстве и коллективе компании. Форма и содержание буклетов варьируются, однако все они отвечают неким общим требованиям: текст и оформление должны сформировать у читателя благоприятное мнение о компании, её достижениях, коллективе и планах на будущее» [цит. раб.: 158].

Исследователь приводит «градацию» буклетов, предлагаемую западными PR-специалистами, отмечая одновременно однотипность российских буклетов и их структурную и содержательную размытость.

PR-информация может распространяться среди различных сегментов общест­венности также посредством проспекта или брошюры.

Проспект – это сброшюрованное многостраничное печатное издание, отличающееся обилием цветных фотографий, схем, таблиц, носящее престиж­ный характер и часто выпускаемое к юбилейным событиям в жизни базисного субъекта PR. Проспект отличается от буклета возможным объёмом передаваемой информации и размером. А.Д. Кривоносов отмечает также, что Е. Блажнов выделяет 10 видов проспекта (например, проспект-путеводитель, проспект-визитка, проспект-справочник), правда, в его классификации комбинированный PR-текст не отделяется от комбинированного рекламного. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает проспект-визитка, который представляет «постоянно действующую структуру – фирму, спонсорскую организацию, торговый дом, государственное учреждение и т. п. В нём должна обязательно содержаться уникальная информация (особенность данной структуры, отличие от подобных, достижения в прошлом, перспективы и т. п.)» [2: 158].

Под брошюрой понимается печатное издание, отличающееся от буклета и проспекта объёмом и качеством содержащейся в нём информации, а также способом крепления листов. А.Д. Кривоносов приводит определение брошюры, взятое из словаря-справочника по рекламе, связям с общественностью и средствам массовой информации, где брошюра определяется как «печатное издание в виде нескольких листов объёмом свыше четырёх (но не более 48 страниц), как правило, в мягкой обложке» [цит. раб.: 152].

Чуть позже (в 2008 году) Ю.А. Старикова даёт следующее определение брошюры:

«Брошюра – печатное издание в виде книжки малого формата, содержащей обычно не более 16 страниц, прошитых или скреплённых металлическими скрепками. Брошюра распространяется организацией как самостоятельно, так и в пакете с другими материалами. Задачи брошюры: 1) вызвать интерес; 2) ответить на вопросы; 3) указать источники получения дальнейшей информации; 4) убедить в преимуществе организации по сравнению с аналогичными, представленными на рынке. Очень важную роль в брошюре играет иллюстративный материал» [4: 55].

Брошюра продолжает рассматриваться в русле теории связей с общественностью, и лишь в 2013 году в отечественной науке была сделана попытка рассмотреть брошюру и проспект в рамках теории дискурса; это было сделано Н.Б. Руженцевой [3]. Следует также отметить, что нет единого определения по-

нения брошюры или проспекта, исходя только из количества страниц. Так, Н.Б. Руженцева определяет проспект как сброшюрованное креолизованное (сочетающее вербальный и визуальный ряды) издание объёмом от 16 страниц, содержащее набор инвариантных текстовых компонентов (в сочетании с компонентами вариативными) и выполняющее целый набор функций – информационную, воздействующую, гедонистическую, функцию позиционирования относительно конкурентов и др.

Всё больше и больше приближая трактовку брошюры и такого её подвида, как проспект, к рассмотрению текста в герменевтике, Н.Б. Руженцева выводит следующее определение:

«международный туристский проспект – это сложный многокомпонентный вторичный жанр, направленный на комплексное представление международных туристских ресурсов, выполняющий, кроме вышеуказанных функций, функцию совмещения языкового и национально-культурного фонда коммуникаторов, которая, в свою очередь, способствует формированию межнациональной компетенции адресата текста и характеризующийся высокой инонациональной составляющей в содержательно-структурном и лингвопрагматическом планах текста» [цит. раб.].

Н.Б. Руженцева иллюстрирует такое определение современным текстовым материалом и акцентирует внимание на том, что любую жанровую форму можно определить по трём инвариантным компонентам – тематике, структуре (композиции) и стилю. Кроме того, любой жанровой форме присуща и своя прагматическая рамка – это, как минимум, автор, адресат, субъектно-адресатные отношения и цель (интенция). Проспект (или, в нашем понимании, брошюра) отнесён Н.Б. Руженцевой к комплексным вторичным жанрам, однако с возможностью охарактеризовать его по указанным выше формально-содержательным и прагматическим признакам.

Мартин Нильсен ещё в 1998 году предложил рассматривать брошюру (в его исследовании брошюру компании) как жанр, путём составления её языкового портрета (*linguistic profile*). В этой связи он говорит о создании текстогаммы или портрета/модели жанра. Нильсен даёт следующее определение: «портрет/модель жанра (*genre profile*) или текстогамма (*textogram*) это описание любого жанра на основе его внешних и внутренних характеристик» [5: 22]. В качестве отправной точки для создания модели анализа жанра Нильсен выбрал кумулятивный анализ известного немецкого лингвиста Лотара Хоффмана [цит. раб.: 23]. Модель Хоффмана основана на рассмотрении и выделении двух иерархически организованных матриц – для внутренних и внешних текстовых факторов. Каждая матрица состоит из нескольких главных категорий. Так, для описания внутренних текстовых факторов выделяются макро-структура, логическая стройность (*coherence*), синтаксис, лексика, грамматические категории. Каждая из таких категорий подразделяется на подкатегории (например, грамматическая категория подразделяется на категории глагола, существительного и т.д.). Так, для описания брошюры компании Мартин Нильсен [цит. раб.: 220] создаёт следующие матрицы (см. табл. 1). Следуя этому принципу, внешнюю матрицу текстогаммы или портрета жанра туристической брошюры и образовательной брошюры можно представить следующим образом (см. табл. 2):

Таблица 1

Внешняя матрица	Внутренняя матрица	
коммуникативная интенция	невербальная	вербальная
объект коммуникации	размер	макроструктура
получатель	формат	изотопия
отправитель	качество бумаги	метакоммуникация и метаязык
распространение		интертекстуальность
		участие отправителя
		участие получателя

Таблица 2

Внешняя матрица		
	Туристическая брошюра	Образовательная брошюра
Коммуникативная интенция	Дать информацию о туристическом направлении, привлечь внимание потенциальных туристов	Дать информацию об учебном заведении, привлечь внимание потенциального студента
Объект коммуникации / получатель	Потенциальные туристы и гости туристического направления, широкая общественность	Потенциальные студенты, их родители и законные представители
Отправитель	Отдел по туризму, городская администрация, индивидуальные заказчики и представители города/населённого пункта	Учебное заведение, его администрация

Список литературы

1. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
2. Кривонос А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. 2-е изд., доп. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002. 288 с.
3. Руженцева Н.Б. Международный туристский проспект как жанр межнационального дискурса // Jazyk a kultúra číslo. 2013. № 13 [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/serge/Documents/A%20DISSERTATION/ruzenceva.pdf (дата обращения: 10.10.2015).
4. Старикова Ю.А. Паблик рилейшнз (PR). М.: А-ПРИОР, 2008. 96 с.
5. Nielsen Martin. The company brochure as genre: towards a textogram based on Danish and German brewery brochures // Hermes: Journal of Linguistics. 2001. № .27 [Electronic resource]. URL: http://pure.au.dk/portal/files/9926/H27_12.pdf (accessed at: 1.10.2015).

GENRE FEATURES OF EDUCATIONAL AND TOURIST BROCHURE TEXTS

E.M. Isakova

Tver State University, Tver

The article defines the genre features of educational and tourist brochure texts, and an attempt is made to withdraw the consideration of genre peculiarities of tourist and educational brochures from the sphere of public relations theory and to view the issue of the brochure as a genre within discourse and hermeneutics theory.

Key words: *genre, brochure, pamphlet, booklet, educational and tourist discourse, textogram, linguistic profile of a genre.*

Об авторе:

ИСАКОВА Елена Михайловна – ассистент кафедры английского языка Тверского государственного университета, email: e.m.isakova@mail.ru.

КЛАССИФИКАЦИЯ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ДЕМОТИВАЦИОННЫХ ПОСТЕРАХ

О.А. Викторова

Тверской государственной университет, Тверь

В предлагаемой статье даётся классификация видов языковой игры в русскоязычных демотивационных постерах по результатам проведённого исследования.

Ключевые слова: демотивационный постер, языковая игра, языковые уровни.

Демотивационный постер (далее – ДП) – это изображение, включающее картинку и одну (тему) или две (тема и комментарий) надписи. Тема набрана крупным шрифтом; комментарий под темой – более мелким. Картинка и надписи помещены в чёрную рамку. Под языковой игрой (далее – ЯИ) в ДП мы понимаем синтез смыслов вербальной и иконической составляющих, предполагающий намеренное отклонение от литературной языковой нормы и являющийся сознательным творческим экспериментом, который проводится с целью привлечения внимания и создания экспрессивного эффекта. Нами проанализировано 8256 русскоязычных ДП, из которых 1763 ДП со смыслом комическое: 1141 ДП без ЯИ и 622 ДП с ЯИ. ДП с ЯИ составляют 7% от всех просмотренных ДП. Выборка ДП проводилась с русскоязычных сайтов, содержащих ДП: <http://fishki.net/demotivation/>; <http://demotivation.me/>; <http://rusdemotivator.ru/>; <http://demotivations.info/>, групп в социальной сети Вконтакте и др.

Больше всего случаев языковой игры встретилось на лексическом уровне: 511 ДП с ЯИ. По количеству ДП с ЯИ на этом уровне первое место занимают прецедентные феномены (см. подробнее [1]), и это не случайно. Прецедентные феномены отражают важные для представителей конкретного национально-лингво-культурного сообщества культурные стороны жизни; они легко узнаваемы и воспроизводимы. По источникам прецедентности 247 ДП распределились следующим образом: 32 ДП, обыгрывающих названия и тексты детской литературы, строки из поэтических и прозаических произведений, русский фольклор и героев комиксов; 31 ДП с фразами из рекламных сообщений; 30 ДП с названиями и строками из песен; 28 ДП, обыгрывающих русские и иностранные фильмы и героев из них; 21 ДП со ссылками на русские и американские мультфильмы; 18 ДП с фразеологизмами; 15 ДП с пословицами и поговорками; 13 ДП, затрагивающих политические темы и политиков; 12 ДП со знаменитостями; 9 ДП с отсылками к играм, в том числе компьютерным; 8 ДП с крылатыми фразами; по 4 ДП, посвящённых истории, живописи и высказываниям известных людей; по 3 ДП с афоризмами и анекдотами; по 2 ДП, обыгрывающих приметы, детские считалки и образцы архитектуры; по 1 ДП на темы физики, химии, праздников, названий ТВ-программ, кораблей и автомобилей. Все упомянутые прецедентные феномены представлены в ДП как в неизменённом виде, так и в трансформированном. Комбинация картинки и надписи в таких ДП создаёт совершенно новые смыслы и (или) модифицирует старые.

На лексическом уровне в 63 ДП обыгрываются речевые клише и в 60 ДП – полисемантические слова. В нашей картотеке 48 случаев ДП с омонимией, из которых 26 ДП – с абсолютными омонимами, 10 – с омоформами, 6 – с омонимией имён собственных и нарицательных, 4 – с межъязыковыми омонимами, 1 – с омофонами и 1 – с омонимией сочетаний букв и цифр. В 40 ДП переосмысляются синтаксически или фразеологически не свободные словосочетания. 24 ДП содержат метафору, 14 ДП – олицетворение, 12 ДП – паронимы и 3 ДП – перифраз. Лексическая языковая игра заключается в обыгрывании нескольких значений или прямого и переносного значений слов или словосочетаний; сходных слов, словосочетаний, явлений и объектов. Одни значения заложены в надпись, другие – в картинку, образуя смысловое единство. Речевые клише и синтаксически или фразеологически не свободные словосочетания могут быть представлены в ДП как в первоначальном виде, так и в трансформированном. Примером ДП с ЯИ на лексическом уровне является ДП «*Лучшие умы России*» на рис. 1, в котором обыгрываются омоформы «ум» – «способность мыслить, рассуждать и делать выводы» и «УМ» – «управление механизации».

Далее в количественном отношении идёт словообразовательный уровень: 56 ДП с ЯИ. «Предсказамус-приём» (термин С.В. Ильясовой и Л.П. Амири – [3: 193]) (или «образования по конкретному образцу» – термин Е.А. Земской – [2: 194–195]) и контаминация – самые распространённые способы создания ЯИ в ДП на словообразовательном уровне: по 13 ДП. Далее идёт фокус-покус приём (или эхо-конструкция, повтор-отзвучие) (см, например, [2]) – 10 ДП. 5 ДП, в которых новые слова создаются путём соединения русских и иноязычных компонентов, и 5 ДП с окказионализмами, основанными на обыгрывании паронимичных составляющих. «Народная этимология» встретила в создании ЯИ в 3 ДП, также в 3 ДП обыгрываются аббревиации. По 1 ДП демонстрируют следующие словообразовательные техники: столкновение производных от паронимичных основ; построение слов с вымышленными корнями; «словообразовательный куст» (термин Е.А. Земской – [2: 196]) (набор производных от какого-то слова); образование существительного-неологизма от словосочетания. Словообразовательный уровень проиллюстрируем ДП «*Ребёнок, постигший древнее искусство сон-фу*» на рис. 2, где используется «предсказамус-приём»: по аналогии с лексемой «кон-фу» создаётся новая, паронимичная, – «сон-фу», представляемая картинкой ДП с изображением спящего малыша; картинка ДП мотивирует на создание словообразовательной игры и, следовательно, двух смыслов: заложенного в слове-основе и вводимого картинкой.

На синтаксическом уровне мы выделили 40 ДП с ЯИ. 15 ДП содержат антитезу; 11 ДП – парадоксы; 3 ДП – параллельные конструкции; 3 ДП – семантически не связанные цепочки; 3 ДП – эпифору. По 1 ДП – с расчленением синтаксической конструкции, анадиплосисом, парцелляцией, зевгмой и хиазмом. Синтаксический уровень представим ДП «*ДО НОВОГО ГОДА ОСТАЛОСЬ / е-моё, ничего не куплено и не сделано, гулять негде / ДНЕЙ*» на рис. 3. Синтаксическая конструкция «до нового года осталось ... дней» расчленена целым предложением, которое заменяет точное количество дней. Однако «вкли-

нившееся» предложение вносит добавочные смыслы, раскрывая душевное состояние человека, создавшего этот ДП. Надпись, сделанную строчными буквами, и выражаемый ею смысл – «нехватка времени перед новым годом» – иллюстрирует полностью наряженная ёлка с уже зажжёнными огнями, перевозимая в маленькой машине.

Графический уровень представлен 9 ДП. По 2 ДП содержат ЯИ, созданную с помощью слов-матрёшек, «Олбанского языка» (языка в интернете, в котором целенаправленно искажается орфографическая норма) и совмещения букв и цифр. По 1 ДП включают такую графическую игру, как «клавиатурные кальки» (сочетания кириллических букв, получающиеся в результате набора английских слов при русской раскладке клавиатуры), литуратив (зачеркивание текста) и нарочитое нарушение действующих орфографических правил. На рис. 4 графическая игра представляет собой слово-матрёшку «*БРОВИссимо*», созданное в рамках одного – русского – алфавита. В данной надписи прочитываются сразу два слова: первоначально написанное – «*бровиссимо*», являющееся омофоном итальянского слова «*bravissimo*», слова «брависсимо» в значении «браво в большей степени» или известной торговой марки творожков «Брависсимо»; и слово, выделенное заглавными буквами, – «*брови*», подкрепляющееся изображением нарисованных бровей у собаки. В создании графической игры в ДП участвуют как картинка, так и надпись.

ДП с ЯИ на фонетическом уровне в нашей выборке 5 случаев: 1 ДП – с апокопой, 1 ДП – с ономапеей, 1 ДП – с палиндромом, 1 ДП – со скороговоркой и 1 ДП – с созвучием. На этом уровне ЯИ заключена в надпись ДП или вербальную составляющую картинки. Картинка является лишь иллюстрацией фонетической игры. На рис. 5 представлен ДП с ЯИ на фонетическом уровне – «*Супер Мяурио*». Котёнок в кепке имеет некоторое внешнее сходство с персонажем видеоигр Марио. С помощью приёма ономапееи прецедентное имя Марио трансформируется в звукоподражательное – Мяурио.

Самый сложный вид языковой игры – морфологическая игра, она предполагает отличное знание грамматики языка. На морфологическом уровне нам встретился только 1 ДП с ЯИ (рис. 6): в надписи этого ДП обыгрывается морфологическая категория рода, которая подкрепляется картинкой: «*Командовать в доме должен кто-то одна*». Грамматически правильным было бы согласование в категории рода: «кто-то один». Однако с помощью изображения акцент делается на том, что командовать должна именно женщина, поэтому получается грамматически неправильная фраза, создающая комический эффект. В создании ЯИ в ДП участвует большое количество средств. В одном ДП могут совмещаться несколько разных видов ЯИ. По количеству ДП с ЯИ языковые уровни располагаются в таком порядке, начиная с уровня, на котором больше всего ДП: лексический, словообразовательный, синтаксический, графический, фонетический, морфологический. Задачей нашего дальнейшего исследования является классификация средств создания ЯИ в англоязычных ДП.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Список литературы

1. Викторова О.А. Демотивационные постеры с включением прецедентных феноменов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 2. С. 123–128.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / отв. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.
3. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, Наука, 2013. 296 с.

CLASSIFICATION OF LINGUISTIC MEANS USED IN CREATING LANGUAGE GAME IN DEMOTIVATIONAL POSTERS

O.A. Victorova

Tver State University, Tver

The article gives a classification of linguistic means employed in creating language game in Russian-language demotivational posters. The classification is based on the results of the author's research.

Keywords: demotivational poster, language game, linguistic levels.

Об авторе:

ВИКТОРОВА Олеся Александровна – аспирант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: olesia.viktorova@gmail.com

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА И ПРОДУЦИРОВАНИЯ РЕЧИ

УДК 811.161.1'373.231

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Н.П. Анисимова

Тверской государственной университет, Тверь

Предлагается сравнительный анализ проблемы категоризации в рамках модели необходимых и достаточных условий и теории прототипов. Семантическая теория В. Никеса показывает, что в данной проблеме необходимо учитывать ее культурно-исторический аспект.

Ключевые слова: история лингвистики, сравнительно-исторические и сопоставительные исследования, семантика, теория прототипов, культура.

Проблема категоризации, как таковая, предполагает выявление неких общих идей, позволяющих отображать реальность языковыми средствами. Эти общие категории могут быть определены на психологической основе – перцептивные категории, концепты, ментальные представления – или на лингвистической – семантические категории или языковые значения.

Вплоть до семидесятых годов прошлого столетия проблема категоризации решалась по аристотелевскому принципу, следуя которому, категория строится на основе общих свойств: чтобы принадлежать той или иной категории, следует обладать неким общим признаком с другими элементами, входящими в данную категорию. Как пишет Ж. Клейбер в своей «Семантике прототипа»:

«Pour décider de l'appartenance d'un x à la catégorie des chiens, il suffit de vérifier si le x en question possède des attributs qui constituent le dénominateur commun de la catégorie, autrement dit, s'il est animal, un mammifère, etc. S'il vérifie ces propriétés ce sera un chien. Dans l'hypothèse contraire, il ne fera pas partie de la catégorie et ne pourra donc être considéré comme étant un chien» («Чтобы принять решение о принадлежности некоего x к категории «собака», достаточно проверить, обладает ли данный x атрибутами, составляющими общий знаменатель для данной категории, то есть является ли он животным, млекопитающим и т.д. Если эти свойства проверены, то это собака. В противоположном случае он не будет входить в данную категорию и не сможет, соответственно, рассматриваться как собака») [3: 21] (здесь и далее перевод наш – Н.А.).

Эта традиционная концепция категоризации обычно обозначается как модель необходимых и достаточных условий (*modèle des conditions nécessaires et suffisantes* (CNS) [4: 301].

В дальнейшем такой подход к проблеме категоризации был оспорен новым поколением психологов, которые рассматривали восприятие как синтетический, глобальный феномен. Различные эксперименты убедили их в том, что восприятие происходит не через инвентаризацию независимых и отличительных признаков, но как осознание некой общей формы (например, *гештальт*). Общая гипотеза состоит в том, что дети, и вообще человеческие индивиды «ос-

новывают свою классификационную деятельность на общем подобии форм» [1: 98]. Такой подход выявил недостатки традиционной модели (*CNS*) и «расчистил путь» теории прототипов. В теории прототипов категории больше не выявляются *аналитически*, как совокупности признаков, присущих членам данной категории. Они определяются теперь *глобально*, по отношению к *прототипу* как одному из её лучших представителей. Другими словами, принадлежность некоего элемента к категории основывается на его подобии, похожести с неким экземпляром, который рассматривается как центр категории и который называется *прототипом*. Например, категория ПТИЦА будет основываться на подобии с прототипом, который близок к воробью. Такой подход предполагает, что некоторые «птицы» будут больше «птицами», нежели некоторые другие, менее «похожие» на основной прототип. В этом случае по отношению к воробью страусы и курицы занимают периферическое положение по отношению к центру прототипа.

Стандартная теория прототипа основана на идее, что человеческое восприятие организовано так, чтобы сообщить максимум информации о внешней реальности за счёт минимального когнитивного усилия. Этот факт Э. Рош, одна из зачинателей теории прототипов, называет когнитивной экономией. Таким образом, в мире существуют «прерывистости, так же как и взаимосвязи или стечения обстоятельств (*co-occurences*) по отношению к свойствам (например, для птицы – «иметь одновременно перья, клюв, две лапы» (*des discontinuités, ainsi que des corrélations ou co-occurences des propriétés (telle que pour un oiseau, «avoir à la fois des plumes, un bec, deux pattes»*) [2: 33]. Так, можно предположить, что если животное имеет перья или крылья, то оно может летать, Или если у него есть клюв, то должны быть и перья [4: 305]. Это второй принцип Э.Рош, который она называет принцип «структуры воспринимаемого мира». Однако уже в конце 70-х годов сама Э. Рош отказывается от идеи реализма: корреляты признаков оказываются не в самой объективной реальности, но в воспринимаемом нами мире. Принимается идея некой интер-активности, т.е. принимается постулат, что свойства и существа, которые человек воспринимает в реальности, ни полностью субъективны, ни объективны, но они зависят от взаимодействия между воспринимающим субъектом и воспринимаемым объектом. Таким образом, невозможно различить, что идёт от наблюдателя, а что – от наблюдаемого объекта. Больше не говорится о реализме теории прототипов, но лишь о концептуализме. Для большинства представителей когнитивной семантики категории не являются отражением идей или сущностей, объективно существующих, это продукты нашей ментальной деятельности как результат взаимодействия между человеком и окружающим его миром.

В то же время теория прототипов, как теория категоризации, должна быть в состоянии объяснить, каким образом носители одного языка «сговариваются» в вопросах номинации, т.е. как они приходят к относительно идентичной категоризации. Теория прототипов не в состоянии, видимо, дать объяснение данному факту [4: 310]. Эта теория не привлекает во внимание коллективный харак-

тер языковых значений: исключительно индивидуальный характер значений не в состоянии обеспечить ни истинное взаимопонимание, ни относительную стабильность, которой должны обладать языковые значения. Все эти аргументы показывают, что стандартная теория прототипов не в состоянии принести оперативное объяснение проблеме категориальной принадлежности.

Обратимся теперь к культурно-историческому аспекту проблемы категоризации, так, как он представляется автору теории «археологии значений» В. Никесу. По его мнению, теория прототипов не принимает в достаточной степени во внимание тот факт, что именно взаимодействие с человеком придаёт чувственным свойствам выпуклость. Это заметно по отношению к естественным реалиям, и особенно ярко проявляется по отношению к произведённым объектам, поскольку последние характеризуются прежде всего по их функциям [цит. раб.: 312]. Теория прототипов недооценивает значение человеческой деятельности и моторности в выявлении категорий.

В. Никес анализирует недостатки подходов к категоризации *sièges* (мебели для сидения), разработанных в рамках классического семного анализа и в теории прототипов. Так, в качестве первого подхода приводится структурный анализ, предложенный Б. Потье. Стул (*chaise*) различается по отношению к другим гипонимам следующими чертами: *со спинкой* по отношению к табурету (*tabouret*), *без подлокотников* по отношению к креслу (*fauteuil*), *с ножками* по отношению к дивану (*canapé*), *из жесткого материала* по отношению к пуфу (*pouf*). Теория прототипов, принимая во внимание возможные изыски дизайнеров, которые могут предложить стул с тремя ножками, одной, с подлокотниками и т.д., справедливо замечает, что все эти варианты не помешают относить их к категории стульев. Однако, как замечает В. Никес, в теории прототипов не находится, таким образом, критериев для различения стула, табурета или кресла. Вслед за А. Вежбицкой, он предлагает основываться на функциональной базе. Так, *табурет* предназначен для того, чтобы занимать минимум места, быстро принимать вертикальное положение; *стул* отличается от табурета наличием спинки, что создаёт дополнительный комфорт для сидения; *кресло*, в свою очередь, даёт возможность откинуться назад, увеличивает комфортность, но создает больше трудностей для вставания [цит. раб.: 314]. Эти дефиниции напрямую связаны с сенсорно-двигательными функциями, которые не принимаются во внимание другими классификациями.

Возвращаясь к категоризации естественных (природных) реалий, Никес отмечает, что теория прототипов не принимает во внимание культурно-исторический аспект языковых значений. Разница между категоризацией артефактов и природных реалий не так велика: если человек не создал птицу, то, по крайней мере, он создал её категорию. При этом единица категории выявляется только при условии определения критериев, которые её обосновывают.

Для зоологии критерием принадлежности к категории ПТИЦА является наличие перьев. Почему? Ведь пингвины и киви обладают опереньем, скорее, на этапе дегенерации. Однако зоология причисляет их к категории птиц. Для данной дисциплины важен концепт биологического рода. Поэтому для зоологов

к птицам относятся не только позвоночные, которые способны летать, но и те, кто относится к видам, которые были таковыми в прошлом. Вот почему наличие перьев берётся как критерий их категоризации. Для Никеса естественные науки «унаследовали фундаментальные категории и критерии классификации из функциональной проблематики, восходящей к охоте, собирательству, животноводству и сельскому хозяйству» (*«les sciences du vivant ont hérité leurs catégories fondamentales et leurs critères classificatoires d'une problématique fonctionnelle issue de la chasse, de la cueillette, de l'élevage et de l'agriculture»*) [цит. раб.: 316]. Критерий репродукции в данном случае решающий: необходимо, чтобы домашние животные могли воспроизводиться, чтобы дикие животные тоже могли производить потомство, чтобы зерновые давали цикличный урожай. Это вопрос жизненного ресурса.

Именно поэтому базовым элементом зоологической классификации является *вид*, который может воспроизводиться. Иными словами, *вид* означает группу индивидов, способных воспроизвестись и дать потомство, критерий, который преобладает над критерием подобия. Естественные науки унаследовали базовые принципы классификации, восходящие к истории и культуре.

Почему в таком случае зоологи не относят к категории птиц летучих мышей? Прежде всего потому, что они относятся к млекопитающим. К категории птиц относятся летающие позвоночные *не млекопитающие*. Следовательно, в данной категоризации можно обойтись без признака *оперенье*, т.е. даже вернуться к дефиниции *необходимых и достаточных условий*. Пример летучих мышей может ещё раз оспорить теорию прототипов. Принцип подобия не может объяснить, почему летучая мышь – не птица. Этот пример ещё раз показывает важность фактора естественной истории в категоризации видов и снова напоминает, что категоризация – это не просто факт восприятия, но в высокой степени факт культуры и знания [цит. раб.: 317].

Кстати, интересно, что в словаре Фюретьера (1690) летучая мышь отнесена к категории птиц: «маленькая ночная птица, крылья которой, вместо перьев, из кожи и хряща. Она похожа на мышь» (*«petit oiseau nocturne, dont les ailes, au lieu de plume, sont de peau et cartilage. Il ressemble à la souris»*) цит. по: [4: 317]. Несколько десятилетий спустя Энциклопедия относит летучую мышь к четвероногим животным, «которых большинство авторов принимали за птиц без всякого основания, поскольку летучая мышь живородящая и не имеет ни клюва, ни перьев» (*animal quadrupède que la plupart des auteurs ont pris pour un oiseau sans aucun fondement puisque la chauve-souris est vivipare et qu'elle n'a ni bec ni plumes*) [цит. раб.: 318]. Это историческое варьирование в коллективном восприятии является ещё одним важным аргументом против теории прототипов, которая предлагает исключительно психологическую концепцию категоризации. Принимая спонтанную концепцию восприятия как индивидуальный и непосредственный процесс, эта теория не готова принять тот факт, что категоризация эволюционирует исторически и что она зависит от культуры.

Список литературы

1. Cauzinille-Marmèche E., D. Dubois, J. Mathieu. Catégories et processus de catégorisation in Gaby Netchine-Grynberg (éd.) Développement et fonctionnement cognitif chez l'enfant, Paris, PUF, 1990, P.P. 93–94.
2. Dubois D. Sémantique et cognition, Paris, Editions du CNRS, 1991. 342 p.
3. Kleiber G. La sémantique du prototype: Catégories et sens lexical, Paris: PUF, 1990. 199 p.
4. Nyckees V. La Sémantique, Paris, Belin, 1998. 365 p.

CULTURAL AND HISTORIC COMPONENT OF CATEGORIZATION PROBLEM

N.P. Anisimova

Tver State University, Tver

The paper explores the problem of categorization in prototype theory and Nyckees's semantic theory.

Keywords: *history of linguistics, comparatisme semantics prototype, culture.*

Об авторе:

АНИСИМОВА Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Тверского государственного университета, e-mail: james.frappe@sfr.fr.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

УДК 811.111'373.611

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В РЕЧИ ИМЕНОВАНИЙ ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

М.Э. Будина

Вятский государственный гуманитарный университет, Киров

Статья посвящена описанию методики исследования именованных «цветных революций», которая позволила проследить закономерности и особенности происхождения и последующего функционирования именованных в речи. В статье даются рекомендации по графическому представлению именованных в зависимости от того значения, в котором они предстают в речи.

Ключевые слова: именованные цветных революций, методика исследования, динамика языка, функционирование именованных, прецедентный феномен.

Динамика языкового явления – процесс длительный в историческом плане, поэтому изучение языковых изменений требует от исследователя немалых усилий в плане сбора и обработки информации. Благодаря современным технологиям и многочисленным корпусам текстов, появившимся за последние два десятилетия, в том числе и в свободном доступе, исследователи имеют отличную возможность быстрее собрать необходимую информацию, получить больше примеров, сделать более качественные выводы. В результате ряда «пилотных» экспериментов на базе корпусов текстов русского и английского языков [8–10] нами были обнаружены возможности выявления динамики функционирования именованных так называемых «цветных революций» в названных языках. В политическом и историческом аспектах «цветные революции» уже достаточно хорошо изучены и описаны российскими и зарубежными учёными (см., например, [5; 12; 19]), но прослеживанию особенностей возникновения и дальнейшей судьбы подобных именованных ранее не уделялось должного внимания. Так в исследовании [3] даётся лишь анализ влияния средств массовой информации при подготовке и проведении «цветных революций».

Несомненно, актуальным является целенаправленное изучение проблематики развития языка на примере возникновения, становления и дальнейшего распространения новых именованных. Для изучения этого процесса (на материале русско- и англоязычных именованных «цветных революций») мы провели 5-этапное исследование, позволившее выявить факты сходства и различий в именованных «цветных революций» в русском и английском языках, а также проследить особенности использования именованных «цветных революций» от их возникновения и закрепления в языке до функционирования в речи и приобретения ими новых смыслов. Используемая методика представлена на рисунке.

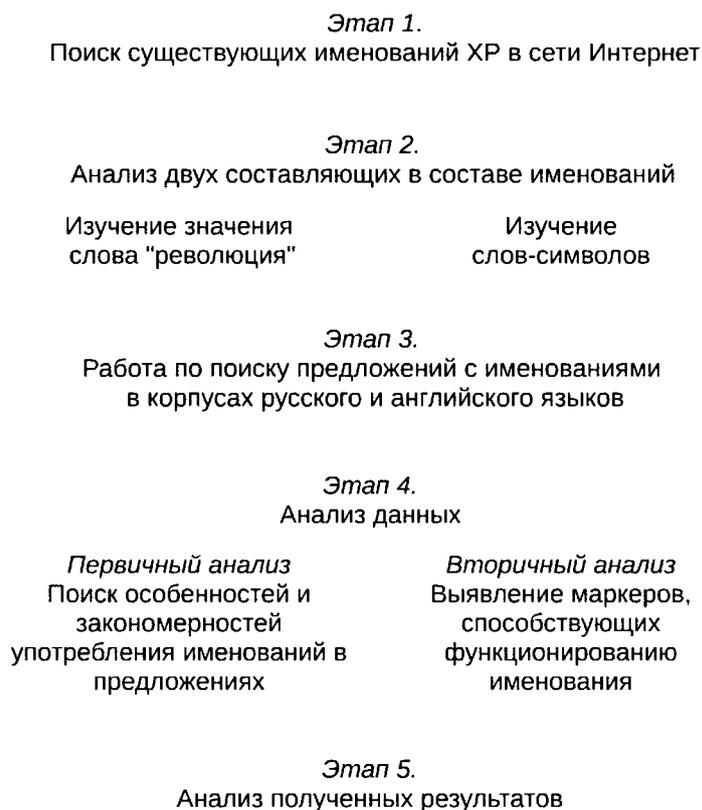

Рис. Пятиэтапное исследование именовании цветных революций

Этап 1. На данном этапе исследования осуществлялся поиск всех возможных вариантов именовании «цветных революций», проводилась хронологизация событий, а также систематизация именовании по характеру присвоения конкретного прилагательного-определения конкретной революции. В рамках первого этапа исследования по поиску именовании было выявлено 41 именовании революционных событий, которые проходили в 21 стране. Результаты работы первого этапа обусловили необходимость проведения этапа 2.

Этап 2. Все именовании «цветных революций» разделяются на две категории: (1) ЦР – именовании *цветная (-ые) революция (-и)* как некий собирательный образ всех «революций»; (2) ХР – все именовании цветных революций, которые когда-либо были использованы для описания политических событий, где Х – это некая переменная, обозначающая символ конкретной революции (*оранжевая, розовая, молодёжная* и т.д.) в составе именовании ХР, а Р – постоянная, обозначающая слово *революция*.

Все ЦР и ХР состоят из двух компонентов – слова-символа и слова *революция*, подробный анализ которых позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, о значении слова *революция* в составе именовании «цветных революций». Рассмотрение развития понятия «революция» с течением времени позволило выделить два подхода к определению понятия «революция»: классический и современный. В рамках классического подхода революция определяется как изменение существующего общественно-политического строя с последующим переходом государственной власти от существующей власти к новой

правлящей элите. Делается вывод о том, что с точки зрения этого подхода в именовании «цветных революций» неприемлемо употребление слова *революция*, и более подходит слово *переворот*, что согласуется с мнением других учёных [3; 12]. С позиций другого, современного подхода к определению понятия «революция» в именовании «цветных революций» это слово употребляется вполне оправданно, так как на данном этапе развития теории революции рамки понятия становятся более размытыми, и под именование «революция» подходит всё больше не только социально-политических, но и технических, научных, общественных и прочих изменений (вспомним о научно-технической, компьютерной, сексуальной революциях). Кроме того, термин «цветная революция» вошёл в обиход благодаря журналистам и пиарщикам, которые в свою очередь хотели привнести в данное именование больше значимости и важности. Поскольку понятие «революция» является наиболее сильным в ряду «путч – переворот – революция», выбор слова *революция* в контексте современности можно признать вполне оправданным.

Во-вторых, о слове-символе в составе именовании «цветных революций». Вторая составляющая именовании «цветных революций» – прилагательное (реже существительное или словосочетание) в их составе, которое и придаёт уникальность и узнаваемость каждому конкретному «революционному» событию XXI века и является его символом. Формирование символа для каждой конкретной революции – процесс, изучаемый политологами, политтехнологами, социологами, психологами, культурологами и даже философами, потому что он, так или иначе, затрагивает объекты изучения каждой из этих наук. В рамках второго этапа исследования делается вывод о том, что большинство революций имеют не один, а два и более символа, а некоторым странам приписан один общий символ. Можно проследить некоторые закономерности в выборе символа. Слово-символ может отсылать к цвету, цветку или образам из окружающего мира. Благодаря тому, что среди первых в историческом плане «цветных революций» самым сильным символом явилось слово из категории цвета, слово *цвет* легло в основу обобщённого названия всех подобных событий как прошлого, так и будущего.

Существующая в языке внутренняя тенденция к улучшению языкового механизма, освобождаясь от лишнего и выдвигая на первый план необходимое, привела к тому, что с течением времени только 30% именовании стали употребляться в речи. В рамках исследования были выделены следующие факторы, которые не способствовали переходу большей части именовании в фазу равновесия с дискурсивной средой: (1) отсутствие чёткого символа революции; (2) наличие сразу нескольких именовании для обозначения революции; (3) наличие более сильного символа; (4) использование символа, уже присущего другой революции; (5) невозможность использования символа в визуальном плане; (6) отсутствие политических оснований для именовании событий революцией.

Однако ввиду отсутствия названий некоторых политических событий возникла тенденция к компенсации этих коммуникативно необходимых эле-

ментов. Вследствие действия этой тенденций, а также тенденции к экономии усилий при описании сразу нескольких аналогичных политических событий возникло обобщённое название для всех историко-политических переворотов начала XXI века – «цветные революции». Цвет дал начало лишь 19,5 % именованию, тогда как предметы окружающего мира гораздо чаще использовались в качестве слова-символа. Тем не менее использование цвета в качестве символа в названиях революций способствовало дальнейшему закреплению данных именовании в речи и системе языка, что явилось определяющим фактором при выборе слова-символа для обобщённого названия подобных революций.

Этап 3. С целью выявления особенностей функционирования именовании ЦР и ХР в речи был проведён поиск предложений, содержащих данные именовании, в корпусах текстов русского и английского языков. Поскольку «цветные революции» – явление новое, особенно если рассматривать его в языковом аспекте, то очевидно, что отбор предложений проходил из источников, представляющих различные виды СМИ (газеты, журналы, Интернет). Ограниченность лишь источниками СМИ, в свою очередь, определила перечень изученных корпусов, куда вошли один русскоязычный [7] и 7 англоязычных [13–18] корпусов текстов. В ходе работы с корпусами текстов было выявлено 2958 предложений с именовании ЦР и ХР, из них 2092 предложения на русском языке и 866 на английском.

На данном этапе исследования были выделены предложения, содержащие ЦР, а также 9 именовании ХР в русском языке и 7 именовании ХР в английском. Примечательно то, что только 5 именовании ХР нашли отражение в обоих языках одновременно, тогда как 4 русских и 2 английских именовании не имеют эквивалентов в другом языке.

Этап 4. Данный этап включает двухступенчатый анализ предложений. Первая ступень – первичный анализ данных с целью выявления особенностей и закономерностей. Вторая ступень четвёртого этапа, в рамках которой проходило изучение фразового и смыслового контекста именовании, позволило выделить два значения именовании:

- упоминание реального историко-политического события, произошедшего в какой-либо стране с 2000 года и по настоящее время;
- употребление именовании в предложении как отсылки к прецедентному феномену (далее – ПФ), т. е. к некой «эталонной», «идеальной» ситуации, связанной с набором определённых коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу. Прецедентный феномен «цветных революций» можно трактовать как явление, связанное с невербальными универсально прецедентными ситуациями, берущими своё начало из сферы-источника мировая история и политика (по классификации И.П. Зыряновой [4]) и вербализующимися в речи посредством прецедентных имён (например, *оранжевая революция*, *цветная революция* и т.п.). Именовании функционируют по номинативному (образно-семантическому) типу использования ПФ, которому присущи частичная номинативная функция, акцентирование только одного свойства и экспрессивная насыщенность (по Ю.Н. Караулову [6]).

При вхождении именовании в речь только 30 % из них были реализованы в дискурсе в значении 'событие', точно такой же «отсев» происходит и при переходе именовании в значение 'ПФ'. Так, в разряд ПФ вошли только такие именовании, как «цветные революции» («color revolutions»), «Оранжевая революция» («the Orange Revolution»), «Розовая революция» («the Rose Revolution»), «Тюльпановая революция» (исключая английский вариант именовании) и «Жасминовая революция» («the Jasmine Revolution»). Остальные именовании не были часто употребляемыми единицами массовой коммуникации, что привело к тому, что они функционируют в речи только как имена собственные историко-политических событий новейшего времени.

При вхождении в состав ПФ пять русскоязычных именовании и четыре их англоязычных эквивалента расширили границы своего значения до именовании любых политических действий, вызываемых недовольствами общества по отношению к существующей власти, что позволяет нам поставить знак тождества между всеми этими именовании. Иначе говоря, употребление какого-то конкретного именовании (например, «Оранжевая революция») в значении 'ПФ' носит чисто формальный характер, так как с равным успехом оно может быть заменено любым другим именованием ХР (например, «Розовая революция» или «Кедровая революция»), не изменив тем самым своей смысловой нагрузки.

Именовании «цветных революций» в обоих значениях употребляются в предложениях с определённым набором маркеров (подробнее в [1; 2; 11]). Самым распространённым в речи маркером в обоих значениях является маркер указания на место, поскольку он позволяет наиболее чётко соотнести именовании с конкретным событием. Вторым по распространённости для значения 'событие' является маркер указания на время, так как каждая конкретная революция имеет свои временные границы. Остальные же маркеры являются более или менее употребительными в зависимости от именовании, используемых в тексте, и от их значения.

При употреблении именовании в значении 'ПФ' маркеры встречаются гораздо чаще, чем в значении 'событие', что обусловлено необходимостью уточнения данного значения для читателя. Так, только 18 % русских и 15,6 % английских предложений данного типа не содержат какого-либо маркера. Далеко не во всех предложениях, описывающих историко-политические события, прослеживается наличие какого-либо маркера. В русском языке было выявлено 74 % таких предложений, что объясняется тем, что многие «революционные» страны в своё время входили в состав СССР. Благодаря географическому соседству и «духовной» близости государств (наличию общей культуры, сложившейся в период существования Союза) и общему языку носители русского языка не нуждаются в тех пояснениях, которые необходимы носителям других языков для описания известных политических событий современности. Данные соображения подтверждаются и тем фактом, что в английском языке отсутствие маркеров отмечается в 36 % предложений, что связано с желанием журналистов дать более чёткую и подробную

характеристику событий. Для достижения этой цели авторы англоязычных статей нередко используют не один, но и два и более маркера (в ходе исследования были выявлены случаи употребления четырёх маркеров в одном предложении). Конечно, данная тенденция прослеживается и в русском языке, однако она менее явно выражена, о чём свидетельствуют полученные нами результаты.

При анализе именовании «цветных революций» в предложениях нами не было выявлено единой формы написания именовании. Так, именовании ХР представлены десятью различными вариантами написания в русском языке (учитывая регистр и кавычки) и восемнадцатью вариантами – в английском (учитывая регистр, кавычки и артикль), а именовании ЦР – шестью русскими и одиннадцатью английскими вариантами написания. В зависимости от типа именовании (ХР или ЦР) и значения, в котором оно выступает в тексте, происходит и графическое представление именовании. Для значения ‘событие’ мы рекомендуем следующее написание именовании: Оранжевая революция, the Rose Revolution, Цветная революция, the color revolutions. Если же именовании функционируют в тексте в качестве отсылки к ПФ, то целесообразно написание именовании, как «оранжевая революция», «rose revolution», цветная революция, «color revolution».

Этап 5. Данный этап является заключительным в исследовании и завершает анализ именовании от их возникновения до функционирования в речи и приобретения ими новых смыслов.

Такая методика изучения составляющих именовании и особенностей их функционирования позволяет рассмотреть языковое явление под разными углами, не только описать очевидные особенности, но и раскрыть закономерности, которые либо кажутся незначительными на первый взгляд, либо вообще не попадают в поле зрения исследователя при более поверхностном изучении явления.

Список литературы

1. Будина (Некрасова) М. Э. Особенности функционирования именовании «оранжевая революция» в английских предложениях [Электронный ресурс] // Научно-методический журнал «Концепт». 2013. № 09 (сентябрь). URL: <http://e-koncept.ru/2013/13188.htm>. (дата обращения: 20.09.2015).
2. Будина М.Э. Вопросы происхождения и функционирования именовании цветных революций в речи // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр., под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. Вып. 14. С. 12–16.
3. Громова А.В. Роль и место масс-медиа в подготовке и проведении «цветных революций»: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. Москва: 2009. 19 с.
4. Зырянова И.П. Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы: 2005-2009 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 239 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Оранжевая мина. М.: Алгоритм, 2008. 240 с. «Южная Русь».
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgpora.ru/index.html> (дата обращения: 07.08.2014).

8. Некрасова М.Э. Сравнительная характеристика газетного корпуса и подкорпуса основного корпуса русского языка со сферой функционирования «Публицистика» // Слово и текст: психолингвистический подход: Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. Вып. 11. С. 127–135.
9. Некрасова М.Э. Алгоритм поиска прецедентных феноменов с цветообозначениями в газетных заголовках // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. Вып. 12. С. 129–135.
10. Некрасова М.Э. Классификация прецедентных феноменов в заголовках политической направленности (корпусное исследование) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2012. № 24. С. 104–111.
11. Некрасова М.Э. «Оранжевая революция» как событие и как прецедентный феномен (по данным НКРЯ) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2013. № 5. С. 251–258.
12. Почепцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. М.: Изд-во «Европа», 2005. 532 с.
13. British News [Electronic resource]. URL: <http://corpus.leeds.ac.uk>. (accessed at 07.08.2014).
14. Collins WordbanksOnline [Electronic resource]. URL: <http://wordbanks.harpercollins.co.uk/> (accessed at 07.08.2014).
15. Davies M. (2008) The Corpus of Contemporary American English: 450 million words, 1990-present. [Electronic resource]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca>. (accessed at 07.08.2014).
16. Davies M. (2007) TIME Magazine Corpus: 100 million words, 1920s–2000s [Electronic resource]. URL: <http://corpus.byu.edu/time>. (accessed at 07.08.2014).
17. Davies M. (2007) Corpus of Canadian English: 50 million words, 1920s–2000s [Electronic resource]. URL: <http://corpus.byu.edu/can>. (accessed at 07.08.2014).
18. Davies M. (2013) Corpus of Global Web-Based English: 1.9 billion words from speakers in 20 countries [Electronic resource]. URL: <http://corpus2.byu.edu/glowbe> (accessed at 07.08.2014).
19. Mitchell L.A. The color revolutions. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2012. 243p.

THE RESEARCH TECHNIQUE TO STUDY THE LANGUAGE PHENOMENA OF COLOR REVOLUTIONS NAMES

M.E. Budina

Vyatka State University of Humanities, Kirov

The article is devoted to the research technique used for studying the genesis and functioning of color revolutions names in speech. The author gives recommendations for spelling the names according to the meaning used in a particular sentence.

Keywords: color revolutions names, research technique, name functioning, precedential phenomenon, language dynamics.

Об авторе:

БУДИНА Мария Эдуардовна – аспирант кафедры романо-германской филологии Вятского государственного гуманитарного университета, e-mail: moonlady@mail.ru.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО МЕТАЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ДИАГНОСТИКИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НЕГРАМОТНОСТИ

Е.Ю. Мягкова

Тверской институт экологии и права, Тверь

В статье обсуждается понятие функциональной неграмотности, её параметры и причины возникновения, а также возможность использования методики моделирования внутреннего метаязыка для диагностики проблем, связанных с функциональной неграмотностью носителя языка.

Ключевые слова: функциональная грамотность, функциональная неграмотность, предметная деятельность, моделирование, внутренний метаязык, грамматика говорящего.

Проблема функциональной неграмотности не может не привлекать внимание специалистов, озабоченных судьбами будущих поколений и языков, на которых эти поколения будут говорить. Само явление функциональной неграмотности обсуждается на международном уровне уже более полувека (оно появилось в конце 60-х годов прошлого столетия в документах ЮНЕСКО и позднее вошло в научный обиход, см.: [20]) и оценивается как массовое явление, угрожающее человечеству в плане его благосостояния и развития.

С.А. Тангян [21] сравнивает функциональную неграмотность с айсбергом: видимая, но меньшая часть – снаружи, большая, но скрытая, внутри. В.С. Безрукова указывает, что функциональная неграмотность проявляется, в частности, в «недостаточной сформированности речевых умений, ведущих к неправильному пониманию и искажению смысла при восприятии чужих мыслей и к нечёткой передаче собственных», в результате чего человек становится в той или иной степени неподготовленным «к выполнению возложенных на него функций» [3]. Несмотря на то, что чаще всего понятие неграмотности связывается с неумением правильно писать или с нелюбовью к чтению, функциональная неграмотность представляет собой сложное и многогранное явление, которое в настоящее время изучается учёными и осмысливается широкой общественностью многих стран. Нужно сказать, что в современном динамически развивающемся обществе значительно расширилось само содержание понятия «грамотность». Наряду с традиционной интерпретацией грамотности, характеризующей умение человека читать, писать и производить арифметические расчеты, стало активно использоваться понятие «функциональная грамотность». Авторы [4] считают, что примерно до середины 1970-х годов концепция и стратегия исследования функциональной грамотности связывались с профессиональной деятельностью людей: компенсацией недостающих знаний и умений в этой сфере. Позднее функциональная грамотность стала рассматриваться в более широком смысле: теперь она включает компьютерную грамотность, политическую, экономическую грамотность и т.д. (ср.: [20]).

В упоминавшейся выше работе [4] функциональная грамотность опреде-

ляется как *способ социальной ориентации личности, интегрирующий связь образования (в первую очередь общего) с многоплановой человеческой деятельностью*. Эта особенность функциональной грамотности чётко просматривается в её определении как умения решать жизненные задачи в различных сферах деятельности на основе прикладных знаний, необходимых всем в современном, очень быстро меняющемся обществе [там же]. Она становится фактором, определяющим степень и характер участия людей в социальной, культурной, политической и экономической деятельности, а также способность к обучению на протяжении всей жизни. Функциональную грамотность рассматривают как индикатор общественного благополучия: высокий уровень указывает на определённые социокультурные достижения общества; низкий – является предостережением возможного социального кризиса. Кроме того, есть мнение, что именно функциональная неграмотность является причиной многих техногенных катастроф [7].

Стоит отметить, что состояние дел в сфере функциональной грамотности/неграмотности уже сравнительно давно привлекает внимание исследователей: педагогов, психологов, социологов, но, к сожалению, не языковедов. И хотя в мире проводятся широкомасштабные исследования указанных явлений, эти исследования также осуществляются не языковедами, несмотря на то, что понятие грамотности ассоциируется, в первую очередь, с языком, на котором говорят люди, и лишь затем – с умением мыслить и действовать. Интересно, что и русскоязычная, и англоязычная Википедия определяют функциональную неграмотность именно в связи с речевой деятельностью, в первую очередь, с неумением читать и писать. Так, согласно Википедии, функциональная неграмотность – это «неспособность человека читать и писать на уровне, необходимом для выполнения простейших общественных задач; в частности, это выражается в неумении читать инструкции, в неумении находить нужную в деятельности информацию» [5].

Wikipedia утверждает, что необходимо различать неграмотность и функциональную неграмотность. Просто неграмотные люди вообще не умеют читать и писать. Функционально неграмотные, напротив, могут читать и, возможно, писать (простыми предложениями и с использованием ограниченного словарного запаса), но делают это недостаточно хорошо для того, чтобы справиться с повседневными задачами, которые ставит перед ними жизнь [26]. Понятно, почему функциональная неграмотность связана, прежде всего, с речевой деятельностью: язык неразрывно связан с мышлением и, следовательно, со всеми сферами деятельности человека (прямо или опосредованно, ср.: [8; 16; 17]). В этой связи интерес представляют обсуждавшиеся в [4] результаты исследования уровня функциональной грамотности выпускников школ как одного из показателей их готовности к жизни во взрослом сообществе. В работе делается поразительный и очень важный вывод: *«Как видим, чем меньше интеллектуальных усилий требует то или иное умение, тем выше молодые люди оценивают свою способность справиться с заданием»* [там же; выделено авторами].

Н.Н. Сметанникова [18] указывает, что всё более распространённым для настоящего времени является толкование грамотности в русском языке в узком смысле как умения читать и писать. Аналогичное толкование можно найти и в зарубежных исследованиях. Например, Р. Масиас, определяя чтение как процесс извлечения смысла из письменных символов, а письмо как процесс использования знаков для передачи смысла, считает, что грамотность включает чтение и письмо. Но нельзя забывать, что процессы чтения и письма являются смыслоконструирующими и связаны с другими процессами языка и речи [25].

В.П. Чудинова [23] считает, что основной причиной общей неграмотности является недостаточное развитие лингвистических возможностей ребенка в дошкольном возрасте. Она указывает, что, по мнению многих исследователей, у российских школьников недостаточно сформированы не только отдельные навыки чтения, но общие навыки работы с информацией. Думаю, что стоит согласиться с точкой зрения, что это – государственная проблема, которая должна безотлагательно и срочно решаться на государственном уровне.

Следует отметить, что и многие зарубежные исследователи прямо указывают на связь функциональной неграмотности с системой начального и среднего образования. Так, С. Блюменфельд говорит о том, что функциональная неграмотность значительно страшнее, чем просто неграмотность. В принципе, все грамотные люди неграмотны в тех языках, которые мы не знаем, и это никого не удивляет. Но функционально неграмотный человек думает, что он недостаточно умён, и поэтому не может читать на *своем собственном* языке, на котором он вполне хорошо разговаривает. По сути, начальная школа превратила его в дурака – и такой образ самого себя может преследовать человека всю его жизнь [24]. Об этом же говорил С.П. Капица, связывая функциональную неграмотность с проблемами общества в целом, в частности, с вопросами развития культуры и образования. Он считал, что «Вопрос развития культуры – это вопрос будущего страны. Государство не сможет существовать, если не будет опираться на культуру» [9]. Эта проблема очень остро стоит практически во всех странах мира (см., например, обзор в работе [23]).

Необходимо понимать, что письмо и чтение – базовые школьные навыки, без эффективного владения которыми обучение затруднено или просто невозможно. Как указывает М.М. Безруких [1;2], это сложнейшие интегративные навыки, объединяющие в единую структуру деятельности все высшие психические функции – внимание, восприятие, память, мышление. Она подчёркивает, что обучение тактике письма и технике чтения не имеют самостоятельной ценности, если не приводят к письменной речи, не создают потребность в ней, не дают навыки именно письменной речи. Именно об этом писал Л.С. Выготский, говоря о культурно-историческом смысле обучения ребенка письму и чтению. Л.С. Выготский указывал, что методики обучения (а *принципы* этих методик, очевидно, не изменились до настоящего времени) «не учитывают главное, и вместо письменной речи дают ребенку письменные навыки» [6: 196]. Главным Л.С. Выготский считал культурное развитие ребенка, которое базируется на формировании навыков письма как начального этапа обучения письменной ре-

чи. Добавим здесь, что Л.С. Выготский подчёркивал отличие собственно письменной речи от техники письма и утверждал, что «чисто механическая способность читать скорее задерживает, чем продвигает вперед культурное развитие ребенка» [там же: 198].

В.П. Чудинова [23] задаёт вопрос: чем характеризуются «слабые читатели»? Прежде всего, тем, что им скучно и утомительно читать. Но у этих читателей есть и другие особенности. И самые типичные из них – ошибки в чтении. Так, эти читатели не всегда могут правильно соотнести символ – букву алфавита с соответствующим звуком. Это, во-первых, приводит к тому, что они должны делать паузы для того чтобы понять прочитанный ими текст, и, во-вторых, ведет к угадыванию. Однако понятно, что даже небольшие ошибки с заменой и перестановкой букв приводят к изменению смысла текста. Хотя многие школьники могут читать вполне грамотно в фонетическом отношении, слова и образы ничего для них не значат. Они читают только потому, что должны.

По этому поводу М.М. Безруких [1] подчёркивает, что процесс чтения очень сложен, а способность различать и называть буквы (чаще бывает, что помнит ребенок далеко не все буквы) – только один элемент этого процесса. Большое значение для чтения имеет сформированность механизмов внимания, памяти, произвольной регуляции деятельности. Ребенок должен уметь не только различать буквы, но и удерживать внимание, сохранять в памяти предыдущую букву, пока анализируется следующая и т.п. Нередко давление взрослых столь велико, что ребенок, на первых порах пытавшийся читать, начинает категорически отказываться это делать. Но бывает и другой вариант, когда ребенок, вынужденный читать, на самом деле дифференцирует одну-две буквы в начале слова, а затем пытается это слово угадать. Это совсем несложно, когда он «читает» знакомую сказку, но таким образом формируется нерациональный, неэффективный механизм чтения. Переучить ребенка будет очень сложно, и чаще всего это не удастся, а трудности чтения могут остаться на всю жизнь. Появившийся у практиков термин «угадывающее чтение» характеризует неэффективный вариант формирования этого навыка [там же]. Как преподаватель языка – практик могу засвидетельствовать, что результаты такого неэффективного навыка действительно наблюдаются со всей очевидностью у современных студентов при изучении иностранного языка: ведь этим уже достаточно взрослым людям приходится с гораздо большим трудом осваивать звуко-буквенные отношения, учиться удерживать внимание, сохранять в памяти прочитанное и т.д. Т.Д. Жукова [7] утверждает, что если до 12 лет ребёнка не научили понимать то, что он читает, он пополняет функционально неграмотную и неэффективную часть населения.

Данные экспериментов [13; 14; 15], а также многолетние наблюдения в группах студентов и аспирантов, изучающих английский язык, показывают, что современные молодые люди – носители русского языка испытывают значительные трудности как в идентификации слов родного языка, так и в построении высказываний на родном языке. На наш взгляд, это является результатом процессов, о которых говорилось выше. В результате, в частности, неправильно

сформированного навыка чтения у молодых людей выстраиваются весьма специфические отношения с родным языком. Экспериментально подтверждается предположение о том, что для носителей языка многие слова являются «пустышками», поскольку за ними не стоит реальный чувственный образ или рациональное знание (и количество таких «пустышек», по сравнительным данным наших экспериментов 1993–1994 годов и 2013 года, увеличивается). Нарушения логики высказывания, приводящие к грамматическим ошибкам, зависят, с одной стороны, от «несистемности» внутреннего метаязыка (см.: [12]), а с другой стороны, от соответствия внутренних моделей нормам «внешнего» языка. Многие преподаватели отмечают, что современные молодые люди говорят очень много, используют много «умных» слов, но чаще всего эти слова используются «автоматически», и так же строятся фразы, авторы которых не заботятся о том, как это сделать правильно, соблюдая базовую логику высказывания. По-видимому, это связано с тем, насколько сформирована система «психологического эквивалента языка» [11] в головах его носителей, которые всё меньше задумываются о том, как устроен язык, всё меньше о нём говорят и думают. Результатом такого пренебрежительного отношения к языку всё больше становится разрыв между «внешней» (нормативной) и «внутренней» (личным представлением об устройстве и правилах языка) грамматиками. Не последнюю роль в этом, как представляется, играют «дефективные» навыки чтения и, следовательно, несформированная письменная речь (см. выше).

Кроме того, результаты экспериментов и многолетние наблюдения позволяют согласиться с мнением многих учёных о том, что функциональная неграмотность связана, в первую очередь, с отсутствием или недостатком «предметных» знаний. Такое состояние дел обусловлено, с одной стороны, спецификой современной действительности в плане засилья электронных гаджетов, создающих «виртуальную реальность». Преобладающая аудиовизуальная информация значительно легче осваивается и легкодоступна. Но она, как правило, «представляет из себя “мозаику” разрозненных и несистематизированных сведений, фрагментарна и полна стереотипов» [18]. Как показывают исследования последних лет, например, работа Т.В. Кружилиной [10], преобладание визуальной информации в жизни детей младшего школьного возраста без целенаправленной организации игровой, предметной и образовательной деятельности в дошкольном возрасте с целью формирования речевой способности наносит ребёнку непоправимый вред (в частности, ведёт к снижению уровня сформированности способности понимания текста). В жизни взрослых, как считает Т.А. Филиппова, «не последнюю роль в том, что мы всё меньше и меньше читаем, по мнению специалистов, играет и телевидение. А конкретно – огромное количество телеканалов и... пульт дистанционного управления. /.../ При постоянном переключении с канала на канал картинка, воспринимаемая зрителем, оказывается составленной из отрывков программ, идущих параллельно по разным каналам. Зритель словно “монтирует” свою собственную передачу из кусочков разнородного видеоматериала» [22]. Значительный ущерб целостному восприятию наносит реклама, которая перебивает сюжет и переключает внимание, а

также изобилие сериалов, которые можно смотреть чуть ли не с любого места. В результате «за последние пару лет наметилась тенденция: школьники теряют способность следить за сюжетом и поступками героев. Они практически потеряли навыки пересказа прочитанного текста» [там же]. Отметим, что практически все, кто так или иначе затрагивает тему влияния телевидения и гаджетов на состояние функциональной грамотности современного человека, считают, что «подобные явления будут только нарастать» [там же]. Отдельного внимания заслуживает вопрос соотношения функциональной грамотности/неграмотности и компьютеров, а также прочих «представителей» так называемой информационной культуры, который в последнее время всё чаще поднимается в разного рода исследованиях (см., например, [19]).

С другой стороны, негативную роль играют программы школьного и вузовского обучения, ставящие во главу угла не учащегося, а предмет как совокупность знаний. При этом способы оценки этих знаний, а, следовательно, и сам процесс обучения, не сосредоточены на формировании переносимых навыков, т.е. «живого знания» [8], которое формирует личность и способствует её развитию.

Опыт преподавания языка показывает, что «живое знание» может быть сформировано в ходе работы по моделированию внутреннего метаязыка (внутренней грамматики). Например, в рамках курса обучения переводу по методу В.В. Милашевича (см.: [12]) обучаемым предлагается модельный язык так называемой логической грамматики, на котором может быть прочитано или построено практически любое высказывание. Опыт работы с методом показывает, что в процессе овладения моделями (элементами метаязыка) обучаемые научаются удерживать внимание (поскольку при построении модели важны «работающие» «мелкие детали»), сопоставлять элементы, сохранять в памяти логику высказывания – т.е. в какой-то мере восполняют недостатки, о которых говорилось выше. Отметим также, что сделанные в процессе многолетней работы с методом логических грамматических моделей наблюдения в последние восемьдесят лет показывают значительное ухудшение способности обучаемых удерживать в памяти логику высказывания, формировать устойчивые ассоциации и логические связки, творчески использовать модели для построения словосочетаний и целых предложений.

Поскольку с помощью языка человек взаимодействует с предметным миром, устанавливая отношения между его объектами, от того, насколько хорошо он умеет это делать, зависит не только успешность коммуникации, но и многие другие стороны его жизни. Это значит, что работа над формированием глубинных «правил», а главное – соответствующего отношения к языку должна обязательно вестись в курсах обучения языку, прежде всего родному. Процесс моделирования элементов языка требует выхода на соответствующий уровень абстрагирования, достижение которого невозможно без обращения к конкретным фактам действительности (языковой и внеязыковой). Таким образом осуществляется «возвращение» к предметности знания, следовательно, приобретает способ преодоления функциональной неграмотности.

Выше мы приводили сделанный в [4] вывод о том, что *«чем меньше интеллектуальных усилий требует то или иное умение, тем выше молодые люди оценивают свою способность справиться с заданием»*. Опыт работы с языком моделей показывает, что овладение этим языком меняет отношение обучаемых к «интеллектуальным усилиям»: успешные результаты формируют устойчивое положительное эмоциональное отношение к процессу языкового творчества. Это положительное эмоциональное отношение, ощущение «комфортности» в процессе работы с языковыми формами, в значительной степени способствует дальнейшей деятельности индивида в плане повышения собственного уровня владения родным и овладения иностранным языком.

В курсе обучения логической грамматике очень наглядно проявляется уровень функциональной грамотности обучаемых: именно он определяет наличие переносимых навыков и способность к элементарному анализу и обобщению. Таким образом, моделирование внутренней грамматики не только способствует формированию метаязыковых опор и «живого знания», но также может использоваться как средство диагностики функциональной неграмотности. А такая диагностика совершенно необходима для организации обучения, если мы хотим добиться не формальных, а реальных результатов.

Список литературы

1. Безруких М.М. Трудности обучения в начальной школе. Причины, диагностика, комплексная помощь М. : Эксмо, 2009. 464 с.
2. Безруких М.М. Трудности обучения письму и чтению в начальной школе [Электронный ресурс]. URL: http://nsc.1september.ru/view_article.php?ID=200901702 (дата обращения: 11.10.2015).
3. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) [Электронный ресурс]. URL: <http://refdb.ru/look/2054801.html> (дата обращения: 18.09.2015).
4. Вершловский С.Г., Матюшкина М.Д. Функциональная грамотность выпускников школ. Социологические исследования, № 5, 2007. С. 140-144.
5. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 18.09.2015).
6. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 томах. Том 3. Проблемы развития психики. М. : Педагогика, 1983. 368 с.
7. Жукова Т.Д. Функциональная неграмотность – бич XXI века? [Электронный ресурс] / URL: <http://geopolitics.by/analytics/funkcionalnaya-negramotnost-bich-xxi-veka> (дата обращения: 26.01.2015).
8. Зинченко В.П. Проблема внешнего и внутреннего и становление образа себя и мира // Первые чтения памяти В.В. Давыдова. Сборник выступлений. Рига – Москва, 1999. С.18–30.
9. Капица С.П. Россию превращают в страну дураков // Аргументы и Факты, 2009. № 37. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru/society/13372> (дата обращения: 28.01.2015).
10. Кружилина Т.В. Понимание текста детьми дошкольного возраста с учетом факторов социального окружения ребенка (экспериментальное исследование) Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т.В. Кружилина ; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2014. 19 с.
11. Леонтьев А.А. Лекция для студентов 4 курса иняза КГПУ 26 апреля 2000 г. [Конспект].

12. Мягкова Е.Ю. Моделирование внутреннего метаязыка при обучении пониманию иноязычного текста // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2006. Вып. 6. С. 122–130.
13. Мягкова Е.Ю. Внутренняя грамматика и овладение языком // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология», 2013. № 5. С. 257–264.
14. Мягкова Е.Ю. Внутренняя грамматика и грамматическая ошибка // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология», 2014. № 4. С. 230–235.
15. Мягкова Е.Ю., Репринцева М.А. Исследование внутреннего метаязыка человека на материале грамматических ошибок // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология», 2012. № 10. С. 224–229.
16. Наумова Т.Н. Психологически ориентированные синтаксические теории в русской и советской лингвистике: монография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 176 с.
17. Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
18. Сметанникова Н.Н. Грамотность, единственное или множественное число? К вопросу о функциональной неграмотности [Электронный ресурс]. URL: http://www.library.ru/1/sociolog_text/article.php?a_uid=77 (дата обращения: 26.01.2015).
19. Сорокин Г.Г. Влияние информационной культуры на функциональную грамотность социального субъекта : дис. ... канд. социол. наук Тюмень, 2006. 189 с.
20. Танган С.А. Грамотность в компьютерный век. Педагогика. 1995. N 1. С. 13–20.
21. Танган С.А. Приоритет образования сегодня – требование XXI века // Советская педагогика, 1991. № 6. С. 3–13.
22. Филиппова Т.А. «Попрыгунчики» разучились думать? [Электронный ресурс]. URL: <http://agniyogaineverydaylife.bestforums.org/viewtopic.php?f=68&t=724> (дата обращения: 07.10.2015).
23. Чудинова В.П. Проблемы развитых стран – Функциональная безграмотность (почему люди не любят читать) [Электронный ресурс]. URL: http://fevt.ru/publ/ne_umeut_chitat/12-1-0-173 (дата обращения: 18.05.2015).
24. Blumenfeld S. What Is Functional Illiteracy? [Electronic resource] / URL: <http://www.thenewamerican.com/reviews/opinion/item/13860-what-is-functional-illiteracy> (accessed on 07.10.2015).
25. Macias R.F. Definitions of Literacy: A. Response // Toward Defining Literacy / R.L. Venezky, D.A. Wagner, B.C. Ciliberty (Eds.). LA :UCLA, 1991. Pp. 17–22.
26. Wikipedia [Electronic resource] / URL: <https://www.wikipedia.org/> (дата обращения: 18.09.2015).

MODELING INNER METALANGUAGE AS A MEANS OF DIAGNOSING FUNCTIONAL ILLITERACY

E.Yu. Myagkova

South-East State University, Kursk

Functional illiteracy problems and their causes are discussed. Modeling inner metalanguage elements is seen as a useful tool of diagnosing functional illiteracy in the process of teaching and learning languages.

Key words: *functional literacy, functional illiteracy, object activity, modeling, inner metalanguage, speaker's grammar.*

Сведения об авторе:

МЯГКОВА Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, e-mail: elenamyagkova@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ТЕКСТА И ПЕРЕВОДА

УДК 800

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ КАК СМЫСЛОВОЙ КОНСТРУКТ С УСТАНОВКОЙ НА КОГНИТИВНОЕ ПОНИМАНИЕ

В.С. Загуменкина

Тверской государственной университет, Тверь

Обсуждается трактовка термина «когнитивное понимание»: рассматриваются особенности когнитивного понимания, его отличие от семантизирующего понимания; определяются типы текстов, требующих когнитивного понимания; выявляются особенностей построения текстов для такого понимания на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Ключевые слова: когнитивное понимание, пояс системомыследеятельности, смысл, значение, языковые уровни.

Культура дана субъекту в форме действительных знаний, освоение которых требует когнитивного понимания текста. Когнитивное понимание (далее – П2) возникает при переходе от значения к смыслам, это переход от исходных данных к их осмысленному представлению. Г.И. Богин характеризует когнитивное понимание как понимание, замирающее в знании (см. об этом: [3]). Оно способствует получению знаний и представлений об объектах действительности, представленных в тексте. Именно когнитивное понимание текста составляет сущность научного познания, это одна из форм функционирования знания.

По мнению Г.И. Богина (см.: [2]), когнитивное понимание оказывается успешным в том случае, если реципиент в состоянии разделить понимание слов и понимание фактов. Непонимание, с которым читатель сталкивается в процессе семантизирующего понимания, связано с непониманием слов, а в когнитивном понимании – с непониманием явлений. В отличие от семантизирующего понимания, для когнитивного понимания характерны замена знаковой ситуации ситуацией объективно-реальностной, а также разделённость средства коммуницирования и содержания коммуникации. Освоение знаковой ситуации в семантизирующем понимании – момент в освоении социальности, гарантия равноправной коммуникации, опирающейся на интерсубъективность значений. Освоение объективно-реальностных ситуаций в когнитивном понимании – момент освоения культуры. Когнитивное понимание также выступает как коммуникация, но коммуникация не столько между отдельными людьми, сколько между реципиентом и культурой, реципиентом и накопленным знанием.

Когнитивное понимание текстов требует оперирования не только значениями, но и смыслами. Смысл есть «та конфигурация связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создается или восстанавливается» реципиентом [6: 93]. Знания о смысле – основной рефлексивный материал в когнитивном понимании. Рефлектирование над

знаниями о смыслах приводит к пониманию, фокусированному на культуре (на знании), т.е. к когнитивному пониманию.

Целью когнитивного понимания текста является не только выделение «главной идеи» текста, но и восприятие этой идеи, превращение её в личностное знание, которое может быть в дальнейшем применено в реальных ситуациях. Т.е. когнитивное понимание текста способно превращаться в знание. Это превращение имеет форму образования понятий. Такие условия образования понятий, как «обобщение представлений, расширение круга определений, восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному и от абстрактного к мысленно-конкретному, прежде всего, находят своё отражение в текстах научной и технической литературы» [5: 94].

Организация текста для П2 направлена на преодоление информационного барьера, возникающего в результате разного уровня знаний коммуникантов. Тексты строятся в основном из прямых номинаций, так что реципиент получает возможность рефлексировать только над знаниями. По мнению Н.Ф. Крюковой (см.: [5]), в тексте для П2 преобладает затерянность для восприятия текстовых форм, прежде всего это затерянность пояса мыследействования (см. о поясах системомыследеятельности: [7]), т.е. пояса образных средств: тропов и фонетических средств. Определённую роль при создании соответствующего контекста играют синтаксические средства, реализующие функцию экспланаторности, важную для рассматриваемых текстов. Рефлексия над знанием позволяет оперировать содержаниями вне зависимости от языковой формы (см. об этом: [5]), поэтому пояса мысли-коммуникации (опыт в виде вербальных текстов, представления о речевой культуре, вежливости и т.д.) и мыследействования остаются в тени. При производстве и понимании текстов для П2 первостепенное значение имеет фиксация рефлексии в поясе чистого мышления, в котором представлен опыт в виде знаний.

Текстам для П2 свойственна логичность, стандартизованность, конкретность, точность, тезисность и однозначность изложения, а фонетические и тропеические средства практически не используются в них.

На морфологическом уровне текстам для П2 свойственно преобладание существительных, прилагательных и наречий над глаголами, что придает им статичность. Используются отглагольные обороты и слова, глаголы-связки. Глаголы (чаще всего несовершенного вида) используются в настоящем времени, что выражает «вневременное», признаковое значение, также лексико-грамматическое значение времени, лица, числа чаще всего ослаблено. Характерно употребление форм единственного числа имён существительных в значении множественного числа. Вещественные и отвлеченные существительные нередко употребляются в форме множественного числа.

В качестве иллюстрации к сказанному выше рассмотрим отрывок статьи из электронного справочника «Птицы Европы» [8].

СВИРИСТЕЛЬ

Легко узнаваемая птица среднего размера, с хохолком на голове. Как правило, встречается группами, порой тысячными стаями. Общий тон оперения розовато-серый, с более

оливковым верхом. На крыльях разноцветные пятна и полосы: чёрные, белые, жёлтые, а на концах второстепенных маховых перьев красные бляшки. Хвост короткий, с жёлтой полосой на конце, подхвостье каштановое. Горло и полоса через глаз чёрные. Полового диморфизма нет.

Распространение:

Вид перелётный и кочующий, характерны неожиданные далёкие инвазии, представлен 3 подвидами в Северной Евразии и Северной Америке. Европейский гнездовой ареал в основном не заходит на юг дальше 63° с. ш. Зимует на юге ареала в центральных и южных регионах европейского континента. В Южной и Западной Европе появляется нерегулярно во время «инвазий», может задержаться здесь и на зиму, в основном в северных районах.

В представленном отрывке даётся характеристика вида птиц – свиристелей. В тексте – явное преобладание существительных и прилагательных над глаголами (на весь отрывок – 5 глаголов, которые употребляются в настоящем времени). Используются причастия (*кочующий, узнаваемая*), выполняющие функцию определения, а также краткие причастия (*представлен*) и отглагольные слова (*характерен*), которые тоже выражают признаковое значение. Характерно употребление форм единственного числа имён существительных в значении множественного числа (*легко узнаваемая птица*). Информация в тексте сжата (что характерно для энциклопедических и словарных статей), некоторые члены предложения намеренно пропущены (например, в предложении «*как правило, встречается группами, порой тысячными стаями*» – пропущено подлежащее). Цель текста – передать читателю основную объективную информацию о свиристеях, об их отличительных чертах.

На лексическом уровне тексты для П2 строятся с обилием научной терминологии, речевых клише, минимумом экспрессивно-эмоциональной лексики (или полным её отсутствием). Все лексические единицы употребляются в одном конкретном значении. Используется большое количество абстрактной лексики. Некоторые термины представляют собой стёртые метафоры.

Проиллюстрируем сказанное выше на материале отрывка из практической грамматики английского языка [4: 107].

«Личные формы глагола выражают лицо, число, наклонение, время, залог. К личным формам относятся формы глагола в трех лицах единственного и множественного числа во всех временах действительного и страдательного залога в изъявительном и сослагательном наклонении. Они служат в предложении сказуемым и всегда употребляются при наличии подлежащего (как правило, местоимения или существительного), с которым глагол-сказуемое согласуется в лице и числе...»

В представленном отрывке используется большое количество терминологической лексики из области лингвистики (залог, наклонение, глагол-сказуемое...). Экспрессивно-эмоциональная лексика отсутствует. Используется стёртое олицетворение (формы глагола выражают, служат в предложении сказуемым), которое представляет собой устойчивое терминологическое выражение в лингвистике. Такие словосочетания, как: личные формы глагола, страдательный залог являются стёртыми метафорами и также представляют собой научные термины из области лингвистики. Текст узко специализированный, относящийся к области лингвистики. Целью автора является передача читателю

информации о личных формах глагола, о том, какие признаки они выражают, какую роль играют в предложении.

На синтаксическом уровне текстам для П2 свойственна безличность автора, преобладают безличные предложения или предложения с подлежащим «мы». В предложениях много вводных слов, имеются сложные конструкции предложений с множеством придаточных, с использованием составных подчинительных союзов. Предложения насыщены словами, уточняющими различные понятия. В предложениях часто присутствуют пассивные конструкции. Используется инверсия. Для текстов характерна монологичность речи. По цели высказывания предложения практически всегда повествовательные.

Подтвердим сказанное на материале отрывка из учебника В.Н. Базылева «Общее языкознание» [1: 56].

«Под семьей языков в соответствии с теорией сравнительно-исторического языкознания понимается группа языков, развившихся из некоторого языка-основы, или праязыка, таким образом, что исконные минимальные значимые элементы этих языков (корни и аффиксы) находятся в строго определенных и регулярных звуковых соотношениях к элементам праязыка. Согласно этому взгляду каждый язык есть прежде всего член языковой семьи, связанной регулярными историческими соотношениями звуков и минимальных значимых элементов; этим задается — одновременно извне и изнутри — его системность».

В приведённом отрывке наряду с такими лексическими средствами, характерными для текстов научного типа, как терминологическая лексика (*праязык, сравнительно-историческое языкознание, звук, корни, аффиксы*), стёртые метафоры (*языковая семья, язык-основа*), сложные предлоги (*в соответствии с, согласно*) и вводные сочетания (*таким образом*), используются синтаксические средства. К ним относятся: инверсия в обоих предложениях, пассивная конструкция (*группа языков понимается*). Предложения длинные, сложные, содержащие причастные обороты, уточнения и пояснения (*одновременно извне и изнутри; минимальные значимые элементы этих языков (корни и аффиксы)*). Безличность повествования подчёркивается возвратными глаголами: *задаётся, понимается*.

Особый интерес для анализа представляют тексты из энциклопедий для детей, сочетающие черты как художественного, так и научного текста. Тексты подобного типа являются переходными от П1 к П2. Приведём отрывок статьи из электронного справочника-определителя для детей «Птицы России» [9].

СВИРИСТЕЛЬ

Bombycilla garrulus

(Отряд Воробьинообразные, Подотряд Певчие, Семейство Свиристелевые)

Свиристель – это крупная, очень красивая птица с задорным пушистым хохолком на голове и черным пятнышком на горле. Её нежнейшее оперение имеет дымчато-розовую окраску, а темный хвостик заканчивается широкой желтой полоской. Если присмотреться, то можно увидеть, что на крыльях большинства особей второстепенные маховые перья заканчиваются маленькой алой пластиночкой.

Названа она так потому, что слово «свиристеть» на старорусском языке означает "громко кричать, свистеть". Песня свиристея – нежная журчащая трель «сви-ри-ри-ри-ри», похожая на звучание свирели. Вот сидит эта поистине дивная птичка на ветке и щебечет, а потом неожиданно-негаданно как свистнет!.. Но не от испуга, нет. Бояться

ей совсем некого, привыкла она к людям, подпускает их совсем близко, разрешает полюбоваться собой.

Это вариант «упрощённого», адаптированного научного текста (ср.: предыдущий текст «Свиристель»). Для создания текста, интересного и более лёгкого для восприятия детьми, автором применяется экспрессивно-эмоциональная лексика. Используются эпитеты (*пушистый, жёлтая...*), прилагательные в превосходной степени (*очень красивая, нежнейшее* – т.е. автор даёт субъективную оценку), метафоры (*задорный хохолок, нежнейшее оперение, журчащая трель...*), олицетворения (*оперение имеет, пташка сидит, птица привыкла...*), развёрнутое метафорическое сравнение (*песня свиристора как журчащая трель*), звукоподражательные слова («*сви-ри-ри-ри-ри*»), существительные с уменьшительно ласкательными суффиксами (*хвостик, пятнышко, пластиночка, пташка*). В тексте также встречается разговорная лексика (*нежданно-негаданно как свистнет, вот сидит*). Все перечисленные средства – показатели «художественности» текста. Благодаря им текст становится более «живым», красочным, а, следовательно, более лёгким для восприятия и запоминания. В представленном отрывке используется и терминологическая лексика (*оперение, особь, второстепенные маховые крылья, Отряд Воробьинообразные, Подотряд Певчие, Семейство Свиристелевые*), которая свидетельствует о наличии в тексте черт научного стиля.

На морфологическом уровне текст имеет признаки, прежде всего, научного текста. Так, прилагательные и существительные преобладают над глаголами. Глаголы используются в настоящем времени, лексико-грамматическое значение времени, лица, числа ослаблено. Форма единственного числа существительного используется вместо формы множественного (*свиристель – птица*).

На синтаксическом уровне предложениям свойственна безличность автора (*если присмотреться, можно увидеть...*). В тексте используется инверсия (*названа она*), здесь же и пассивная конструкция (*бояться ей некого...*). Но для второго абзаца характерны черты художественного текста. В нём присутствуют элементы диалога с читателем. Восклицательное предложение очень эмоционально окрашено. Используется разговорная лексика, а заканчивается оно многоточием (символизирующем паузу, во время которой читатель мысленно выдвигает свои предположения, задаёт вопросы и предлагает ответы на них: Почему она вдруг свистнет? Может, испугалась?). Предложение наиболее приближено к читателю, пробуждает интерес, воображение и внимание, заставляет мыслить. Далее автор даёт ответ на вопрос, который потенциально должен был возникнуть у читателя: «*Но не от испуга, нет*». Предложение также эмоционально. В нём используются двойное отрицание, инверсия, благодаря которым автор подчеркивает, что птица совсем (используется повторение данного слова) не боится людей, но наоборот подпускает их очень близко.

Итак, тексты для П2 – это тексты научной литературы. Тексты стандартизированы по построению, лишены экспрессивности и образности. Их цель – приобщить читающего к культуре, т.е. к накопленному знанию об объектах действительности, сделать его полноправным обладателем этого знания. Иде-

альные тексты этого типа заставляют мыслить, рефлексировать над сутью описываемых явлений, только благодаря этим процессам (мышлению и рефлексии) представленные в тексте знания становятся личностными, «живыми» знаниями, обогащающими и развивающими индивидуальную субъективность.

Список литературы

1. Базылев В.Н. Общее языкознание. М.: ГАРДАРИКИ, 2007. 285 с.
2. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986. 85 с.
3. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М., 2001. 731 с.
4. Качалова К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка. М.: ЮН-ВЕС, 2003. 717 с.
5. Крюкова Н.Ф. Метафоризация и метафоричность в системе понимания текста. Тверь, 2013. 119 с.
6. Щедровицкий Г. П. Коммуникация, деятельность, рефлексия. Алма-Ата, 1974.
7. Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005. 800 с.
8. Птицы Европы [Электронный справочник]. URL: <http://www.ebirds.ru/bird/189.htm> (дата обращения: 10.11.2015).
9. Птицы России [Электронный справочник-определитель] / URL: <http://allforchildren.ru/birds/bird13.php> (дата обращения: 10.11.2015).

SCIENTIFIC TEXT AS COGNITIVE COMPREHENSION ORIENTED MEANING CONSTRUCT

V.S. Zagumenkina
Tver State University, Tver

The paper defines the term «cognitive comprehension» (C.2). Special aspects and differential characteristics of C.2 (as opposed to semantic comprehension) are considered, types of texts requiring cognitive comprehension are determined, the structure of texts for C.2 is analyzed at phonetic, morphologic, lexical and syntactic levels.

Keywords: cognitive comprehension, thought and communication zones, sense, meaning, linguistic levels.

Об авторе:

ЗАГУМЕНКИНА Валентина Сергеевна – аспирант кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: Valentina_Z_87@list.ru

ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОДЧИК РУССКОЙ ПОЭЗИИ В США У. ЛЬЮИС: ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ ТЕКСТОВОЙ ПРОЕКЦИИ¹

Е.М. Масленникова

Тверской государственный университет, Тверь

Художественный перевод понимается как креативный процесс: в нём отображается личность переводчика. Психолингвистический подход к переводческой деятельности позволяет включить переводчика в триаду «автор ↔ текст ↔ читатель» как её полноценное звено, при этом проекция текста переводчика превращается в речь–для–других–и–от–имени–других. Психолингвистический подход ориентирован на динамическую составляющую переводческой деятельности, направленную на работу со смыслами текста. На материале сборника «The Bakchesarian Fountain, and Other Poems», ставшим первой изданной в США антологией произведений русских авторов, обсуждаются особенности влияния личностных смыслов на получаемый перевод как вторичный текст.

Ключевые слова: художественный текст, перевод, личностная текстовая проекция.

Проекция текста формируется непосредственно самим текстом, но «проецируется» на читательские знания и представления, т.е. проекция текста представляет собой некий конструкт-концепт, который зависит от читателя, способного или неспособного распределить текст даже в несколько другом направлении, чем определил автор. Читатель начинает самоотождествлять себя с миром текста тем больше, чем лучше его «понимает», особенно если текст соответствует его представлению об адекватности текстового построения и оформленности. В ходе текстовой коммуникации согласование / рассогласование содержания зависит от тех ожиданий, которые читатель возлагает на текст, а также от читательской (не)терпимости к культурным ценностям, заложенным в тексте. Как правило, оптимальное текстопостроение учитывает структуру языковой личности. Построение переводчиком проекции текста «для себя» и «под себя», естественно, происходит в пределах допустимых непосредственно самим исходным текстом преобразований. Проекция текста рождается в определённых условиях, определяющих стратегии выделения переводчиками смысловых опор при работе с текстом, а также под влиянием соответствующих ситуативных и контекстуальных факторов.

Первой изданной в США антологией произведений русских авторов стала книга У. Льюиса / W.D. Lewis (1792–1881) «The Bakchesarian Fountain, and Other Poems» [4]. Банкир У. Льюис родился в американском штате Делавэр, большую часть жизни провёл в Филадельфии, где занимал ряд правительственных должностей, в 1830–1840 годы входил в совет директоров нескольких крупных железнодорожных компаний. Русский язык У. Льюис выучил во время десятилетнего пребывания в России (1814–1824), где с 1810 года фирма его старшего брата «Lewis & Willing» имела торговое представительство в Санкт-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00554 «Русская литература в современном мире: перевод как восприятие и восприятие перевода»).

Петербурге (<https://journals.psu.edu/pmhb/article/view/42891/42612>). В отличие от старшего брата, который так и не выучил русский язык, У. Льюис поставил себе цель – овладеть языком за один год. Из Санкт-Петербурга он уехал в Москву, где занимался каждый день по два часа с частным преподавателем, затем посетил Тверь, где пытался снять жильё у русскоговорящей семьи, чтобы иметь постоянную языковую практику.

Несмотря на то, что дальнейшая деятельность У. Льюиса по возвращении из России никогда не потребовала применения полученных знаний русского языка, он стал первым, кто перевёл на английский язык поэму А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823, опубликована в 1824 г.).

Отдельные переводы из книги «The Bakhchessian Fountain, and Other Poems» были опубликованы У. Льюисом в различных периодических изданиях «National Gazette», «Atlantic Souvenir» и др. В указателе имён английских и американских авторов [1] сообщается, что У. Льюис передал экземпляры книги в Россию. В номере от 18 июля 1851 года газеты «Северная пчела» вышла рецензия Н.И. Греча, с которым У. Льюис познакомился в Санкт-Петербурге. В посвящении он благодарит своих русских друзей за проявленную к нему доброту во время пребывания в России, названной им самой гостеприимной страной (their most hospitable country). Кстати, в одном из писем от 1814 года на родину он пишет, что жители Твери гораздо гостеприимнее жителей Санкт-Петербурга [5].

У. Льюис перевёл на английский язык произведения семи русских поэтов, среди которых А.С. Пушкин, П.А. Пельский, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, Н.И. Шатров, И.И. Дмитриев, А.Ф. Мерзляков и Г.Р. Державин. К сожалению, У. Льюис не называет имена всех переведённых им авторов. Из 21 включённых в сборник переводов нам не удалось атрибутировать авторство следующих произведений: «Song» («I through gay and brilliant places...»), «To my heart», «Time» («O! Time, as thou on rapid wings...»), «Song» («Sweetly came the morning light...»), «Song» («The shades of spring's delicious...»), «Song» («How blest am I thy charms enfolding...»), «Song» («In her presence pleasures throng...»), «To Mary», «To Cupid», «Laura's Prayer» («As the harp's soft sighings in the silent valley...»). Относительно текста «Evening Meditations» можно предположить его близость к стихотворению «Вечер» (1797) А.Ф. Мерзлякова только по отдельным ключевыми словам.

Во время своего пребывания в России У. Льюис редко сталкивался с высшей аристократией, а для разговорной практики преимущественно общался с представителями среднего класса и с простыми людьми [5], что, возможно, объясняет присутствие в сборнике переводов популярных песен и романсов того времени. У. Льюис выбирает трогательное стихотворение «Горесть супруга» / «The Husband's Lament» (1803) П.А. Пельского, писателя, поэта, переводчика и друга Н.М. Карамзина. При публикации стихотворения в журнале «Вестник Европы» (№ 14, 1803) указано, что автор написал его за месяц до смерти. У. Льюис переводит стихотворение Ю.А. Неледин-

ского-Мелецкого «У кого душевные силы...» / «Stanzas» (1792) о бессмертии души, положенное на музыку в 1796 году и ставшее популярным романсом. Как и Дж. Бауринг [3], У. Льюис также переводит сентиментальное стихотворение И.И. Дмитриева «Стонет сизый голубочек...» / «The Little Dove» (1792).

В письмах к друзьям в США он называл петербуржцев заносчивыми и гордыми людьми, а в стихотворении А.Ф. Мерзлякова есть строки «Все други, все приятели / До чёрного лишь дня!», которые, возможно, привлекли внимание переводчика. Приведём последние три четверостишия из стихотворения в переводе У. Льюиса, где *подруженька* стала *женой* (*wife*), тихие *малюточки* – весёлыми и озорными детьми (*gay and sportive little ones*), *старик*-отец плачет при виде корабля (*as he our transport sees*), а лирический герой ожидает улыбок друзей (*the smiles of friends*), которых нет в оригинале.

*Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!*

*Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вокруг малюточки,
Тихохонько резвясь!*

*Возьмите же всё золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!*

А.Ф. Мерзляков.

Средь долины ровныя

*No relatives, alas! of mine in this strange clime appear,
No wife imparts love's fond caress, sweet smile, or pitying tear;
No father feels joy's thrilling throb, as he our transport sees;
No gay and sportive little ones come clambering on my knees; –
Take back all honours, wealth, and fame, the heart they cannot
move,
And give instead the smiles of friends, the tender look of love!*

A.F. Merzliakoff. Solitude

(Translated by W.D. Lewis, 1849)

Если сравнить синонимический ряд (РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО, ОТЧИЗНА) и соответствующий ему английский ряд (NATIVE LAND, MOTHER COUNTRY, home, HOMELAND, MOTHERLAND, FATHERLAND, COUNTRY OF ORIGIN), то оказывается, что в последнем более сильно проявляются экстралингвистические, исторические и культурные коннотации. Различия между словами не только понятийные, но также оценочные и ассоциативные. В русском языке слово РОДИНА обладает особой повышенной эмоциональностью и эмотивностью, что очень сильно проявляется в заключительной четверостишии у А.Ф. Мерзлякова (*Возьмите же всё золото, / Все почести назад; / Мне родину, мне милую, / Мне милой дайте взгляд!*).

Интерес переводчика вызывает стихотворение И.И. Дмитриева «Юность, юность! Веселись...» / «Counsel» (1795) о быстропроходящей юности с призывом «Веселись, пока цветёшь; / Пой, пляши, люби, резвись!...».

У. Льюис прибыл в Россию после долгого путешествия: в сборник он включает стихотворение Г.Р. Державина с говорящим названием «Буря» / «The Storm» (1794), где есть строки «Ты, творец, господь всемогущий... / Ты меня от смерти спас!».

Многоплановость художественного (поэтического) слова делает принципиально возможной реализацию одного и того же плана содержания в разных планах выражения, что изначально предполагает направленность на совместное осмысление текста в режиме диалога «автор ↔ читатель». Патриотическое стихотворение «Песнь донскому воинству» («Грянул внезапно гром над Москвою...») поэта Н.М. Шатрова (1812) пользовалось огромным успехом у его современников, став со временем народной песней, существующей в нескольких вариантах. В Великобритании первая антология «Российская антология. Specimens of Russian poets, with preliminary remarks and biographical notices» произведений русских поэтов выходит в 1821 году: её составитель и переводчик Дж. Бауринг / John Bowring (1792–1872) опубликовал первый том антологии [2] после возвращения из путешествия по странам Европы, во время которого он посетил Испанию, Францию, Бельгию, Голландию, Россию и Швецию (1819–1820). Через два года он публикует второй том антологии [3]. Англичанин Дж. Бауринг и американец У. Льюис [4] подошли к решению поставленной переводческой задачи по-разному. Дж. Бауринг не упоминает о Наполеоне и варьирует припев. В варианте У. Льюиса, наоборот, переданы угрозы французским захватчикам.

*Кто против бога? – кто против русских?
 Выхватив саблю, рек атаман;
 Праха не будет полчищ французских!..
 Тщетны все козни Наполеона,
 Не устрасит нас множеством сил..
 Грянем на встречу полчищ французских..
 Рушилась слава Наполеона...*

Н.Н. Шатров. Песнь донскому воинству

*“Who dare oppose God? who oppose Russians?”
 Cried the brave Hetman, – steeds round him tramp, –
 The Frenchman’s ashes quickly we’ll scatter...
 “Vain are Napoleon’s skill, strength, and cunning,
 Nor do his hosts fill us with despair ...
 “Sternly rush on, friends, crush the vile Frenchman,
 Firm be as mountains when tempests blow,
 Oh! into Russia grant not the foul one
 Further to go.” ...
 Napoleon abandoned his fame, and sought
 Safety in flight.*

N. Shatrov. Ode to the Warriors of the Don. Written in 1812
 (Translated by W.D. Lewis, 1849)

*‘Strive against God and our Russia shall no men,
 Ataman cried, while he brandish’d his spear,
 ‘Scatter’d like ashes, they perish – our foemen...*

N. Shatrov. To the Army of the Don
 (Translated by J. Bowring, 1823)

Передав *аркан* ‘длинная верёвка с подвижной петлёй на конце для ловли лошадей и других животных’ (СРЯ) как *arkan*, американец У. Льюис объясняет её в сноске как ковбойское *lasso* (*Lasso*), т.е. через «свою» реалию.

Страшен аркан, сабля ужасна...

Н.Н. Шатов. Песнь донскому воинству (1812)

Th'arkan is dreadful, the sword unsparing...

N. Shatrov. Ode to the Warriors of the Don. Written in 1812

(Translated by W.D. Lewis, 1849)

Lo! at thy slings and thy sabres they tremble...

N. Shatrov. To the Army of the Don

(Translated by J. Bowring, 1823)

Завершает сборник ода «Бог» / «To God» (1784) Г.Р. Державина, в петербургском доме которого У. Льюис встречался с русскими писателями. Во вступлении к переводу У. Льюис называет оду одним из лучших произведений русской литературы. Свою задачу У. Льюис видит в том, чтобы передать все смысловые нюансы оригинала, из-за чего сохранение стихотворного метра оказывается затруднительным. В комментарии к строфе «Ты цепь существ в себе вмещаешь...» говорится, что понять красоту метафоры может только тот, кто наблюдал зимнее северное небо («The full beauty of this metaphor can only be felt by those who have witnessed, in a high northern latitude during intensely cold and clear weather...»). С помощью подобных комментариев он пытается отразить своеобразную модель реального мира, увиденного русским поэтом. В этом отношении переводчик как первичный читатель не остаётся просто сторонним наблюдателем, а превращается в непосредственного участника текстовой коммуникации, своего рода третьим собеседником для вторичного читателя из сферы переводящего языка и автора.

Ты цепь существ в себе вмещаешь,

Её содержишь и живишь;

Конец с началом сопрягаешь

И смертью живот даришь.

Как искры сыплются, стремятся,

Так солнцы от тебя рождаются;

Как в мразный, ясный день зимой

Пылинки инея сверкают,

Вращаются, зыблются, сияют,

Так звезды в безднах под тобой.

Г.Р. Державин. Бог

Thou unitest within thyself the chain of beings,

Upholdest and animatest it,

Thou connectest the end with the beginning,

And through death bestowest life.

As sparks shoot forth and scatter themselves,

Thus suns are born of thee:

As, in a cold and clear winter's day,

Particles of frost scintillate,

Whirl about, reel, and glisten,

Even so do the stars in the abysses beneath thee!

G. Derjavin. To God

(Translated by W.D. Lewis, 1849)

Как показал анализ антологии, выбор текстов для неё оказался мотивированным в большей или меньшей степени личностной заинтересованностью её переводчика и составителя. У. Льюис представил любовную и медитативную лирику, а также стихотворения, которые были положены на музыку и стали популярными романсами. Кстати, англичанин Дж. Бауринг [3] пишет о мелодичности и жалобности русских народных песен, которые остаются навсегда в уме и памяти слушающих. Максима отношения (по Г.П. Грайсу) предполагает такую релевантность смысловых отношений текстов оригинала и перевода, чтобы смыслы перевода не вызывали негативную оценку у читателя, имеющего языковой и энциклопедический опыт носителя переводящего языка. Преподаватель

русского языка в американском колледже Сент-Олаф / St. Olaf College и автор блога о русской литературе XIX века (<https://xixvek.wordpress.com/2014/04/14/old-poetry-translations-the-bakhchesarian-fountain-william-d-lewis/>) Э. Макдональд / Erik McDonald считает, что в переводе У. Льюиса пушкинский «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823, опублик. в 1824 г.) сохраняет труднодостижимую для современных переводчиков старомодную изысканность (old-fashioned elegance).

Построение читателем текстовой проекции происходит на основе опыта и знаний, а (не)совпадение «проекций» определяется общностью опыта, сходством систем знаний. В авторской и читательской проекциях текста (как что–есть–текст–для–меня) происходит встреча интенций работающей с текстом личности. Таким образом, текст оказывается на стыке собственно производства, коммуникации и потребностей.

Список литературы

1. Allibone S.A. A Critical Dictionary of English Literature, and British and American Authors: Living and Deceased; from the Earliest Accounts to the Middle of the Nineteenth Century; Containing Thirty Thousand Biographies and Literary Notices, with Forty Indexes of Subjects. Childs & Peterson, 1870. Vol. 2. 2326 p.
2. Bowring J. Россійская антологія. Specimens of Russian poets, with preliminary re-marks and biographical notices. 2nd edition. London: R. and A. Taylor, 1821. Vol. 1. 281 p.
3. Bowring J. Россійская антологія. Specimens of the Russian Poets, with introductory remarks. Part the second. London: G. and W.B. Whittaker, 1823. Vol. 2. 301 p.
4. Lewis W.D. The Bakchesarian Fountain, and Other Poems. Philadelphia: Sherman, 1849. 72 p.
5. Norman E. America's First Student of Russian: William David Lewis of Pennsylvania // Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1972. Vol. 96. Issue 4. October. Pp. 469–479.

W. LEWIS AS THE FIRST TRANSLATOR OF RUSSIAN POETRY IN THE USA: PERSONAL TEXT PROJECTION FEATURES

E.M. Maslennikova

Tver State University, Tver

Translation is understood as a creative process: it concerns translator's personal space and domain. Psycholinguistic approach to translation activities allows considering the translator as an active interpreter within the triad «author ↔ text ↔ reader». The translator is its full-fledged member whose projection of the text (textual projection) is the speech on behalf of the author. Psycholinguistic approach to translation process and activities is focused on its dynamic components as the translator deals with text meanings. The article analyses the book «The Bakchesarian Fountain, and Other Poems», the first anthology of Russian poets published in the USA.

Keywords: literary text, translation, personal (individual) textual projection.

Об авторе:

МАСЛЕНИКОВА Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: e-maslennikova@inbox.ru.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА И РЕДАКТОРА

М.А. Исаков

Тверской государственной университет, Тверь

В статье приводятся требования, предъявляемые современными западными отраслевыми стандартами к компонентам профессиональной компетентности переводчика, рассматривается проблема оценки качества перевода и возможности использования функционально-прагматической модели Дж. Хаус и данных контрастивного анализа для такой оценки.

Ключевые слова: теория перевода, критика перевода, оценка качества перевода, стандарты качества перевода, государственный стандарт, профессионализм переводчика.

Сложно найти переводчика, способного прочесть письмо от редактора (или заказчика) с замечаниями к тексту перевода, сохраняя при этом хладнокровие. Однако, принятые международные стандарты качества перевода, например, Европейский EN 15038 [10] или EN ISO 17100 [9] (последний принят в 2015 году и является «наследником» EN 15038, действующего с 2006 года), прямо указывают на то, что редактурой (Revision) текста перевода (target text) должен заниматься не тот, кто осуществил перевод с языка оригинала (source text) [10: 11]. Принятые Союзом переводчиков России «Рекомендации переводчику, заказчику и редактору» [4] такого требования не содержат.

EN 15038 был переведён на русский язык и принят как национальный стандарт Российской Федерации [1]. Перевод выполнен с немецкого языка, несмотря на то, что язык оригинального документа – английский. Подготовкой документа занималось Открытое акционерное общество «Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации» (ОАО «ВНИИС»). ГОСТ утверждён и введён в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 11 ноября 2014 г. Дата введения – 01.01.2016.

Перевод выполнен неграмотно, демонстрирует недостаточное владение языком перевода (русским), плохое знание реалий отрасли, а также противоречит требованиям, изложенным в самом документе. Переводческое сообщество встретило принятие документа в таком виде с недоумением и даже негодованием. В ответ на официальные обращения с критикой перевода, Росстандарт сообщил, что замечания приняты к сведению, однако о новых редакциях документа на сегодняшний день ничего не известно. Тем не менее, этот некачественный перевод используется, в том числе, в научных публикациях.

Прежде чем мы обратимся к рассмотрению процедуры оценки качества перевода, рассмотрим, какие требования предъявляются к профессиональным компетенциям её участников. Европейские стандарты предусматривают участие в работе над переводческим проектом (Translation project): поставщика переводческих услуг (Translation service provider, TSP), переводчика (Translator),

редактора (Reviser), рецензента (Reviewer). В «Рекомендациях» упоминаются только переводчик и редактор.

Стандарт EN 15038 предъявляет следующие требования к участникам переводческого проекта:

«Переводчик должен иметь, по крайней мере, следующие компетенции:

Переводческая компетентность (Translating competence): представляет собой способность перевести текст на должном уровне... включает в себя способность провести оценку трудностей в понимании текста *оригинала* и создании *текста перевода*, а также способность передать текст на языке перевода в соответствии с договором между заказчиком и поставщиком переводческих услуг... и обосновать причины выбранных решений» [10: 7].

ISO 17100 вводит также понятие «технического задания» (Specifications) [9: 6], которое, с одной стороны, дополнительно ограничивает свободу переводческих решений, а с другой – способно значительно облегчить процесс выработки таких решений.

Лингвистическая и текстовая компетентность в языках оригинала и перевода (Linguistic and textual competence in the source language and the target language): включает способность понимать (ability to understand) язык оригинала и совершенное владение (mastery) языком перевода. Текстовая компетенция требует знания норм различных типов литературных и специальных текстов, а также включает способность применять эти знания при их составлении» [10: 7].

Отметим, что в ISO 17100 «совершенное владение» заменено на «свободное владение» (fluency) [9: 6].

Исследовательская компетентность, сбор и обработка информации (Research competence, information acquisition and processing): включают способность оперативно собирать дополнительные лингвистические и специальные сведения, необходимые для понимания исходного текста и создания текста перевода. Исследовательская компетенция также требует наличия опыта применения исследовательского инструментария и способности разрабатывать необходимые стратегии для рационального использования доступных источников информации» [10: 7].

По версии Росстандарта, «research tools» – это «поисковые инструменты» [1: 4], с чем готовы согласиться В.Б. Шеметов [6: 36] и А.С. Мещеряков [3: 6]. Очевидно, что такое искажение совершенно недопустимо. Также, нельзя не отметить следующие ошибки (перечень не исчерпывающий):

- «DTP, desktop publishing» – опущено в переводе (приложение E) [1:13]. Означает «компьютерная вёрстка»;
- «subtitling» – «разделение» (верно: «ввод субтитров», «субтитрирование») (приложение E) [там же];
- «(terminology) consistency» (в разных разделах): «совпадение терминологии» (раздел 5.4.3), «одинаковая терминология» (раздел 5.4.1. а), «совместимость исполнителей» (раздел 5.2).

То, что над документом работали несколько не связанных друг с другом переводчиков, так же очевидно, как и то, что на самом деле имеется в виду «единство терминологии».

«Культурная компетентность (Cultural competence): включает способность использовать информацию о культурной среде, стандартах поведения и системах ценностей, характеризующих культуры языков перевода и оригинала.

Техническая компетентность (technical competence): включает умения и навыки, требующиеся для профессиональной подготовки и выполнения переводов. Предметная компетентность также включает в себя способность применять технические средства» [10: 7].

ISO 17100 содержит нововведение: «Компетентность в предметной области (domain competence) — это способность понимать содержимое на языке оригинала и воспроизводить его на языке перевода с использованием надлежащего стиля изложения и терминологии» [9: 6]. Те же требования предъявляются и к редакторам (Revisers). Рецензент (Reviewer) должен быть специалистом в той области, которой посвящён текст. Знание языка оригинала для рецензента *необязательно*.

Стандарт EN 15038, с момента его принятия в 2006 году, подвергался критике со стороны переводчиков за неспособность обеспечить объективность оценки качества перевода. Такую критику следует считать несправедливой, поскольку в задачи Стандарта не входило утверждение перечня критериев оценки качества перевода – бюро переводов, поставщики услуг перевода *должны* самостоятельно выстраивать собственную систему менеджмента качества [10: 8]. Задача Стандарта – обеспечить условия, необходимые для того, чтобы такая система могла работать.

«Переводческая компетенция – ... особое “переводческое” владение двумя языками (как минимум рецептивное владение исходным языком и репродуктивное владение языком перевода), при котором языки проецируются друг на друга; способность к “переводческой” интерпретации носителя другого языка и другой культуры; владение технологией перевода (i.e. совокупностью процедур, которые обеспечивают адекватное воспроизведение оригинала, в том числе модификации, необходимые для успешного преодоления “культурного барьера”); знание норм языка перевода; знание переводческих норм, которые определяют выбор стратегии перевода; знание норм данного стиля и жанра текста; определённый минимум “фоновых знаний”, необходимых для адекватной интерпретации исходного текста, в частности то, что называется “знанием предмета”, необходимым для успешного перевода в рамках специализации переводчика... проблема переводческой компетенции ещё ждёт своей экспериментальной разработки с позиций психолингвистики. При этом важно, чтобы перевод в этих исследованиях был бы подлинным объектом анализа, раскрывающего его психолингвистический механизм...» [2: 37].

Необходимо определиться с тем, насколько хорошо должен переводчик знать предметную область, с которой работает. Каков уровень «фоновых знаний», необходимый для осуществления качественного перевода?

К. Дурбан, известный переводчик, автор книги «The Prosperous Translator: Advice From Fire Ant and Working Bee», работает в премиум-сегменте рынка переводческих услуг и имеет дело с высокоспециализированными текстами, от качества перевода которых часто могут зависеть решения по многомиллионным сделкам. Вот её мнение:

«Специализация по предметным областям исключительно важна. Я много времени уделяю тому, чтобы разбираться в областях своей специализации до такой степени, что, когда разговариваю со своими клиентами-бизнесменами, я могла бы пройти Тест Тьюринга: я

провожу совещание с клиентом в течение десяти минут, и они должны счесть, что я – специалист по внешнеэкономической деятельности» [7].

Стандартная интерпретация Теста Тьюринга звучит следующим образом:

«Человек взаимодействует с одним компьютером и одним человеком. На основании ответов на вопросы он должен определить, с кем он разговаривает: с человеком или компьютерной программой. Задача компьютерной программы — ввести человека в заблуждение, заставив сделать неверный выбор» [5].

Условие «Тест Тьюринга для переводчика» сложно считать достаточным, но оно вполне соответствует описанным выше требованиям к компетентности переводчика, поэтому его можно считать необходимым условием.

Требование обосновывать выбор того или иного переводческого решения (или редакторской правки) диктует необходимость использования критериев оценки такого выбора. Дж. Хаус в своей работе «*Translation Quality Assessment: Past and Present*», помимо прочего, предлагает рассматривать стиль (Register) как единство трёх элементов: лексическое поле (Field), модальность (Mode) и структура метафоры (Tenor), которые определяются следующим образом:

- «поле охватывает тему, содержание текста или его предметную область, дифференцируемые в плане обобщённости, специализированности или «детализированности» лексических единиц, в соответствии с классами: специализированные, общие и популярные;
- содержание метафоры относится к сущности участников, адресанта и адресатов, и отношений между ними, в плане социального авторитета и социальной дистанции, а также к уровню «эмоционального заряда»;
- модальность охватывает «социальные установки», т.е. различные стили (например, официальный, научный и неофициальный). Модальность относится и каналу коммуникации – письменный, устный (который может быть «простым», например, «написано для прочтения»), или сложным, например, «написано для прочтения вслух, так, как если бы произносилось не «с листа»), а также к степени потенциального или реального взаимодействия между автором и читателем. Такое взаимодействие также может быть «простым» – монолог, не предусматривающий участия адресата, или «сложным», характеризующимся использованием различных лингвистических механизмов, предусматривающих взаимодействие с адресатом» [8: 64].

При этом Хаус предлагает опираться не на личные суждения, не на словари, а на данные контрастивного анализа текстов и корпус языка, с тем чтобы сделать процедуру оценки качества перевода объективной и поддающейся количественному анализу. Такой анализ в современных условиях возможен, однако требует деятельного участия в разработке методов и средств оценки качества перевода со стороны академического сообщества, практикующих переводчиков и разработчиков средств автоматизации перевода; деятельного в том смысле, что все три стороны должны, насколько это возможно, сосредоточиться на общей цели – обеспечении качества перевода.

Первоочередными задачами следует считать разработку и внедрение в популярные средства автоматизации перевода следующих инструментов: (1) анализа текста на предмет стилистической принадлежности, исходя из элементов: лексическое поле (Field), модальность (Mode) и структура метафоры

(Tenor); (2) поиска в национальных корпусах языков; (3) поиска и сопоставления словосочетаний и предложений по заданным доменным зонам, группам языков, электронных изданий и других индексируемых поисковыми машинами текстов. С учётом сегодняшнего уровня развития технологий, указанные задачи представляются реалистичными и достижимыми, однако, их реализация может потребовать значительных трудовых затрат и необходимости в использовании баз параллельных текстов (памяти переводов), наработанных переводчиками-практиками.

Список литературы

1. ГОСТ Р EN 15038 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200114773> (дата обращения: 30.11.2015).
2. Жаркова Е.М. Лекции по общей теории перевода: учеб. пособие. Мариуполь: изд-во ПГТУ, 2007. 328 с.
3. Мещеряков А.С., Косникова А.Ю. О выявлении компонентного состава переводческой компетентности // Среднее профессиональное образование. Москва, 2011. №12. С.5–8.
4. Письменный перевод. Рекомендации переводчику, заказчику и редактору [Электронный ресурс]. URL: http://www.translators-union.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=338:2012-08-20-18-53-36&catid=100:materials&Itemid=309 (дата обращения: 20.11.2015).
5. Тест Тьюринга // Википедия, свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тест_Тьюринга (дата обращения: 28.11.2015).
6. Шеметов В.Б. EN 15038: 2006 Translation Service – Service Requirements – Новый вызов российскому переводческому сообществу? // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2010. С.33–39.
7. Durban Ch. Footage of the discussion at the UEA Translation Quality Event organized by LCS. University of East Anglia. Norfolk, 2014 [Electronic resource]. URL: <http://datab.us/gjUkw-MQIR8#Footage of the discussion at the UEA Translation Quality Event organized by LCS. Timing: 24:20> (accessed at: 28.11.2015).
8. House J. Translation quality assessment: past and present // Abingdon, UK, 2015. 160 p.
9. Translation Services – Requirements for translation services (ISO 17100:2015). Brussels: CEN-CENELEC Management Centre, 2015. 19 p.
10. Translation services – Service requirements English version of DIN EN 15038:2006-08. Berlin: DIN Deutsches Institut für Normung e. V., 2006. 20 p.

PROFESSIONAL COMPETENCE OF TRANSLATOR AND EDITOR

M. Isakov

Tver State University, Tver

The article presents the criteria for translator's competences put forth by current translation industry standards in Europe; addresses the problem of translation quality assessment and application of J. House's functional-pragmatic model and contrastive analysis data for such assessment.

Keywords: *translation theory, translation criticism, translation quality assessment, translation quality standards, national standard, translator's expertise, functional-pragmatic model.*

Об авторе:

ИСАКОВ Максим Александрович – аспирант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: tdclub@yandex.ru.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАИМЕНОВАНИЙ НЕКОТОРЫХ ПРОФЕССИЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ

А.А. Яковлев, В.В. Манхирова, Е.К. Случаева

Сибирский федеральный университет, Красноярск

В статье представлены результаты ассоциативного эксперимента, в котором стимулами были наименования ряда профессий. Результаты эксперимента проливают свет на средства репрезентации образа конкретной профессии в языковом сознании студента и на специфику связей между реакциями и стимулами-наименованиями профессий.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, наименования профессий, языковое сознание.

В отечественной психолингвистике вслед за отечественной психологией принято чётко разграничивать понятия значения и личностного смысла. [3: 103, 449]. И вопрос не в том, что в некоторых словах преобладают общественно выработанные значения, а в других – личностные смыслы, вопрос в том, что в образе, соответствующем некоторому слову, наличествует и значение, и личностный смысл, и «качество» последнего различается у разных людей, принадлежащих к одной лингвокультуре. Хотя смысл выражает укоренённость индивидуального сознания в бытии человека, а значение – подключённость этого сознания к сознанию общественному, к культуре [2: 254], всё же их не следует противопоставлять друг другу.

Смыслы и значения слов у разных людей различаются потому, что отражают общественный и личностный опыт познания мира и общения с другими людьми, а опыт этот, в свою очередь, различается в зависимости от возраста людей, их социального статуса, профессии, места проживания, пола, личностных характеристик и т.д.

Небезынтересно в этой связи изучение значений слов, именующих, казалось бы, повседневные явления (с которыми человек ежедневно сталкивается, но привык этого не замечать), ведь это проливает свет на то, каким образом он переживает и оценивает этот опыт повседневного общения, взаимодействия с миром. Впрочем, психолингвиста здесь интересуют особенности языкового закрепления и речевого выражения этого опыта.

Проведённое исследование ставило перед собой целью выявление особенностей языковой картины мира или языкового сознания студентов через репрезентацию значений слов в ментальном лексиконе (не вдаваясь в дискуссию по поводу двух названных понятий, мы для простоты и экономии используем их в рамках этой статьи как синонимы, однако отграничивая их от такого понятия, как *образ мира*). Описываемый здесь эксперимент носил предварительный характер и был направлен на решение задачи о том, можно ли вообще обнаружить в языковой картине мира студента некоторую специфику, которая, как предполагалось, при её наличии будет неминуемо отражаться в результатах ассоциативного эксперимента.

В эксперименте был задействован 101 испытуемый (далее – Ии.) в возрасте от 17 до 25 лет, все они на период проведения эксперимента обучались в высших учебных заведениях г. Красноярск (большинство – в институте филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, но были также студенты Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого и других вузов), гендерная принадлежность Ии. не учитывалась. В конечном итоге было получено 99 анкет: один из Ии. не соответствовал возрастным ограничениям, анкета второго была испорчена, поэтому данные этих анкет были исключены из общей массы эмпирического материала.

Ии. было предложено дать от одной до трёх ассоциаций на список из 100 слов. Во избежание влияния реакции на стимул со стороны реакции на предыдущий стимул список состоял из слов разных частей речи, в котором в хаотичном порядке были расположены интересующие нас стимулы, из которых в настоящей работе описываются только слова-названия профессий: *врач, кондуктор, менеджер, писатель, повар, сантехник, спасатель, учитель, юрист*.

Список слов-стимулов предъявлялся Ии. в письменном виде. Названия профессий для эксперимента были выбраны по особым критериям. Это профессии, с представителями которых Ии. имеют опыт общения в повседневной жизни (*кондуктор, учитель*); профессии, которые в современном обществе считаются престижными (*менеджер, юрист*); профессии, которые можно считать престижными, но низкооплачиваемыми (*спасатель, врач*); и профессии, которые не престижны (*повар, сантехник*). Кроме того, в списке было слово *писатель*, которое тоже может быть рассмотрено наряду с перечисленными профессиями и охарактеризовано как обозначающее творческую профессию («Поэт в России – больше, чем поэт»).

Отметим, что Ии. предлагалось дать не одну, а несколько ассоциаций с тем, чтобы охватить как можно более широкий «участок» соответствующего смыслового поля. И хотя каждая последующая реакция связана со словом-стимулом через предыдущую, всё же эта последняя входит в более ядерную часть того же смыслового поля. Таким образом мы можем учесть и ядерные, и более периферийные смысловые элементы образа некоторой профессии в сознании студента, а также соответствующего ему слова в ментальном лексиконе студента.

В результате были получены 1386 реакций, а также 7 отказов от ответа. Цифра в скобках после реакции означает количество повторяющихся ответов среди Ии., отсутствие цифры означает, что такой ответ встречается единожды.

В работе [1: 140–141] приводятся несколько видов связи между стимулом и реакцией и указывается, что некоторые из них могут быть объединены как отношения координированности, субординации и т.п. и что однозначная трактовка связи между стимулом и реакцией не всегда возможна. А в нашей предыдущей публикации [5] на примере четырёх стимулов было подробно показано, каким образом эта система распределения реакций применяется относительно нашего материала.

Реакции на все девять интересующих нас стимулов можно разделить на следующие виды связи со стимулами:

1. Координированные:
 - Синонимия;
 - Разновидности профессий, относящихся к одной и той же сфере деятельности;
 - Профессия – объект действия;
 - Профессия – место действия представителя;
2. Субординированные:
 - Предмет – часть предмета;
 - Профессия – орудие деятельности;
3. Суперординативные:
 - Профессия – деятельность;
 - Частное – общее;
 - Профессия – результат действия представителя;
 - Профессия – оценка представителя;
 - Профессия – оценка труда;
 - Гендерная принадлежность.

Кроме этого, среди реакций на каждый стимул есть и такие, которые не могут быть отнесены ни к одному из этих видов. Иногда они представлены довольно широким числом реакций, что само по себе указывает на особенности связей выбранных для эксперимента слов с другими областями ментального лексикона. Распределение реакций нашего эксперимента отражено в таблице, приводимой ниже.

Следует отметить, что такие типы реакций, как «синонимия» и «разновидности профессий, относящихся к одной и той же сфере деятельности» различаются следующим образом. Синонимия: ВРАЧ – *доктор* (4), *эскулап*; ПОВАР – *кулинар*; Разновидности профессий: ВРАЧ – *хирург* (10), *патологоанатом* (2); ПОВАР – *шеф-повар* (4), *бармен*.

Полужирным шрифтом в таблице выделены по три наиболее частотные реакции на каждый стимул. Как видно из приведённого материала, практически везде преобладают субординированные и суперординативные реакции, причём вторые не только разнообразнее первых, но иногда и более многочисленны (пример – стимул ПОВАР, где самая многочисленная реакция является суперординативной). Это позволяет предположить, что в большинстве своём слова-наименования профессий связаны во внутреннем лексиконе со словами, обозначающими более широкую область реальной действительности, со словами, относящимися как собственно к обозначенной профессии, так и к соответствующей ей деятельности и ситуации, в которой эта деятельность осуществляется: ВРАЧ – *боль* (6), *очередь* (6), *здоровье* (3); ЮРИСТ – *суд* (15), *правосудие* (2); СПАСАТЕЛЬ – *МЧС* (10), *жизнь* (5), *мазь* (3), *катастрофа* (2), *помощь* (2).

Из таблицы также видно, что, хотя слова-стимулы объединяются по родовому признаку, реакции на них далеко не во всём совпадают (профессия профессии рознь). Бросается в глаза и то, что нет ни одного стимула, реакции

на который распределялись бы по всем выявленным группам, т.е., несмотря на определённую гиперонимическую общность значений слов-стимулов, реакции на них обладают своими особенностями. Однако нет и типа реакции, который был бы характерен для всех стимулов. Это позволяет сделать предварительный вывод о том, что смысл слова-названия профессии для индивида обусловлен его собственным опытом общения (в самом широком смысле) с представителями этой профессии и тем, как этот опыт окрашен эмоционально: каждое слово-наименование профессии кристаллизует в своём значении комплекс типичных ситуаций встречи с представителями данной профессии.

Таблица. Реакции на стимулы – названия профессий

Вид связи	Группа	Профессия								
		Врач	Повар	Менеджер	Писатель	Кондуктор	Спасатель	Учитель	Сантехник	Юрист
Координированные	Синонимия	9	-	25	10	-	-	7	-	-
	Разновидности профессий, относящихся к одной и той же сфере деятельности	37	9	20	11	1	5	8	-	18
	Профессия – объект действия	7	2	1	1	-	2	2	43	8
	Профессия – место действия представителя	20	27	10	-	23	22	17	1	-
Субординированные	Профессия – одежда представителя	18	25	8	7	8	15	6	10	6
	Профессия – орудие деятельности	18	10	6	17	26	11	20	16	-
Суперординативные	Профессия – деятельность	5	6	1	5	2	-	-	7	-
	Частное – общее	12	2	20	11	21	30	9	10	44
	Профессия – результат труда представителя.	2	24	1	31	-	2	7	1	2
	Профессия – оценка представителя	9	4	12	17	19	3	21	25	15
	Профессия – оценка труда	4	14	14	4	3	6	24	7	9
	Гендерная принадлежность	4	7	2	-	6	1	3	3	1
Прочие	Связь с личной жизнью	3	-	2	-	-	2	5	-	6
	Персоналии/персонажи	2	3	2	37	-	32	4	4	4
	Внешний вид	-	10	-	-	18	3	-	-	-
	Цвет	1	1	1	-	-	4	-	-	-
	Связь со временем	-	-	-	5	-	-	-	-	-
	Характерные фразы	-	-	1	-	3	-	-	-	-
Итого групп:		15	14	16	12	11	14	13	11	10

Примечательно, что слово, обозначающее профессию, может быть связано не только с деятельностью, этой профессии соответствующей, но и, напри-

мер, с местом, где могут встретиться представители данной профессии (ПОВАР – *кухня* (8); УЧИТЕЛЬ – *школа* (14)), с орудием деятельности (ВРАЧ – *шприц* (2), *скальпель* (2); ПИСАТЕЛЬ – *перо* (8)) и проч. К тому же немало реакций выявляют эмоционально-оценочный компонент, который выражается в оценке самого представителя профессии (КОНДУКТОР – *злой* (5), *толстый хам*, *орёт*; ЮРИСТ – *жулик*; УЧИТЕЛЬ – *строгий* (9)) и в оценке труда (САНТЕХНИК – *не умеют ничего*; МЕНЕДЖЕР – *скука*, *бесполезен*), но также в имплицитном виде может содержаться и в других типах реакций, например, тип реакций «внешний вид» (ПОВАР – *толстый* (9), *большой*; КОНДУКТОР – *толстый* (6), *грязный*, *плохо пахнет*, *большой*) или «результат труда» (ПОВАР – *вкусняшки*). Можно полагать, что такая уникальная эмоциональная окрашенность значений слов-наименований профессий обуславливает отношение индивида ко всем представителям данной профессии и к конкретному её представителю в конкретной ситуации общения. Иначе говоря, существует диалектика значения слова и соответствующего явления действительности: с одной стороны, типичные ситуации общения с представителями некоторой профессии отражаются в значении соответствующего слова; с другой стороны, само это значение влияет на отношение индивида к той или иной профессии и её представителям (а значит, частично и на его деятельность в таких ситуациях). Изменение одного неминуемо повлечёт за собой изменение другого: изменение образа какой-либо профессии в сознании как отражении опыта познания и общения (деятельности личности) приведёт к изменению значения слова и его связей с другими словами в языковом сознании как отражении речевого опыта индивида (речевой деятельности личности).

Указанную диалектику значения слова и соответствующего ему явления можно трактовать как диалектику двух процессов – процесса активной деятельности личности в предметном мире и процесса отражения мира в образах сознания, в том числе в значении слов. Следовательно, эта диалектика не противопоставляет внешнее и внутреннее и хорошо согласуется с положением А.Н. Леонтьева о том, что «действительная противоположность есть противоположность образа и процесса, безразлично внутреннего или внешнего, а вовсе не противоположность сознания, как внутреннего, предметному миру, как внешнему» [4: 43].

Общий смысловой «фон» значения конкретного слова-названия профессии включает в себя различные компоненты, сопутствующие конкретному представителю данной профессии, орудиям и результатам его деятельности, месту и времени работы и др., причём все эти компоненты так или иначе эмоционально переживаются. Смысловым фоном тогда можно назвать то субъективное переживание значения слова, которое отражается в эмоциональной окрашенности реакций и которое непосредственно из этого значения не выводится, но неминуемо сопутствует ему, окружает его в языковом сознании и образе мира индивида. Характерно, что для каждого рассмотренного нами слова-стимула такой фон уникален.

Различные слова-названия профессий в большей либо меньшей степени соотнесены по смыслу и эмоциональной оценке с различными явлениями, связанными с образом конкретной профессии в сознании индивида, что обусловлено, по-видимому, опытом индивида и местом образа данного явления (профессии, её представителя, места его работы и т.п.) в его образе мира в целом. Представляется, что из совокупности значений и смыслов таких слов невозможно составить содержательное наполнение понятия «профессия»; грубо говоря, в сознании индивида «профессии вообще» не существует, существует «профессия повара», «профессия юриста» и т.д. Это существенно для анализа языкового сознания индивида: есть вероятность, что далеко не каждому элементу языкового сознания соответствует некоторое явление действительности, непосредственно «извлекаемое» из опыта.

Нами приведено подразделение реакций на рассматриваемые стимулы по *видам* их связи с исходными словами, подразделение реакций на семантические *группы* предполагает отдельное более детальное изложение. Так, данные нашего эксперимента говорят, по всей видимости, о том, что слово *сантехник*, например, вызывает в сознании студента образ нетрезвого работника, который мало на что способен, а слово *учитель* связано по большей части с положительным отношением к этой профессии и её конкретным представителям. Это ещё раз демонстрирует принимаемое многими учёными, но не всегда учитываемое положение о том, что в языковом сознании отражаются не просто явления окружающей действительности, но их образы, преломленные через личный опыт переживаний и эмоций.

В названной выше книге А.А. Залевской указывается, что подведение реакций под объединяющую их рубрику неизбежно сглаживает специфику связи реакции со стимулом [1: 141], но позволяет говорить более обобщённо о значении тех или иных слов, не отвлекаясь на конкретику каждого отдельного случая. И такое обобщение, в свою очередь, даёт возможность судить о характеристиках образа, стоящего за тем или иным словом, который в большей или меньшей степени характерен для всех (или для многих) представителей данной лингвокультуры.

Можно, однако, предположить существование некоторого уровня допустимого обобщения, допустимой абстракции, выше которого рассматриваемые значения слов предстают уже в совершенно ином виде, теряют свою специфику и принадлежность сознанию человека. За этим уровнем начинается уже чисто лингвистический анализ значений слов, объединяющий их по некоторому общему для них признаку, не выводимому из речевого опыта индивида. Для индивида же такое объединение обусловлено его метаязыковой деятельностью, его рефлексией над языком и речью, но не собственно опытом общения с представителями некоторой профессии. Значение слова «профессия» «выводится» не из непосредственного опыта взаимодействия с представителями разных профессий, а из обобщения такого опыта, рефлексии над ним и над словами, в значениях которых этот опыт кристаллизуется.

Но для сопоставительных исследований разных лингвокультур и языков важны как раз не индивидуальные, а общие характеристики ментального лексикона и языкового сознания. Обобщённое представление о значении слова как достояния индивида позволяет делать выводы о месте и роли данного слова в целом в языковом сознании представителя некоторой лингвокультуры или социальной группы вне строгой зависимости от конкретной ситуации использования этого слова.

Список литературы

1. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.
2. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
3. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.
4. Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 288 с.
5. Яковлев А.А., Манхирова В.В. Репрезентация наименований некоторых профессий во внутреннем лексиконе русскоязычных студентов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 4. С. 208–213.

REPRESENTATION OF PROFESSION NAMES IN RUSSIAN STUDENTS LEXICON

Andrey A. Yakovlev, Viktoria V. Mankhirova, Ekaterina K. Sluchaeva
Siberian Federal University, Krasnoyarsk

The paper discusses the results of the free association experiment where stimuli were the names of professions. The results reveal the specific connections between stimuli and reactions and the means of representation of the appropriate profession images in students' worldview.

Keywords: free association experiment, names of professions, language worldview.

Об авторах:

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, e-mail: mr.koloboque@rambler.ru

МАНХИРОВА Виктория Викторовна – студентка института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, e-mail: mankhirova.v@mail.ru

СЛУЧАЕВА Екатерина Константиновна – студентка института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, e-mail: katyasluchaeva@gmail.com

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ РЕЧЕМЫШЛЕНИЯ: МЕТАКОГНИЦИЯ И МЕТАЯЗЫКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Н.О. Золотова

Тверской государственный университет

Метакогниция и используемый при этом метаязык рассматриваются как процесс переработки информации, протекающий на разных уровнях осознаваемости. Особое внимание уделяется обсуждению вопроса о свойстве рефлексивности, присущем как обыденному, так и профессиональному сознанию. Развивается психолингвистический подход к проблеме метаязыка человека как особого механизма его речемышлительной деятельности, «работа» которого осуществляется с помощью единиц ядра метального лексикона.

Ключевые слова: метакогниция, рефлексия, первичный метаязык, ядро ментального лексикона, обыденное сознание, наивный пользователь языком.

Способность к особой форме умственной деятельности – толкованию явлений, на которую в свое время специально обращал внимание И.М. Сеченов [16: 299], является важным ресурсом интеллектуального роста человека. «Ум как истолкователь фактов», по выражению учёного, в современной психологии рассматривается в русле изучения интеллектуальной рефлексии (способности думать об основаниях собственного мышления) и с точки зрения особенностей формирования метакогнитивных механизмов интеллектуальной саморегуляции.

В настоящее время отчётливо осознается тот факт, что наряду с традиционно изучавшимися процессами переработки информации (такими как восприятие, память, мышление) существуют метакогнитивные процессы, отвечающие за управление ходом текущей интеллектуальной деятельности. Введение в научный обиход термина «метакогниция» приписывается американскому специалисту в области возрастной психологии Дж. Флейвеллу, в понимании которого метакогниция (*metacognition*) представляет собой познание познания [19: 37] и выражается в осознании индивидом своих собственных когнитивных процессов и их продуктов [20: 232]. В отечественной науке специальное внимание изучению особенностей организации метакогнитивного опыта и роли интеллектуальной рефлексии в системе интеллектуальной деятельности уделяется М.А. Холодной [17].

Особенность метакогниции в лингвистической сфере заключается в том, что, с одной стороны, естественный человеческий язык становится предметом изучения, с другой стороны, именно он выступает в качестве инструмента исследования, превращая, таким образом, познавательные процессы в метапознавательные [13: 24]. Проблема метакогниции тесно связана и с проблемой метаязыкового сознания, прежде всего его обыденной формы, которая широко обсуждается в современной лингвистике.

Метаязыковое сознание становится предметом лингвистического анализа и сводится к изучению «форм активной рефлексии», отражённой в обыденном сознании индивида и представленной в достаточно широком диапазоне: от

спонтанных высказываний о языке и его элементах, отношениях, свойствах и т.п. до достаточно объёмного, иногда и глубокого теоретизирования по этому поводу (хотя нередко с различными уклонами в сторону мифологического мышления) [6: 7].

Наблюдения над осознанной рефлектирующей деятельностью «обычных» людей издавна привлекали внимание языковедов разных лингвистических школ и направлений и оформлялись в виде таких областей исследования, как обыденное языковедение, бытовая, фолк-, или народная лингвистика, наивная философия языка, лингвистика метаязыкового сознания и т.п. Основной массив выполняемых в этих областях исследований связан с изучением «обыденного фактора» в становлении и функционировании языка «рядового» человека – носителя культуры.

Кроме устоявшегося обозначения обсуждаемого феномена – «метаязыковое сознание» – в литературе можно наблюдать формальное варьирование термина при идентичном его наполнении. Например, по некоторым наблюдениям [15: 48], к вариативному ряду можно отнести такие обозначения, как «языковое самосознание» (Никитина С.Е.), «металингвистическая рефлексия» (Петухова И.А., Шишкина В.Ю.), «аттитюды говорящих к языку» (Вингерден М.). Добавим сюда то, что Ю.Д. Апресян называл «метаязыковой практикой говорящих», моделирование которой с помощью свободных дескрипций (свободных перифразов) допускается им при объяснении значений слов, в то время как собственно толкование лексемы моделирует ещё и научно-лингвистическое знание языка [1].

В качестве единицы анализа метаязыкового сознания человека предлагается понятие рефлексива, под которым подразумевается относительно законченное метаязыковое высказывание, содержащее комментарий к употребляемому слову или выражению [5].

Акцент на изучении «ненаучных» представлений «обычных» людей о таких фундаментальных понятиях, как язык, культура, мышление и т.п. обусловлен интересом к природе знания, в том числе языкового. Сложность анализа метаязыковой деятельности «наивных» пользователей языком связана с зыбкостью границ между «профессионалом» и «непрофессионалом»: и тот, и другой являются действующими языковыми субъектами, носителями одного языка и культуры. В то же время «рядовой» носитель языка и его языковое поведение представляют собой не что иное, как объект исследования лингвиста-профессионала. Подобная ситуация характерна для всего гуманитарного знания и связана с так называемым «парадоксом границы» (термин Лопе Гарсиа): «человек является и субъектом, и объектом в сфере гуманитарных исследований, граница между ними лишь функциональна и возникает в процессе деятельности, метакогнитивной по своей сути» [12: 7].

Вопрос о влиянии наивных представлений людей, например, об «устройстве» иностранного языка на их усилиях по его изучению, решается такими исследователями, как В.Б. Кашкин однозначно в пользу лингвистического просвещения, способного нейтрализовать метаязык-миф «непрофессионалов». Не-

обходимость знакомства с основами науки о языке, в первую очередь, в сфере преподавания языков представляется автору первостепенной: «... в противном случае многие усилия наивных пользователей по изучению языков будут напоминать действия человека, незнакомого с основами физики и пытающегося засунуть пальцы в розетку» [цит. раб.: 31].

В то же время, по мнению того же автора, научное осмысление языка является вторичным по отношению к обыденному: «Если общественно принимаемое (научное) знание появляется всё-таки не сразу, то рефлексия пользователя языка о своем вербальном инструменте появляется одновременно с ним самим» [11: 42]. Несмотря на то, что бытовые знания о языке не всегда совпадают с научными, они представляют определённую ценность для металингвистики, так как исследование восприятия языковых феноменов «рядовым» человеком позволяет понять механизмы формирования представлений о языке в индивидуальном сознании: «Имея дело с обыденным знанием мы, фактически, сталкиваемся с одним из первичных (и альтернативных) способов познания мира и управления человеческими действиями в нем» [цит. раб.: 45].

Присутствие в широком публичном пространстве феноменов так называемой языковой рефлексии над ресурсами того или иного языка провоцирует пристальное внимание языкового сообщества, вечно озабоченного защитой своего языка от упадка, разрушения литературной нормы и т.п. в результате влияния заимствований и разговорных или просторечных узусов. Критические размышления, например, над немецким языком, возникшие из наблюдений над его строением и использованием в речевой практике, а также отражающие мнение рядовых носителей языка об угрозе, которая нависла над «хорошим», «правильным» немецким языком в условиях сильного влияния внешних факторов на его развитие оказались плодотворным материалом для изучения столкновения двух форм языковой рефлексии – профессиональных и непрофессиональных представлений о фактах и процессах, наблюдаемых в речевой практике [2]. Автор цитируемого исследования видит «несомненный резон» в «критике» форм наклонения, в частности конъюнктива в рамках обыденного языкового сознания: подобную «критику» стоит рассматривать как повод для соотнесения научного знания о языке с реальной речевой практикой. Предлагается не пренебрегать опытом непрофессиональной языковой рефлексии, который открывает для немецкого социума возможность решать лингвокультурные задачи с учётом языкового сознания носителей языка как информантов, фиксирующих в своих суждениях наиболее уязвимые участки системы немецкого языка [цит. раб.: 42].

Продукты метаязыкового сознания также служат источником языкового материала и для диалектологии, в которой принято иметь дело с «метатекстами» диалектоносителей, т.е. с «высказываниями суждений говорящих о своём языке, зафиксированных в графической, аудио- или видеозаписи» [3: 13], и, например, для социальной психологии, изучающей психологическое состояние общества на данный момент, его социокультурные настроения через языковую рефлексия носителей культуры [5].

Особое место в ряду исследований метаязыкового сознания занимают дети, рефлектирующие по поводу языковых явлений. Высказывания ребёнка, содержащие размышления о языке и речи, попадают в число наиболее обсуждаемых проблем в онтолингвистике, или лингвистике детской речи, пользующейся лингвистическими методами анализа, и в собственно психолингвистике, в частности психолингвистических исследованиях онтогенеза. Интеллектуальное развитие ребёнка происходит вместе с процессом усвоения языка, которым ребёнок овладевает в целом к трёхлетнему возрасту. В это же время формируются первые метаязыковые навыки, проявляющиеся в размышлении над языковыми фактами, что часто отражается в детском словотворчестве. В свое время К.И. Чуковскому удалось привлечь внимание соотечественников к этому удивительному феномену благодаря опубликованной им книге «От двух до пяти», претерпевшей несколько изданий.

В контексте психолингвистических исследований, связанных с вопросами овладения родным и вторым (иностраным) языком, проблема метаязыка занимает важное место. С психолингвистической точки зрения, метаязык, которым пользуется человек в речемыслительной деятельности, рассматривается как особый механизм, роль которого в становлении и функционировании «живого» человеческого языка акцентировалась Н.И. Жинкиным. По мнению учёного, живой человеческий язык не фиксирован. Посредством ограниченного числа языковых средств может быть высказано бесконечное множество мыслимых содержаний. Это достигается благодаря особому механизму – механизму метаязыка, «который работает как пульс, в каждом языковом акте» [7: 148].

Развитие языка ребёнка ставится Р.О. Якобсоном в зависимость от его «способности вырабатывать в себе метаязык, т.е. сопоставлять языковые знаки и говорить о самом языке» [18: 116]. Другими словами, ребёнок, осваивая язык, прибегает к метаязыковой и метакогнитивной деятельности, при этом происходит переживание понятого, которое фиксируется в специфических мозговых кодах, но не всегда доступно для вербализации. Полученные при этом продукты носят *функциональный* характер, связаны со знаниями процедурного типа и выполняют роль деятельностных ориентиров в процессах говорения и понимания речи ребёнком, который вырабатывает их «для себя», в своих индивидуальных кодах и использует на разных уровнях осознанности. Эти свойства функциональных ориентиров оказываются удобными и эффективными для пользующегося ими индивида, но, в то же время, трудно соотносимыми с вербальными формулировками прескриптивных правил и с лингвистическими терминами при школьном обучении родному языку, поскольку последние связаны со знанием качественно иного – декларативного типа. Взрослый человек, успешно окончивший школу и не являющийся лингвистом, продолжает пользоваться не столько заученными правилами, сколько функциональными ориентирами разных видов, успешно справляясь со многими проблемами взаимопонимания при общении, но испытывая трудности, когда требуется установить или объяснить, как и почему правильно говорить и писать нужно так, а не иначе (см. подробно об этом: [8]).

Представляется, что ведущее место в наборе функциональных ориентиров (опор) пользователя языком занимают единицы ядра лексикона как первично усвоенные и связанные с процедурным знанием [10]. Очевидно, этого достаточно для установления факта понимания (и взаимопонимания при общении). Добавим, что метаязыковая деятельность «рядового» носителя языка в норме протекает в скрытых как от исследователя, так и от самого человека формах и эксплицируется в ситуациях затруднений при общении или экспериментальных ситуациях, когда возможно обнаружить вербальные «следы» рефлексивных актов испытуемых.

С точки зрения Г.И. Богина, такого рода рефлексия относится к обыденному типу и рассматривается автором как «дефектная», поскольку последствия такой рефлексии осознаются («Я понял и знаю об этом», «Я решил и знаю об этом», «Я теперь знаю о своем незнании», «Я возненавидел это и теперь знаю о своем новом чувстве»), но процесс остается «неосознаваемым», т.е. не подотчетным субъекту действия [4: 5]. Этот тип рефлексии существует наряду с так называемым «пониманием без понимания» в ситуациях, когда «незачем понимать, когда и так понятно», т.е. в ситуациях, требующих нерефлексивного смыслового восприятия автоматизмов разговорной речи. Автор противопоставляет таким ситуациям ситуации, понимание которых достигается на основе «учёной» рефлексии [там же]. При таком разграничении типов рефлексий, соответствующих трём коммуникативным нормативам, автор как исследователь-филолог отдаёт предпочтение «учёной» рефлексии, ставя её выше «неучёной», обыденной.

Очевидно, всё зависит от угла зрения на сам процесс понимания и условий его протекания. В работе [9] обращается внимание на принципиальность чёткого разграничения двух позиций, с которых можно обсуждать те или иные аспекты понимания текста. Для целей настоящей статьи важно акцентировать уровни рефлексии воспринимающего текст читателя, поэтому цитата приводится в сжатом виде. Автор указывает, что если речь идет о *спонтанных* процессах понимания текста наивным читателем – носителем языка и культуры, то имеется в виду, что он осуществляет **первичную интерпретацию** воспринимаемого при слиянии значений и смысла, разграничение которых через **первичную рефлексию** может оказаться актуальным в случаях затруднений или рассогласований между ожидаемым и извлекаемым из текста. В отличие от этого исследователь, в русле определённого научного подхода *целенаправленно анализирующий и интерпретирующий вербализованные продукты понимания текста*, строит логичное и обоснованное вербальное описание того, что, по его мнению, делает носитель языка. В таком случае имеет место **вторичная интерпретация** уже понятого с опорой на **вторичную рефлексию** [цит. раб.: 154].

Представляется уместным привести здесь мнение М.В. Холодной по поводу интеллектуальной рефлексии, роль которой в системе интеллектуальной деятельности автор считает парадоксальной: с одной стороны, способность к рефлексии позволяет человеку правильно оценивать ситуацию и принимать решения. С другой стороны, известно, чем закончилась попытка сороконожки

отрефлексировать закономерности собственной ходьбы – полной неспособностью передвигаться [17: 133–134]. Автор ссылается на мнения некоторых исследователей, которые отмечают тот факт, что интеллектуально одарённые люди, как правило, нерефлексивны в своей актуальной интеллектуальной деятельности. Данное обстоятельство, на взгляд М.В. Холодной, отнюдь не противоречит предположению об их развитых метакогнитивных способностях. Ибо, как можно предположить, именно наличие сформированности метакогнитивных механизмов позволяет им быть в своих интеллектуальных контактах с действительностью, по выражению Р. Глезера, скорее «блестящими опознавателями», нежели «глубокими мыслителями» [цит. раб.: 134].

Таким образом, с психолингвистической точки зрения, именно первичная рефлексия наивного читателя/носителя языка, или рефлексия обыденного типа в терминах Г.И. Богина, заслуживает изучения, независимо от «дефектности», по сравнению с рефлексией учёного, пользующегося «арсеналом искусственных средств анализа», по выражению И.М. Сеченова.

Психолингвистические эксперименты с использованием методики субъективного дефинирования предоставляют наглядный фактический материал «первичной рефлексии» испытуемых в форме «ненаучных» дефиниций как результат попытки разъяснить значение предъявленного стимула «для себя» и/или «для других». Ключевыми опорами в «наивных» толкованиях, по нашим многолетним наблюдениям, выступают единицы ядра ментального лексикона человека, такие, например, как *человек* и др. Этот факт позволил нам сформулировать психолингвистическую концепцию естественного, точнее сказать, *первичного* метаязыка человека. В роли его единиц выступают слова ядра ментального лексикона в силу своих специфических характеристик [10 и др.].

Некоторые наблюдения над обсуждаемым феноменом осуществлялись с опорой на ряд ассоциативных словарей и тезаурусов, в том числе и на практическую часть работы [14]. В самом названии словаря детских высказываний А.Д. Палкина «Возрастная психолингвистика: Толковый словарь русского языка глазами детей» обозначена позиция наблюдателя – русскоязычного ребенка, с точки зрения которого даются разъяснения широкоупотребительных слов в форме зафиксированных метатекстов.

По признанию автора словаря, его испытуемые – дети 11–12-ти лет – употребляли слово *человек* практически **в каждой** словарной статье (выделено нами – Н.З.) [цит. раб.: 352].

Например, на стимул МАТЬ дети дают следующие субъективные дефиниции: *человек* женского пола, у которой есть ребёнок; *человек*, который рождает детей; *родной человек*, который родил меня; *женщина*, которая дала жизнь *человеку*; *родной человек*, который вывел тебя на свет; *человек*, который тебя родил и воспитывает; *близкий тебе человек*, который родил тебя, воспитал, кормил и будет заботиться о тебе всю жизнь; *самый любимый человек*; *человек*, имеющий сына и т.п.

Стимул МУЖЧИНА толкуется следующим образом: *человек*, пол которого противоположен женскому; *взрослый человек* мужского пола; это *человек*

мужского пола только он уже взрослый; *человек* мужского рода, уже не мальчик; *человек*, обладающий большей силой, чем женщина; это *человек*, без которого не может происходить дальнейшее развитие общества и т.п.

Материалы ассоциативных экспериментов дают основание утверждать, что метаязыковая деятельность «обычного» человека, соотносимая с первичной или базовой рефлексией в отличие от метаязыковой деятельности лингвиста-исследователя, имеющего дело с вербализованными продуктами понимания, является условием естественной (спонтанной) работы речемыслительных механизмов, обеспечивающих автоматизм оперирования языком.

Таким образом, свойство рефлексивности является одним из признаков, определяющих природу человеческого языка и делающих возможным понимание себя и другого.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Предисловие // Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 5–7.
2. Бабенко И.С. Языковая рефлексия как феномен современной немецкой лингвокультуры // Вопросы психолингвистики. № 2 (24). 2015. С. 38–42.
3. Блинова О.И. Обыденное метаязыковое сознание как источник лингвистической информации (на материале диалектной мотивологии) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: сб. науч. тр. Кемерово – Барнаул: Кемер. гос. ун-т, 2008. С. 13–18.
4. Богин Г.И. Обыденная рефлексия как норматив акта понимания произведения речи // Нормы человеческого общения: тез. докл. межвуз. науч. конф.. Горький: ГППИИЯ им. Н.А. Добролюбова, 1990. С. 4–6.
5. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Олма Пресс, 2005. 384 с.
6. Голев Н.Д. Орфографоцентризм как презумпция русского обыденного метаязыкового сознания // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: сб. науч. тр. Кемерово – Барнаул: Кемер. гос. ун-т, 2008. С. 19–8.
7. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Язык. Речь. Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике: избранные труды. М.: Лабиринт, 1998. С. 146–162.
8. Залевская А.А. Вопросы теории обучения иностранным языкам. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1991. 48 с.
9. Залевская А.А. Текст и его понимание: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.
10. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: монография. Тверь: Лилия Принт, 2005. 204 с.
11. Кашкин В. Б. Обыденная философия языка, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология. // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово – Барнаул, 2009. С. 41–60.
12. Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж: Воронеж. гос. тех. ун-т, 2002. С. 4–34.
13. Кубрякова Е.С. О когнитивных процессах, происходящих в языке // Исследование познавательных процессов в языке. Серия «Когнитивные исследования языка». 2009. Вып. 5. С. 22–29.

14. Палкин А.Д. Возрастная психоллингвистика: Толковый словарь глазами детей [Текст] / – М.: НОУ МЭЛИ, 2004. – 360 с.
15. Ростова А.Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: сб. науч. тр. Кемерово – Барнаул: Кемер. гос. ун-т, 2008. С. 45–53.
16. Сеченов И.М. Элементы мысли // И.М. Сеченов. Элементы мысли. СПб: Питер, 2001. С. 209–355.
17. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд. перераб. и доп. СПб: Питер, 2002. 272 с.
18. Якобсон Р.О. Речевая коммуникация // Р.О. Якобсон. Избранные работы / под. ред. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. 455 с.
19. Flavell J. H. Cognitive monitoring // W. P. Dickson (Ed.). Children's Oral Communication Skills. New York, 1981. Pp. 35–60.
20. Flavell J. H. Metacognitive aspects of problem solving // L. B. Resnick (Ed.). The Nature of Intelligence. Hillsdale, 1976. Pp. 231–236.

REFLEXIVITY OF THINKING IN WORDS: METACOGNITION AND METALANGUAGE ACTIVITIES OF A SPEAKER

N.O. Zolotova

Tver State University, Tver

Metacognition and metalanguage used in metacognition are viewed as information processing taking place at different levels of awareness. Special consideration is given to reflexivity as a quality inherent both to ordinary and professional consciousness. Psycholinguistic approach towards the problem of metalanguage as a special mechanism of a man's mental activities, its work provided by the units of the core of mental lexicon, is worked out.

***Key words:** metacognition, primary metalanguage, the core of mental lexicon, ordinary consciousness, naïve speaker.*

Сведения об авторе:

ЗОЛОТОВА Наталия Октябровна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: saporovskaya@mail.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23

РОЛЬ ГРАФИЧЕСКОЙ И ФОНЕТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ СЛОВА В ПРОЦЕССЕ ВЫБОРА ЗНАЧЕНИЯ В СИТУАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ

В.М. Беляева

Тверской государственный университет, Тверь

Статья посвящена описанию экспериментальных данных, которые свидетельствуют о том, что при отсутствии вербального контекста важным фактором влияния на доступ к значениям неоднозначного слова является звукобуквенный комплекс. Также рассматривается, каким образом это коррелирует с уже имеющимися знаниями и опытом Ии., в частности наличием так называемого «графического соседа».

Ключевые слова: лексическая неоднозначность, «графические соседи», контекст, лексический доступ.

Проблема разрешения лексической неоднозначности связана с представлениями о хранении значений неоднозначных слов в ментальном лексиконе и доступе к ним. Для того чтобы выяснить, каким образом осуществляется доступ к значениям неоднозначного слова и что влияет на выбор того или иного значения в условиях наличия или отсутствия контекста, нами было проведено психолингвистическое исследование, состоящее из двух экспериментов (далее – Э1 и Э2). В этой статье делается акцент на роли графической формы слова в процессе идентификации неоднозначного слова в условиях отсутствия и наличия контекста. Представлены данные, полученные в ходе первого этапа Э1, в ходе которого Ии. предлагалось объяснить значения предъявленных слов-стимулов, а после этого перевести предложения, содержащие те же слова, предъявленные в однозначном контексте. В качестве Ии. выступили студенты 1–5 курсов факультета Иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, изучающие английский, немецкий и французский языки в качестве специальности, а также студенты магистратуры того же университета по направлению «Лингвистика», изучающие французский и английский языки как иностранные. Общее число Ии., принявших участие в Э1, составило 120 человек. По итогам двух заданий Э1 от Ии. было получено 3050 ответов (1850 субъективных дефиниций, из них 296 отказов; 1200 переводов предложений, из них 272 отказа). Экспериментальный список включал 13 слов-стимулов, представлявших собой неоднозначные существительные английского языка, которые были отобраны в результате анализа языковой практики студентов, а также статей форумов для изучающих иностранный язык. Более подробно ознакомиться с процедурой отбора стимульного материала для исследования можно по публикации [1].

Влияние схожести форм слов родного и иностранного языков (далее – РЯ и ИЯ) на процесс идентификации слова рассмотрим на примере стимула MONITOR, которое имеет такие значения, как ‘монитор компьютера’, ‘староста’ и ‘наблюдатель, контролёр’. Рассматриваемый стимул вызвал достаточно

большое количество реакций, от Ии. было получено всего 2 отказа. Две основные лексико-семантические группы, на которые можно подразделить реакции, – это «компьютерный аксессуар» и «человек, который следит за порядком в группе людей». В скобках указано количество Ии., записавших одинаковые толкования слов-стимулов. К первой группе относятся реакции Ии. с опорой на внешнюю форму слова:

экран (screen) (электронного устройства / гаджета / компьютера / телевизора) (37), монитор (32); дисплей (компьютера) (4), благодаря которому человек может узнавать новую информацию (2); прибор, выводящий информацию для пользователя (2); приспособление прямоугольной формы для просмотра передач или использования компьютера; устройство для общения; устройство для демонстрации; часть компьютера; транслятор информации; движущаяся картинка или чёрный экран.

Довольно большое количество реакций, предоставленных Ии., были даны на ИЯ1 или ИЯ2 – английском, немецком и французском языках:

l'écran, glass polygon with electric bulbs or liquid crystals; a display (2) of a device; computer; a part of a computer (2); a special device for a computer or another electronic technique; a special equipment for a computer to see photos or watch films; a part of a computer (2).

Для Ии., первый ИЯ которых французский или немецкий, и для студентов 1 курса, словарный запас которых ещё не так велик, важной оказалась опора на графический образ слова *monitor*, схожим с его коррелятом в русском языке – *монитор*. Студенты старших курсов, изучающие английский как ИЯ1, дали толкования этому стимулу, зачастую не опираясь на внешнюю форму слова, а учитывая контексты, в которых оно встречалось им до этого – в учебной ситуации, текстах, разговорной речи и так далее. В общей сложности было дано 120 толкований стимула, относящихся к категории «компьютерный аксессуар».

Ко второй лексико-семантической группе относятся следующие ответы:

староста группы, класса (34) – человек, отвечающий за порядок в учебной группе (2); самый ответственный человек в группе (5); наблюдатель (3), наблюдение; куратор (2); ответственный за группу; главный; человек с большой ответственностью; человек, следящий за ходом выполнения каких-либо действий; следователь, судья; руководитель; управляющий; руководитель; наставник; тот, кто помогает, наставляет; «старший» над группой людей, наблюдает за их действиями.

Некоторые Ии. предоставили реакции на ИЯ:

a man who leads (2), leader; a person, who monitors some activity/responsible for something (3); a person who is responsible for some activities in class (2); a head of a group of people; advise; tutor; someone who teaches and helps; someone who'll guard, control you, give advice; the one who leads classmates, a person responsible for attendance in class; someone who takes control over the order in the classroom.

В общей сложности было дано 70 толкований этого стимула, относящихся к категории «человек, который следит за порядком в группе людей», что значительно меньше количества толкований, отнесённых нами к первой лексико-семантической группе. Этот факт свидетельствует, что при отсутствии вербального контекста превалирует влияние внешней формы слова, т.е. (не)возможность её сопоставления со знакомыми словами РЯ или ИЯ.

Во втором задании неоднозначные слова были предоставлены Ии. в однозначном контексте. Слово *monitor* было дано в следующем предложении: *UN monitors will remain in the country to supervise the elections* в значении 'наблюдатели'. 68 полученных от Ии. реакций относятся к лексико-семантической группе «человек, который следит за порядком в группе людей», которая соответствует контексту данного предложения. От Ии. были получены следующие варианты перевода стимула: *наблюдатели (38); представители (4); наставники (3); надзиратели (3); смотрители (3); ответственные лица (3); председатель (2)/глава, главы; сторонники (2); исследователи; следователи; старосты; следящие; контролёры; руководители; организаторы; советники; проверяющие*. Стоит отметить, что выполнение этого задания вызвало у Ии. большое количество отказов (33). Нами был сделан вывод, что значение слова, наиболее актуальное для Ии., не подошло в предоставленном контексте, что и послужило причиной отказа от реакции. Тем не менее, некоторые Ии. пренебрегли контекстом и предоставили следующие варианты перевода данного слова: *мониторы (5); экраны; камеры; компьютеры; опросы (2), мониторинги; исследования*. При этом Ии. изменили структуру и перевод всего предложения, «подстроив» его под то значения слова-стимула, которое они выбрали. Таким образом, были получены следующие варианты перевода предложения *UN monitors will remain in the country to supervise the elections*:

Мониторы будут использованы, чтобы проводить выборы.

Камеры устаноят, чтобы транслировать процесс выборов.

Мониторинги проводятся в преддверии выборов.

Стоит отметить, что при переводе предложения Ии. учитывали значение однозначного слова *elections*, относящегося к политической сфере, то есть так или иначе учитывали контекст, однако не в полной степени (в частности Ии. не была учтена аббревиатура UN). Переводной реакцией явилась и следующая: *Компьютеры появятся в стране для усовершенствования электроники*. На примере этой реакции можно проиллюстрировать влияние значения неоднозначного слова *monitor*, которое является субъективно-частотным для Ии. в силу схожести словоформ РЯ и ИЯ, но не подходит по контексту. На перевод слова *elections* в данном случае оказывает влияние слово *monitor*, в то же время, Ии. очевидно опирался на фонетический/графический образ ещё одного слова – *electronics*, сходным по начальному элементу со словом *elections* [2: 13].

Некоторые авторы высказываются по поводу того, что слова, у которых есть так называемые «графические или фонетические соседи», имеют свои особенности восприятия и хранения в ментальном лексиконе. Говоря о словах, являющихся «графическими соседями», стоит отметить, что таковыми можно считать любые лексические единицы, полученные путём изменения только одной буквы. Например: *fan – fun, trunk – drunk, coat – goat, bill – bell, pork – fork*. Исследование [3], проведённое на материале датского, английского, французского и испанского языков, позволило предположить, что слова, имеющие высокочастотных соседей, представляют большую трудность для распознавания, чем слова, таких соседей не имеющие. Вместе с тем отмечается, что количество

орфографических соседей слова коррелирует со скоростью его распознавания. В иноязычной литературе эффект воздействия более частотного «графического или фонетического соседа» на процесс доступа к значениям другого, схожего с ним слова получил название *neighborhood frequency effect* [там же]. Данное явление мы рассмотрим на примере стимула FAN, который имеет такие значения, как: ‘веер’, ‘вентилятор’ и ‘фанат’. На этапе отсутствия контекста подавляющее большинство Ии. дали этому слову толкование в соответствии со значением, явившимся для них субъективно-частотным – ‘фанат, поклонник’. Большинство таких реакций являются переводами или дефинициями:

фанат (44), человек, увлекающийся чем-то; (преданный) поклонник (18) обожает что-то, собирает об этом информацию (2); почитатель (3); болельщик (2), последователь (2); любитель (2); человек, который чем-то увлекается (2); человек, имеющий кумира (2); активный затейщик; кто-то заинтересованный в чём-то (ком-то); человек, преданно любящий своего кумира; человек, который без ума от исполнителя, писателя, выдающегося человека; человек, интересующийся чьим-либо видом деятельности; человек, который обожествляет кого-то, безумно любит; восхищающийся чем-либо, подражающий; фанатичный; фанатик (2); человек, любящий что-то, футбольный фанат; любитель чего-либо.

Некоторые Ии. записали реакции на ИЯ1:

a person who is fond of/loves something (3); admirer; someone obsessed with a celebrity, a famous person a strong liker of a particular thing/person; a person devoted to a certain singer or band; an affectionate follower of something; an admirer; to be eager to do something, to like something very much; teenager; a person, who likes something very much.

50 Ии. отнесли слово *fan* к категории «прибор, действие которого основано на подаче воздуха», ср. следующие реакции на РЯ и ИЯ:

веер (15); фен (5); вентилятор (5); женский аксессуар (2); предмет гардероба; компьютерный кулер – прибор, который служит для показания температуры видекарты процессора/ блока питания; средство получения дополнительного воздуха; ветер; a tool that creates wind; a thing for cooling the air; a tool which makes your life cooler; head, sun, summer; a tool or device to cool air (2); making wind, refreshing; something that rolls; a hair-dryer; air; freedom.

Однако немалочисленной оказалась ещё одна выделенная нами категория реакций – реакции по звукобуквенному комплексу. К ним относятся следующие: *веселье (9), забава (2), испытываемое удовольствие; радость (2); счастье; развлечение; ощущение радости, веселья; состояние человека*. Очевидно, что в данном случае в процессе доступа к значениям слова-стимула произошёл сбой, вследствие которого Ии. получили доступ к значениям графически и фонетически похожего слова *fun*, реакции к которому были зарегистрированы. С помощью этой категории реакций можно рассмотреть интерферирующую роль эффекта воздействия более субъективно частотного для Ии. «графического или фонетического соседа».

На втором этапе Э1 стимул FAN вызвал у Ии. большое количество отказов – 35. Для перевода Ии. было дано следующее предложение:

Her gloves were new, and her fan, too, was new, but it was a common one.

В контексте, не предполагающем множественности интерпретаций, 57 Ии. из 120 перевели данное стимул как *veer*, 10 Ии. указали другое значение слова, которое, тем не менее, относилось к той же категории – «женский аксессуар»: *шарф* (4); *фен* (3); *вуаль*; *зонтик*; *шаль*. 5 Ии. из 120 перевели слово *fan* как *поклонник* (4) и *ухажёр*, несмотря на то, что контекстуально это значение не подходило. Этот факт свидетельствует, что субъективная частотность значения слова является важным фактором, влияющим на процесс идентификации слова, оказывающим как положительное, так и отрицательное влияние. Однако помимо влияния субъективной частотности значения слова, важной для некоторых Ии. оказалась опора на графический образ слова, вследствие чего произошёл сбой в понимании. Такие переводные реакции, как *радость* (2); *жизнь*; *восторг* свидетельствуют о том, что лексический доступ был осуществлён не к слову *fan*, а к схожему с ним графически слову *fun*.

Полученные данные приводят к выводу, что при отсутствии вербального контекста важным фактором влияния на доступ к значениям неоднозначного слова является звукобуквенный комплекс и то, каким образом он коррелирует с уже имеющимися знаниями и опытом Ии., в том числе с наличием «графического соседа». К факторам, усложняющим или упрощающим процесс идентификации слова, относится также частотность слова и его значений.

Список литературы

1. Беляева В.М. Неоднозначное слово в ментальном лексиконе билингва (разведывательный эксперимент) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 2. С. 249–253.
2. Новикова И.В. Психолингвистическое исследование идентификации полиморфемного слова при учебном двуязычии: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И.В. Новикова ; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2011. 19 с.
3. Grainger J., Jacobs A.M. & Segui J. On the role of competing word units in visual word recognition: The neighborhood frequency effect // Perception and Psychophysics, 1989. Vol. 45. Pp.189–195.

THE ROLE OF GRAPHIC AND PHONETIC WORD FORMS IN LEXICAL ACCESS IN SITUATIONS OF LEXICAL AMBIGUITY

V.M. Belyaeva

Tver State University, Tver

The article is devoted to the description of experimental data indicating that the graphic and phonetic form of the word is an important factor influencing the access to the meanings of an ambiguous word. Correlation between the word form and the knowledge and experience of the speaker, inter alia affordability of a graphic neighbor, is discussed.

Keywords: *lexical ambiguity, graphical neighbors, context, lexical access.*

Об авторе:

БЕЛЯЕВА Виктория Михайловна – аспирант кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: victoria.n1@yandex.ru.

СЛОВО И КОНТЕКСТ

И.В. Соловьева

Тверской государственный университет, Тверь

В настоящей статье приводится обзор наиболее значимых в отечественной лингвистике 1970-х взглядов на феномен контекста. Они не теряют актуальности, в особенности в связи с проблемой понимания текста, какой бы её аспект ни был в фокусе внимания исследователя.

Ключевые слова: контекст, значение, смысл.

Задачей настоящей статьи является «возврат в продуктивное прошлое» отечественной лингвистики и обзор некоторых точек зрения, сформулированных в российской науке 1970-х гг. Актуальность предпринятого обзора обусловлена возросшей весомостью поставленных тогда задач и непреходящей важностью явлений, а также их нерешённостью и непреходящей ценностью для мировой лингвистики.

Одной из таких задач, способных повлиять на отношение ко многим актуальным проблемам науки, сегодня является проблема взаимоотношения слова и контекста.

Иерархичность системы языка как основание её единства не является на сегодняшний день единственной концепцией, обосновывающей её целостность. Следовательно, отказ от иерархии как основы системы языка не означал (и по-прежнему не означает) отказа от концепции её единства [8; 7; 9].

Среди трёх уровней существования системы языка, способных обеспечить её целостность (субстанции; формы, организующей субстанцию; и контекста), одним из наиболее изучаемых к данному моменту и, при этом, наименее изученных (!) является контекст.

Это становится особенно заметно, если учесть то, что ни один из указанных уровней не признается автономным. Из этого следует то, что теоретическое объяснение его отношений с уровнями субстанции и формы в языке, в тексте и речи – в каждом конкретном случае – становится задачей серьезного научного исследования.

Понятие контекста и его определяющая роль в коммуникации как необходимым взаимном условии широко представлены в классической лингвистике, причём как в узкой трактовке, в качестве фрагмента текста, включающего выбранную для анализа единицу и позволяющую уточнить значение слова [6: 238], так и в широкой – как комплекса условий осуществления лингвистического события. При этом к порядку условий осуществления лингвистического события могут быть отнесены все виды контекста – микро- и макро, коммуникативный и прагматический, эксплицитный, имплицитный, вербальный и невербальный и многие другие. Тот же принцип может быть применен к определению содержания понятия «лингвистическое событие».

Исследования в области контекста, как это становится всё более очевидно по мере появления научных изысканий в этой тематической области, всё чаще сводятся к углублению классификации контекстов и к констатации фактов в области «какой ещё бывает контекст», нежели к решению вопроса о функции контекста, т.е. о том «как он работает», что могло бы внести коррективы в некоторые лингвистические выводы.

Заметим, что и герменевтические вопросы, связанные с проблемой понимания через интерпретацию, могли бы решаться и в поле «контекстуальной» тематики.

Проблема «герменевтической ситуации» возникает везде – там, где «ситуация» может пониматься в значении «контекст» и представляет собой проблему для понимания. То есть там, где акт понимания предполагает «шаг назад» как возвращение к замыслу автора, в тот его личностный контекст, где, относительно речевого акта, порождился смысл. Из чего следует, что контекст, создаваемый в процессе речевого использования единиц языка в речи, представляет собой поле порождения смыслов, их связей со значениями слов и возможностей усмотрения как значений, так и смыслов.

В связи с обсуждением эффектов использования единиц языка в речи А.А. Залевская в своей статье «Об исследовании интервербальных связей» в 1971 году усматривает актуальность решения обширного круга задач во всех областях лингвистики при учёте нюансов и эффектов интервербальных связей [3].

В фокусе внимания автора – прежде всего интересы психолингвистики. Однако время показывает, что в лингвистике нет «сепаратных» задач, и каждое содержательно весомое исследование в одной из её областей неизбежно может служить основанием для развития любой другой.

В указанной работе А.А. Залевская формулирует цель исследования и интерпретации содержания интервербальных связей как «установление механизмов порождения плана содержания и выбора слова в процессе порождения речи» [цит. раб.: 154]. В современной лингвистике эта задача, сформулированная автором реферируемой статьи около полувека назад, по-прежнему, не нашла решения, но, напротив, за этот период вышла на авансцену мировой лингвистики и теперь может быть интерпретирована следующим образом:

1) план содержания высказывания есть результат реализации индивидом тех потенций, которые система языка предлагает для индивидуальной реализации;

2) выбор слова при порождении речи-текста также является авторским выбором из с трудом обозримого ресурса языковых средств. Вывод, который следует из приведённых здесь рассуждений, прозрачен: природа собственно лингвистического контекста антропоцентрична.

Ещё одним неочевидным для «непсихолингвистических» направлений в лингвистике, но обладающим, притом, безусловной научной ценностью, является направленность исследования на модельные отношения, ограниченные пределом связей внутри «ассоциативной пары», где они могут быть подвергнуты наиболее тщательной проработке. А в этой связи ценна и постановка во-

проса о полноте/неполноте совпадения понятий, стоящих за терминами «ассоциативные связи» и «интервербальные связи», а также о необходимости – в этой связи – проведения исследования глубинных структур отношений, лежащих в основании конкретных примеров.

Заметим здесь, что за пределами психолингвистики и сам термин «ассоциативность» может приобрести новое наполнение, в случае целесообразности и продуктивности такого переосмысления в интересах какой-либо смежной лингвистической дисциплины. Очевидно, что речь может идти также и о важности разработки методики исследования интервербальных связей внутри *любой* пары слов, причём вопрос о разработке такой методики в лингвистике до сих пор не решён и, очевидно, не может быть решён в рамках по-прежнему популярного «статистического» подхода, тем более, что «недостаточная изученность единиц уровней описания, воздействия и уровней организации взаимодействия не позволяет определить отношения между их единицами» [1].

Констатируя актуальность изучения интервербальных связей, А.А. Залевская формулирует насущные задачи исследований в данной области, к которым относит:

- 1) необходимость усмотрения механизмов интервербальных связей,
- 2) важность перехода от констатации фактов к их объяснению, что, несомненно, означает необходимость создания теории интервербальных связей [3: 158].

Психолингвистический контекст постановки задач не является препятствием для усмотрения их общелингвистической значимости, как и для обращения на любую из тех лингвистических дисциплин, где исследователь неизбежно имеет дело с потенциями контекста и, как следствие, с выходом в субъективность индивида, и где проблема контекста может способствовать решению центральных задач семантики, стилистики, герменевтики, дидактики и т.д.

В ходе рассуждений о возможностях контекста и задачах его изучения, неизбежно обсуждение вопроса о его формах и границах.

Психолингвистика трактует контекст как механизм постоянного взаимодействия «внешнего» и «внутреннего» контекстов. В результате и текст воспринимается в качестве широкой смысловой системы относительно значения слова, превращаясь в тот внешний контекст, в пределах которого реализуется способность индивида оперировать словом как единицей, опредмечивающей фрагмент его опыта, и, следовательно, способность восстанавливать смысл на основе значения. Это обусловлено «присутствием при любом актуальном восприятии базового внутреннего смыслового контекста (образа мира, ментального пространства, концептуальной системы, информационного тезауруса субъекта коммуникации) при факультативности разграничения понятий “значение” и “смысл”, поскольку для носителя лексикона смысл слова слит с его значением» [2: 447].

Задачи разработки теории контекста не ограничиваются вопросами понимания слова или группы слов. Понимание текста как декодирования [4] в пределах когнитивно-психологического подхода представлено поэтапным форми-

рованием развёрнутого речевого высказывания от исходного замысла до развёрнутого речевого сообщения; от внутреннего смысла будущего высказывания до системы развёрнутых речевых значений. Как автор, так и реципиент сообщения-текста стоят при формировании его смысла и понимания перед неизбежностью выбора, обусловленного фактом «многозначности значения слова и решающей роли контекста при выборе нужного значения из ряда альтернатив», что «может существенно осложнить процесс понимания речевого сообщения» [5: 226]. Выбор реципиентом значений и освоение им смыслов в процессе понимания текста *контекстуально* запрограммирован, из чего следует, что контекст рождается не «изнутри слова», а «извне», из исходного замысла, и в составе речевого сообщения слово реализует одно контекстуально запрограммированное значение из множества возможных. Границы контекста, при этом, совпадают с границами текста.

Обсуждая текст в классическом для лингвистики ключе – как контекст и ситуацию осуществления речевого акта, Г.В. Колшанский полагает, что смысл высказывания не может быть в полной мере реализован вне его, что «все единицы языка – слова, словосочетания, предложения и группы предложений – практически не имеют собственного значения, а каждый раз его получают в новой ситуации, которая, таким образом, становится сама как бы новым языковым образованием» [4: 32–33]. Речь идёт о контексте текстового целого, внутри которого значения языковых единиц разных уровней обретают возможность реализации. Что касается экстралингвистического контекста, то он квалифицируется как паралингвистические условия, имеющие для обозначения смысла коммуникации лишь вспомогательный и второстепенный характер.

Список литературы

1. Богушевич Д.Г. Единица. Функция. Уровень: К проблеме классификации единиц языка. Минск: Выш. шк., 1985. 116 с.
2. Залевская А.А. Взаимодействие смысловых полей слова и текста // Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. С. 446 – 450.
3. Залевская А.А. Об исследовании интервербальных связей // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества, Вып.1. Калинин: Калинин. гос. пед. ин-т им. Калинина, 1971. Т.2. С. 154–172.
4. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: КомКнига, 2005. 152 с.
5. Лурия А.Р. Понимание компонентов речевого высказывания // Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 217–226.
6. Торсуева И.Г. Контекст // Языкознание. Большой Энциклопедический словарь. – М.: «Большая Российская Энциклопедия», 1998. С. 238–239.
7. Berry M. Introduction into Systemic Linguistics. London; Sydney: Batsford, 1975. Vol. 1. 209 p.
8. Halliday M.A.K. Explorations in the Functions of Language. London: Hodder, 1973. 144 p.
9. Leech H. Semantics. New York, 1977. 386 p.

WORD AND CONTEXT

I.V. Solovyeva

Tver State University, Tver

The article presents some views of the phenomenon of context, put forward by Russian linguists back in 1970-s. They are still of primary importance as far as the problem of understanding is concerned, whatever aspect of it being under study. However the views of context differ in today's linguistics.

Key words: *context, meaning.*

Об авторе:

СОЛОВЬЕВА Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: ira_geger@mail.ru

СОХРАНЕНИЕ КОГЕРЕНТНОСТИ ТЕКСТА В ПЕРЕВОДАХ**М.В. Оборина**

Тверской государственной университет, Тверь

В статье анализируется ситуация перевода текстов с точки зрения механизмов сохранения их когерентности. Любой перевод основывается на кооперативном принципе взаимодействия трёх заинтересованных сторон: автора, переводчика и читателя. Когерентность переведённого текста опирается на параметры и механизмы когезии текста, подчиняющиеся нормам принимающей лингвокультуры.

Ключевые слова: перевод, кооперативные принципы, максимы, экспликативность, имплицативность, когерентность, когезия, интерпретация, понимание, нормы культуры.

В соответствии с понятием кооперации в коммуникации Грайса [3], вклад каждого участника в разговор/действие должен быть таким, какой требуется в ситуации разговора (контексте), и с той целью или направлением обмена репликами, в который этот участник вовлечён. Поскольку любой диалог, а ситуация восприятия текстов является принципиально диалогической (о чём, например, писал М.М. Бахтин [1]), это не просто обмен репликами, а некоторое совместное действие (будь то достижение соглашения о решении, понимании, оценке и т.п.), принцип кооперации участников диалога в полной мере применим к ситуации «автор-текст-переводчик». Участники разговора/деятельности знают об интересах друг друга и предполагают, что их интересы совпадают. Вместе с тем, в ситуации перевода переводчик редко довольствуется ролью «второстепенного подражания», как требовалось бы от него в соответствии с принципом кооперации в рамках теории эквивалентности.

Четыре следствия из принципа кооперации Грайса – максимы – формулируют правила успешной коммуникации: качества («не говори того, что считаешь ложным или в чём сомневаешься»); количества («говори настолько информативно, насколько требуется и не говори слишком информативно»); релевантности («говори к месту»); ясности («будь последователен: избегай неясности, двусмысленности, многословия и несистематичности»). Очевидно, что данные принципы в полной мере соответствуют принципам оптимизации речевого воздействия и достаточности речевой формы (см.: [2; 4; 5]). Согласно принципам оптимизации речевой формы, максимы в ситуации перевода можно представить следующим образом:

- максима качества – предпереводческая интерпретация текста предполагает создание герменевтических ситуаций, обеспечивающих все три типа понимания [2];

- максима количества – поддержание баланса импликационности / экспликационности в тексте перевода (например, при нарушении норм сегментации меняется тип текста с позиции его организации, в частности, в отношении его объяснённости);

- максима релевантности – контекстуализация перевода, приведение его в соответствие с той системой лингвокультурных связей, в которую он оказывается включённым. В случае с переводными текстами речь идёт не об адекватности или принятии текста, а о его приемлемости для принимающей культуры, т.е. мы можем говорить о переводном тексте в вероятностном залоге, поскольку речь идёт о совокупности факторов, одним из которых является выбор переводческой стратегии в данном культурном контексте;

- максима ясности – поддержание баланса избыточности / энтропийности на уровне релевантной коммуникации (например, в текстах для детского чтения эстетически значимый параметр лексического разнообразия может быть пересмотрен в сторону упрощения и синонимических повторов).

Понимание высказываний не ограничивается простым знанием значений слов и синтаксических правил их комбинирования. Оно требует, помимо прочего, выведения заключений из невербализованной информации и предположения, что говорящий сознательно следовал определённым принятым стандартам коммуникации. Импликативно-эксplikативный баланс текста также согласуется с правилами коммуникации. В ситуации перевода текстов действующими лицами коммуникативного взаимодействия являются автор, переводчик и читатель.

Традиционно, коммуникация считается успешной при условии принятия читателем именно той информации, которую стремился передать автор. Однако, в случае с переводными текстами (да и не только, слишком уж много факторов нарушают максимы Грайса), качество текстов, каналы коммуникации и иные внешние факторы могут приводить к тому, что сообщение поступает к читателю в искажённом виде (в частности, меняется адресат сообщения меняются параметры контекста сообщения и т.п.). Переводчик в качестве первого читателя получает сообщение автора и должен передать это сообщение совершенно иной аудитории, отличной от той, для которой текст был предназначен.

Кооперацию между участниками диалога можно самым простым образом обозначить как наличие общего знания (*shared knowledge*), являющегося необходимым условием осмысленности, или когерентности, текста. Когерентность (цельность) создаётся скрытым потенциально значимым отношением между частями текста, которое становится явным для читателя или слушателя в процессе интерпретации. Для усмотрения этого отношения читатель должен соотносить текст со знакомыми ему реальными или вымышленными мирами [7]. В то же время, форма текста реализует такое свойство, как связность (когезия) – открытое, явное отношение между частями текста, выраженное в языке с помощью специальных маркеров. Очевидно, когезия опосредованно связана с когерентностью, а изменения в когезивной структуре неизбежно должны приводить к сдвигам в системе когерентности, и значит – к иным смыслам.

Усмотрение когерентности (равнозначное усмотрению смыслов на разных текстовых уровнях) является основным принципом интерпретации. Нахождение того контекста, в котором нечто имеет смысл, является отправной точкой понимания текста. Текстом бессмысленным или неосмысленным можно

назвать текст, в отношении которого читатель не может обнаружить связанности смыслов; обычно это случается из-за серьёзных расхождений между конфигурацией концептов и отношений, в нём выражаемых, и имеющимся у реципиента знанием о мире. Сдвиги в когерентности текста указывают на реализуемую переводчиком стратегию, нормы и функцию текста перевода (как ту, на которую ориентирован переводчик, так и ту, которую перевод может выполнять в данном лингвокультурном контексте вне зависимости от его намерений).

Когерентность, таким образом, реализует смысловой потенциал текста. Сдвиги в системе когерентности могут относиться к двум типам: нарушения когерентности самого текста или нарушения когерентности в читательском восприятии. Авторы всегда пишут тексты, ориентированные на определённые группы читателей (внутренний адресат составляет одну из категорий текста, непосредственно влияющую на его жанр). Следовательно, сообщения таких текстов могут быть намеренно двусмысленными или усложнёнными вертикальным контекстом, обращённых к имплицированным смыслам и рассчитанных на производство определённых воздействий. Может показаться, что тем самым авторы нарушают кооперативные принципы Грайса, требующие адекватной кооперации и реализации максим качества, количества, релевантности и ясности. Однако максимы могут иметь разные внешние реализации в разных лингвокультурах, при этом феномен имплицативности, т.е. невербального выражения смыслов, остается универсальным во всех культурах. Это означает, что во всех лингвокультурах присутствует возможность (в той или иной степени облигаторная) имплицирования смыслов. И, следовательно, нарушение обязательных имплицатур приведёт к серьёзным нарушениям когерентности текста (если то, что принято «обходить» и «подразумевать» оказывается эксплицированным и явно объяснённым).

В каждом языке есть свои принципы и модели когерентности, которые позволяют опредмечивать смыслы и переживания, не имеющие вербального выражения в тексте. Чаще всего в языках оригинала и перевода эти модели не совпадают, выражаясь в использовании различных средств когезии на разных уровнях языка. Задача переводчика осложняется тем, что ему приходится усматривать как вербализованные, так и невербализованные смыслы – имплицированные устойчивыми языковыми оборотами, стилистическими приёмами, риторическими вопросами, повторами, синтаксическими структурами, графическими средствами и т.п. Для каждого языка можно составить открытый список таких средств (по крайней мере, в виде таксономии средств в рамках реализации универсальных тенденций текстопостроения). Переводчик пользуется различными приёмами, позволяющими ему перефразировать, добавлять, опускать, комментировать, раскрывать или пересказывать с тем, чтобы сообщение автора исходного текста было передано. На когерентность текста перевода влияют сдвиги в использовании разных средств когезии:

1) на уровне эксплицитности, т.е. общий уровень текстовой эксплицитности повышается или понижается;

2) на уровне текстовых значений, т.е. эксплицитный и имплицитный потенциал значения исходного текста меняется в переводах.

Рассмотрим сдвиги в когезии, связанные с общим уровнем эксплицитности. Открытые отношения связности между элементами текста укоренены в грамматической системе языка. При переводе грамматические различия между языками приведут к замене средств когезии в тексте перевода. Эти сдвиги приводят к изменению общего уровня эксплицитности текста перевода в сравнении с оригиналом (например, необходимость выражать значение артиклей, местоимений), что может ощущаться или не ощущаться читателями перевода как отклонение от нормы. На более высоких текстовых уровнях сдвиги в степени эксплицирования могут быть приписаны использованию иного стиля речи в тексте перевода: разные стилистические предпочтения при выборе средств связности (типы маркеров когезии). Например, лексический повтор или прономинализация (предпочтения переводчика определяются и выбором стилистических норм). Различные требования к связности текста в разных языках управляют выбором средств когезии. Отчасти ограничения могут накладываться и самим процессом перевода. Часто текст перевода оказывается более избыточным в сравнении с текстом оригинала, что связывается, в частности, с повышением уровня когерентной эксплицитности. Если рассматривать это как общую гипотезу, то можно отвлечься от конкретных различий в языковых системах и говорить о тенденции повышения экспликативности при переводе как универсалии.

Средства и черты когезии в разных языках неодинаковы, так как язык может требовать от его носителя большей эксплицитности и степени точности (например, наличие более дробной категоризации в китайском языке послужило поводом известной цитаты Борхеса из китайского трактата: «все животные делятся на: принадлежащих императору, набальзамированных, молочных поросят, сказочных, нарисованных кистью на шёлке, разбивших цветочную вазу, издали похожих на мух ...» и так далее).

Сходная тенденция улавливается в наблюдениях над изучающими иностранный язык. Так, немцы, изучающие английский язык, склонны использовать лексическую когезию (лексический повтор), отдавая ей предпочтение среди пяти средств когезии (субституция, эллипсис, референция, лексическая когезия и союзы), наряду с использованием союзов. Средства референции (прономинализация), напротив, не находят применения, в то время как носители языка чаще прибегают именно к референциальному соединению элементов текста.

Когезия не только способствует образованию связей элементов текста и его семантическому единству. Выбор типов маркеров когезии влияет на восприятие структуры текста как плотной или свободной, а также на стиль и смыслы текста.

Поскольку когезия – это открытое, объективно усматриваемое текстовое отношение, оно поддаётся анализу количественными методами. Можно рассмотреть роль повышения эксплицитности в переводных текстах в целом, и в

сравнении пар языков и т.п. Все подобные исследования сегодня выполняются на базе параллельных корпусов текстов (см.: [6; 7; 9]).

В свою очередь, когерентность не поддается квантитативному анализу. Ее можно обсуждать либо с помощью фигуры идеального читателя, либо эмпирически, изучая, как тот или иной текст запомнился и был проинтерпретирован читателями. Таким образом, можно сказать, что когерентность – это податливость текста интерпретации (*interpretability*).

Тексты могут быть когерентны в отношении предмета обсуждения, жанровых требований или в отношении любого мира, предполагаемого или порождаемого текстом. Для читателя текст становится осмысленным дискурсом (когерентным), если он в состоянии применить релевантные схемы действования (основанные на знании мира, знании предмета, знакомстве с жанровыми канонами) и сделать соответствующие выводы, необходимые для понимания буквы и духа текста. В терминах Филлмора это приводит к визуализации текста (*envisionment*) в сознании читателя. Такие визуализации различаются как у отдельных читателей, так и у разных аудиторий. Можно предположить, что это утверждение часто приводит к признанию дефициентности иноязычного читателя, а отсюда недалеко и до утверждений о непереводемости. Выход из ситуации следует искать в правилах кооперации, которые регулируют диалог автора и читателя. По словам переводчика Чехова Бристоу, «Even within the skin of his own language, every person translates what he sees or reads, from his own experience» [7: 24]. При оценивании конечного продукта перевода сдвиги в когерентности, связанные с неизбежной сменой адресата текста, должны быть отделены от тех, что проистекают из самого процесса перевода. Исследования в этой области способны очертить истинные границы переводимости.

Переводимые тексты всегда являются новыми для принимающей аудитории (это верно и для повторных переводов классических текстов), а значит, такого рода сдвиги когерентности, вызванные сменой читательской аудитории, неизбежны и оправданы. Самые яркие примеры этого рода можно найти в сфере использования референции (так называемый вертикальный контекст, реалии): реальный или художественный мир, имена и названия, прецедентные тексты и т.п. играют важную роль в установлении когерентности текста. Иногда сами писатели осознают, что создаваемая ими референциальная структура не может быть разделена читателями, и стремятся пояснить её в подстрочных примечаниях (отметим, что, очевидно, комментарии также могут рассматриваться в отдельных случаях как нарративный приём, основанный на намеренном усилении средств когезии, их актуализации). В случае перевода чужого текста, переводчик должен принять решение о необходимости дополнительных пояснений для читателей принимающей культуры. Степень понимания авторской системы референции неодинакова даже в исходной культуре, зависит от подготовленности, опыта и т.п. Проблема переводчика заключается в том, чтобы установить те главные референтные связки, которые определяют понимание произведения (релевантные импликации).

Рассказ Хэмингуэя «Убийцы» (*The Killers*, 1938), приводимый в качестве примера в работе Ш. Блум-Кулки [6: 306–309], иллюстрирует использование маркеров когезии и когерентности при переводе текста. Когерентность текста завязана на знание внешне тривиальной системы референций (имплицитной). Смысл «свой–чужой» реализован с помощью двух систем референций – пришельцы не имеют имен, а хозяин и его посетители обращаются друг к другу по имени. Это сразу определяет двоих мужчин как чужаков и устанавливает точку зрения повествования как точку зрения посетителей в кафе (*Two men came in*). Приём референциальной когезии рассказа очень прост и может быть передан в переводе. Вместе с тем некоторые импликации текста основаны на знании вида помещения и стандартов поведения в американских закусочных. Опасность и нарастание напряжения читается в самом диалоге, внешне обсуждающего заказ. Для понимания межличностного взаимодействия и косвенных речевых актов необходимо уметь делать выводы из беседы, которая внешне строится на обсуждении блюд, но скрытно является установлением доминирования силы. Пришельцы демонстрируют агрессию, а хозяин – мирное и даже успокаивающее поведение. В диалоге видны вызовы и попытки к взаимодействию в поведении хозяина. Это прочтение также зависит от знания реалий культуры. В терминах Грайса, оба пришельца нарушают нормы коммуникативного поведения: максимы релевантности, стиля, качества и количества. Например, они намеренно отказываются от использования стандартных формулировок заказа, вместо этого зачитывают полное название блюд в меню. Знание норм поведения в определённых местах позволяет увидеть агрессию в отказе следовать принятым нормам. Поскольку знание реалий (типа заведения, стиля описания блюд в самых простых закусочных) является необходимым условием когерентности текста для читателя, то и когезия должна быть переведена из имплицитного в эксплицитный план, либо компенсированы иными средствами, выражающими смысл «агрессия», «противостояние “свой–чужой”».

Если в случае с изменением адресата переводчик превентивно меняет текст для предотвращения возможности непонимания, то текстуально-связанные сдвиги когерентности проистекают из неверной диагностики переводчика и принятии решения о необходимости изменения интегративной структуры текста. Выбор, нарушающий когерентность, указывает на недостаточное осознание переводчиком смыслового потенциала исходного текста. Отчасти такого рода сдвиги связаны с известными различиями языковых систем. Однако чаще речь идёт о неудачной реализации переводчиком функционального потенциала принимающего языка или его отдельных форм при передаче не-прямых или невербальных смыслов текста.

Неоднократно было замечено, что в разговорной речи репликам свойственна остаточная двусмысленность (*residual ambiguity*) из-за которой то, что сказано, кажется неясным, а то, что подразумевается, обычно ясно и очевидно (в терминах Ю.М. Скребнева – коллоквиальная импликационность). Смещение этой нормы приводит к нарушению интенций текста. При сравнении перевода с разговорным дискурсом выясняется, что в отличие от последнего, перевод это

процесс, в котором то, что сказано, может стать ясным, а то, что имеется в виду, – непонятным и смутным.

Возможность усмотрения имплицированных смыслов во многом зависит от соблюдения принципа кооперации (другие авторы называли его «гипотезой достаточной экспликации») и вытекающих из него максим, контекста, фоновых знаний и разделения всех этих факторов автором и читателем. Различают три уровня импликаций, которые способствуют пониманию сообщений и успешности коммуникации:

- интертекстуальный уровень (текстовые средства);
- иллокутивный уровень (ситуация общения);
- уровень взаимодействия (суждения и оценка реципиента).

На внутритекстовом уровне лакуны в пространстве текста необходимо заполнить для восстановления художественного мира, представленного в тексте. На уровне иллокуции рассматриваются формы и ситуации контекста высказывания, чтобы усмотреть возможность буквального или же фигуративного или иронического толкования. На уровне взаимодействия выводятся суждения о соблюдении автором максим кооперативного поведения (его вежливости, оценочности, разумности, этичности и пр.).

Феномен повышения степени связности с помощью эксплицирования в переводе описывался как превалирование тенденции к объяснению вместо имплицирования информации. Закономерность была продемонстрирована Моной Бейкер в 2000 г. на примере английского корпуса текстов переводов [6]. Исследование, в частности, показывает тенденцию к использованию союза *that* после слов *say, tell, hold* и т.п., где этот союз мог бы быть опущен. Использование элементов, традиционно опускаемых и субъективно переживаемых как избыточные, указывает на стремление к расширению референциальной базы текста. Отмечалось, что тексты художественные характеризуются значительно более высокой плотностью референциальных цепочек, чем тексты информативные. Требования повествовательности и стилистические нормы литературной действительности приводят к тому, что тексты художественных произведений оказываются более «плотно связанными» (ср. «из песни слова не выкинешь»), чем тексты иных видов. Когезия, как один из стандартов текстуальности, подвергалась количественным измерениям, в том числе и в контексте перевода, в отличие от менее изученных стандартов, таких как, например, ситуативность. Исследования в этой области представляются весьма перспективными, так как в конечном итоге позволяют выделить тот самый «человеческий фактор», который остается за скобками машинного перевода.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Прогресс, 1986. С. 428–472.
2. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин: Калинин. гос.ун-т, 1986. 84 с.
3. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16.: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–238

4. Кукушкина С.К. Оптимизация речевой формы устного объяснения учителя: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 213 с.
5. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Саратов. ун-т, 1985. 210 с.
6. Baker M. Towards a methodology for investigating the style of a literary translator // "Target", 2000. Vol. 12: 2, Pp. 241–266.
7. Blum-Kulka Sh. Shifts of cohesion and coherence in translation // The Translation Studies Reader. Second edition / ed. by Lawrence Venuti. N.Y.; L.: Routledge, 2004. Pp. 297–313.
8. Toury G. Descriptive translation studies and beyond. John Benjamins Publishing, 1995. 311 p.
9. Wallart I. The Elephant in the Dark: Corpus-Based Descriptions of Translators' Style [Electronic resource] // Les Cahiers du GEPE, N°2/ 2010. Outils de traduction - outils du traducteur ? (2010). URL: <http://www.cahiersdugepe.fr/index.php?id=1641> (accessed at: 05.12.2015).

AVOIDING SHIFTS IN COHERENCE IN TRANSLATIONS

Marina V. Oborina

Tver State University, Tver

The paper analyzes translations focusing on shifts in coherence and mechanisms of its preservation and transfer to the receiving culture. Any translation is based on the cooperation of author, translator and reader. Text coherence depends to a great degree on the means and standards of cohesion conditioned by the norms of the receiving culture.

Keywords: *translation, cooperative principles, maxims, explicitness, implicitness, coherence, cohesion, interpretation, understanding, cultural norms.*

Об авторе:

ОБОРИНА Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: mobor@mail.ru

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОЕ СМЫСЛОВОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ КАК ПРИЧИННОЕ КОДИРОВАНИЕ ЗНАНИЙ ОБ ОБЪЕКТЕ

О.В. Голубева

Тверской государственной университет, Тверь

Статья посвящена исследованию феномена выводного знания как имплицитного «облачного» сервиса, представленного во внутреннем гипертексте в виде специфического причинного кода – эвиденциального смыслового переживания, – глубинной смысловой предыстории значения, формируемой на базе потенциального контекстуального «видения» обобщённого образа объекта.

Ключевые слова: выводное знание, эвиденциальное смысловое переживание, потенциальный выводной контекст.

Важнейшей междисциплинарной проблемой современной науки является исследование процесса понимания, а также его итогов, нашедших вербализацию или оставшихся «знанием для себя». Одним из направлений является инференционный подход, дающий возможность изучить естественно формируемые умозаключения с позиций логики, психологии, лингвистики, психолингвистики. Объектом нашего исследования выступает инференция, или выводное знание (далее – ВЗ) как знание-отношение, как процесс естественного объяснения «для себя» поступающих по разным каналам сведений, что определяет актуальность таких изысканий, специфику их целей и задач.

Многогранность феномена ВЗ требует разработки интегративных подходов, учёта принципов обработки, хранения и активации знаний в памяти (см. труды Дж. Андерсона об ассоциативно-семантической структуре памяти, теорию двойного кодирования работы А. Паивию, голографическую теорию кодирования А.А. Залевской и т.д.): принципа ассоциирования, лежащего в основе установления всякого рода связи и реализуемого в ходе деятельности активного субъекта [8: 99], принципа причинности как залога всеобщности связи, опирающегося на результативность мышления и универсальную формулу вывода «причина – следствие», вариантами которой являются дедуктивный, индуктивный, абдуктивный типы вывода; принципа одновременного переживания знания / понимания и отношения к нему при параллельности опоры на перцептивный, когнитивный, аффективный (вербальный и невербальный) опыт при осознаваемом / неосознаваемом учёте всех форм хранения знаний и стратегий их задействования (см.: [4: 51–53]); принципа прецедентности, обеспечивающего активацию выделенных благодаря критериям доступности, частотности, известности примеров прежнего опыта оперирования знаниями о языке и мире. В нашей работе ВЗ определяется как имплицитный объяснительный потенциал, являющийся субстратом интеграции социального и индивидуального знания, обеспеченный релевантным набором разнообразных продуктов переработки и процедурами, задающими формирование интегративной опоры понимания.

Способность человека кодировать поступающую информацию, т.е. символически преобразовывать её для обеспечения более компактного способа хранения в памяти в виде «следов», или специальных мозговых кодов, связана с наличием универсального предметного кода как механизма преобразования любой, в том числе вербальной, информации, позволяющего «перевести» речь в модель отрезка о сообщаемой действительности при определении денотата (обобщённого образа объекта), учёт которого соответствует акту понимания [3: 14]. Отсюда коды выступают как совокупность внутренних знаков, реализующихся через нейродинамические модели и психические образы, причинно связанные с денотатом [2: 57].

Причинная обусловленность таких кодов / «следов», т.е. поиск оптимальных путей принятия решения в целях объяснения «для себя», приводит к формированию внутренних образцов / опор вывода как узлов мультимодальной многоуровневой сети-гипертекста (об интерфейсной теории значения слова см.: [6]), которые закрепляются в виде индексов, отражающих аналоговую связь по любому основанию между ментальными моделями (Р. Зваан), активаторов аналоговых трансферов между репрезентациями проблемы-источника и проблемы-цели (Ш. Виттен и др.), интерактивных ассоциативных ключей (Ч. Кэрролл), семантических прайминг-эффектов (С. Талйа), нейропсихических образов причины (П. Тагард), «следов» / доминантных признаков как содержательных компрессий репрезентации (Б. Тверски, Н.В. Мохамед), концептов-симуляторов, или мультимодальных (нейронных) репрезентаций / перцептивных символов (Л. Барсалоу); мультимодальной репрезентации, или системы символических кодов любых знаний об объекте в разных областях мозга и интегрируемыми в памяти (С. Косслин).

С точки зрения психологии опора на ВЗ позволила выявить наличие в памяти символической репрезентации как части инференционного алгоритма [10: 220–248], а также разработать трёхуровневую модель нейронного кодирования с набором специфических для нейронной системы невербализованных процедур и правил реализации причинно-следственной связи (if-then relations) [12: 448–451], ментальные модели интеграции перцептивной и когнитивной информации (Ф. Джонсон-Лэрд, Р. Зваан). С позиций лингвистики описаны процедуры логического вывода с опорой на знание языка и общие знания о социуме (пресуппозиция), процедуры выведения ситуативно релевантных пропозиций (импликатура), трёхуровневой ситуационной модели понимания текста (Т. ван Дейк). В логике и компьютерном моделировании искусственного интеллекта признано существование в системе динамически функционирующей сети каузальных / выводных схем, но которые предстают форматами естественной реализации логических отношений и выступают аксиомами «здравого смысла», необходимыми для причинной связи свидетельств субъективного опыта (evidences), или посылок (причины), в качестве которых выступают знания о событии, объекте, действии и т.д. [13: 50–51]. В психолингвистике опора на ВЗ привела к разработке спиралевидной модели понимания слова / текста, витки

которой открывают доступ к расширяющимся кругам ВЗ, без чего «понимание происходит не может или оказывается ущербным» [5: 331].

Причинно закодированное ВЗ признаётся частью семантической структуры значения (Е.В. Падучева), общей презумпции участников коммуникации, или значением «по умолчанию» (С. Левинсон), когнитивным контекстом в виде ассоциативно-семантической сети как комбинаций признаков и отношений между ними (теория лексических концептов и когнитивных моделей В. Эванс), ядерным компонентом значения (модель динамического значения И. Кескеса), проявлением прототипических эффектов (теория прототипов Э. Рош, Дж. Лаккофф). Подобный код соотносится с внешним причинным компонентом (вербальным, ситуативным) по принципу конъюнкции «и – и»; его способность к интеграции обеспечивается мотивацией и моделью действий инферирующего субъекта, признающего данный фрагмент прежнего «видения» знаний о мире и языке релевантным благодаря схожести *ad hoc* ряда перцептивно-когнитивно-аффективных признаков.

Такая схожесть во многом обусловлена общностью тематической группировки (категоризации), которая обнаруживает асимметрию базового уровня благодаря центральному члену, признаки которого выступают наиболее релевантными. Проецирование таких признаков на других членов категории выявляет их близость к прототипу. В нейропсихологических изысканиях строение категории связывается с концептуализацией знаний об объекте по схеме «снизу–вверх» через закодированные «следы» переработки перцептивного опыта (симуляции), на основе их множества формируется перцептивный символ (симулятор), *on-line* абстракция, вывод о признаках которого является категориальной инференцией о характеристиках всех членов категории [9: 582, 587].

Следовательно, слово, имплицитующее причинные коды (ВЗ), пользуясь терминами из сферы ИТ технологий, обеспечивает доступ к функционально релевантному «облачному» сервису, который формируется благодаря «истории» оперирования знаниями о мире и языке, представленными в мультимодальном гипертексте. Наполнение такого имплицитного «облака» обнаруживает как обобщённые представления об объекте, которые принято связывать с предметно-чувственными корнями или социокультурными конвенциями «по умолчанию», закреплёнными в значении слова, так и частное «видение» как свидетельство субъективного переживания значения. Формирование этого «облака» обусловлено процедурами приписывания объекту / референту релевантных, с точки зрения индивида, признаков различной природы, или заменой признаков (*attribute substitution*), что формируют в ходе единичных / многочисленных выводов символическое образ-представление о носителе (см.: [6; 11: 269–270]. В целом механизм получения ВЗ обусловлен синтезирующей функцией слова, задающей энциклопедичность семантики (о концепции энциклопедической природы семантики языка П. Виоли см.: [6: 82–86]), механизмом глубинной предикации как осознаваемой / неосознаваемой опорой объяснения значения «для себя», механизмом смысловых замен, механизмом контроля [5: 293–295], меха-

низмом консолидации «следа», или переводом «здесь и сейчас» воспринятой информации в формат долговременного хранения [1: 404–405].

Многообразие и степень конвенциональности опыта оперирования знаниями о мире и языке активно переживающим и инферирующим «свидетелем»-индивидом ведёт к неоднозначности распределения по тематическим группам, однако не означает невозможность унификации. Отправной точкой в решении этой проблемы, по нашему мнению, является определение динамических основ, или универсалий, членения мультимодального образа мира (гипертекста). В качестве такого феномена могла бы выступать система смысловых отношений (топов), которая представляет собой «продукт максимальной компрессии смысла» [6: 142], возникающий в доязыковом опыте индивида, неосознаваемо координирующий ориентацию в смысловом пространстве благодаря высокой степени обобщения и задающий целостное образное представление об объекте как широком классе ему подобных с учётом множества признаков и ситуаций осмысления (см. труды А.А. Залевской, В.А. Садиковой). Система топов как фундаментальная динамически сложившаяся смысловая база обеспечивает обобщённые смысловые скрепы, которые предлагается называть коллективным знанием-переживанием (термин А.А. Залевской).

Накапливающийся опыт собственных выводов, специфичный благодаря разнообразным линиям переработки знаний, выступает мультимодальным набором ассоциативно связанных «свидетельств», которые инферирующий субъект хранит в памяти-гипертексте и использует в качестве опорного образца / «следа» познания, позволяющего оптимизировать рассуждения благодаря фокусировке на уже известном, действенность которого доказана ранее. Фактически ассоциат является «следом» причинного кодирования, который выводит на образ объекта в системе категории, но под специфическим перцептивно-когнитивно-аффективным углом зрения. Подведение под суперординату порождает цепочки опосредованных импликаций, которые «лежат в основе упорядоченности знаний об объективном мире в информационной базе человека»: поверхностный ярус содержит начальные и конечные элементы этих цепей, восстановление промежуточных звеньев требует обращения к глубинному ярусу и ведёт к актуализации широкого круга ВЗ [5: 76–78].

Отсюда нами выдвинута гипотеза о том, что опора на ВЗ представляет собой эвиденциальное смысловое переживание значения единицы языка, процедуру вывода-объяснения, которая активизирует внутренний причинный потенциал, или сформировавшийся прецедентный ракурс «видения» объекта и наиболее релевантный пример его задействования, задавая пути согласования с внешней, вербально заданной причиной (словом / текстом). Эвиденциальное смысловое переживание (далее – ЭСП) определяется как сложная интегративная опора, формируемая на базе определённого смыслового отношения посредством прецедентной релевантной рамки / ракурса образного представления фрагмента действительности (объекта, ситуации и т.д.) и выделенного в опыте индивида образца выводного контекста (далее – ВК), обусловленного совокупностью ряда релевантных «здесь и сейчас» (ad hoc) проекций реали-

зации данного ракурса. ВК (и потенциальный как устойчивый образец, и реальный, формируемый ad hoc) – это процедура увязки внешнего (вербального) и внутреннего причинных компонентов посредством выводных связей, или путей / схем приписывания объекту признаков, определяемых как правдоподобно необходимые, исходя из прежнего опыта. Наличие прецедентных примеров «видения» объекта даёт возможность предположить, что структура ЭСП как «облачного сервиса» имеет точки с разной силой притяжения элементов вокруг них. Степень такого притяжения, очевидно, определяется количеством прецедентов обращения, обобщённых в виде потенциальных ВК, которые имеются у инферирующего субъекта и активируются в зависимости от частотности, доступности, известности, релевантности.

Гипотезу о существовании глубинных прецедентных ракурсов «видения» образа объекта, состоящих из релевантного набора признаков перцептивно-когнитивно-аффективной специфики, мы проверили в ходе ряда свободных ассоциативных экспериментов. В качестве стимулов были отобраны примеры терминологической лексики экономической направленности: ПАЙ, ВЗАИМНЫЙ ФОНД, КРИЗИС, КРЕДИТ, ЦЕННАЯ БУМАГА, ИНВЕСТИЦИЯ, ПРИБЫЛЬ (здесь и далее слова-стимулы обозначаются заглавными буквами, а полученные в эксперименте реакции – строчными буквами с выделением курсивом). В экспериментах участвовало 1183 испытуемых (далее – Ии.), обработана 1241 реакция, из которых 60 отказов, что вызвано, с нашей точки зрения, отсутствием необходимых экспертных знаний, например, число отказов давать реакции на слова ПРИБЫЛЬ, КРЕДИТ не зафиксировано, на стимулы КРИЗИС, ЦЕННАЯ БУМАГА составило всего по 2, тогда как на слова ПАЙ, ВЗАИМНЫЙ ФОНД, ИНВЕСТИЦИЯ – 23, 22 и 10 соответственно. Анализ результатов позволил сделать следующие выводы.

1. В процессе инференционного понимания значения терминов, или задействие ЭСП как внутренней объяснительной посылки, Ии. демонстрируют наличие перцептивно-когнитивно-аффективной специфики прецедентной рамки, что определяет особенности выводных связей, обеспечивающих поиск конкретного релевантного референта, обобщающего понятия, эмоционально-оценочного «видения».

2. Наблюдается тенденция включения воспринимаемой информации во внутренний контекст при очевидности эмоционально-оценочного переживания значения терминов экономического характера:

а) положительного для стимулов ИНВЕСТИЦИЯ – *благо* (10 реакций), *доход* (4), *развитие* (4), *рост* (2), *прогресс* (2), *семья / дети* (2); ЦЕННАЯ БУМАГА – *прибыль* (6), *доход* (4), *накопление* (2), *дорогая* (2), *нужная* (2) и т.д.; ВЗАИМНЫЙ ФОНД – *помощь* (20), *благотворительность* (5), *доверие* (4), *взаимопонимание* (2), *выгода / для всех сторон* (2), *прибыль* (2), *сотрудничество* (2), *содружество* (2), *вместе* (2), *добро / любовь* (2), *что-то хорошее / хорошо* (2); ПРИБЫЛЬ – *деньги* (61), *доход* (21), *зарплата* (7), *достаток* (7), *работа* (5), *радость* (3), *хорошая* (3) и т.д. Другими словами, Ии. опираются на обобщённое представление об инвестиции как успешном вложении; в случаях с ценной бу-

магой и взаимном фонде в качестве опорных задействуются положительные коннотации входящих в состав словосочетаний прилагательных *ценный*, т.е. «имеющий высокую цену, с большими достоинствами, важный, нужный», и взаимный, т.е. «обоюдный, касающийся обеих сторон» [7: 74, 860];

б) отрицательного для стимулов КРИЗИС, КРЕДИТ – *проблемы с деньгами* (12), *бедность / беднота* (7), *безденежье* (7), *плохо / всё плохо* (7), *нищета* (4), *убыток* (4), *долги* (3), *депрессия* (2) и т.д.; *финансовые проблемы* (11), *рабство* (5), *кабала* (4), *долговая яма* (4), *обман* (3) и т.д. Если в случае со словом КРИЗИС наличие прецедентной рамки с отрицательной оценкой ещё можно объяснить отрицательными коннотативными компонентами словарного значения, то стимул КРЕДИТ как экономический термин, наоборот, соотносим с положительной динамикой развития экономики и обязательным условием успешности;

3) при затруднениях, вызванных отсутствием экспертных знаний, выявлены тенденции к конкретизации, т.е. различиям уровней обобщения, передаваемого термином содержания посредством поиска объяснительной опоры (конкретного референта / тематической области), лежащей в основе субъективного «свидетельства» задействования опыта переживания. Так, значение стимула ПАЙ «видится» в рамках четырёх тематических групп: «еда» (4 реакции), «земля» (21), «экономика» (2), «человек» (1) с опорой на динамические смысловые доминанты «Объект», «Часть–целое», что позволяет задать образное представление о возможном референте как одушевлённом / неодушевлённом объекте, части целого / совокупности частей. Тематическая отнесённость такого обобщённого образа сформировались под влиянием разнообразного опыта ЭСП субъекта, который на основе релевантных признаков, обладая потенциальным ВК объяснения «для себя», детализирует и выделяет важные аспекты контекста / «следы» в рамках прецедентного ракурса «видения».

Так, перцептивно-предметный ракурс позволяет картировать связи внутри тематической группы «еда»: 1) конкретный объект, приготовленный – *яблочный пирог* (7), *кекс*, *торт* – место изготовления – *Америка / американский*, *Англия*; место информирования – *английская школа*; или «сырой» – *яблоко*, *картофель* (2), *лимон* – место выращивания – *огород*, *сад* (2), *дача*; 2) вид обеспечения пищей – *сухпай* (4), *сухпай*, *пайка*; «земля»: часть – *земельный участок* (4), *участок земли* (3), *часть земли* (2), *доля земли* (12); действия с ней – *сдача в аренду колхозу*; «экономика»: доля владения / инвестирования – *деньги* (3), *акции* (2), *вексель*, *доля в фонде*; действия с ней – *инвестиция*, *заём*, *взнос* (2); характеристика – *акционерный*, *инвестиционный*. Когнитивный ракурс лежит в основе тематической группировки сфер потенциального задействования глубинного образа объекта и предопределяет деятельностные ориентиры категоризации в динамике. При таком «видении» выделяются тематическая доминанта и ряд обобщений сферы её функционирования, например, для тематической группы «еда»: обеспеченность едой – *довольствие* (2), *обеспечение*; «земля» и «экономика» – часть целого – *доля* (11), *часть* (3), *кусок* (2); принадлежность – *собственность*; вид экономической деятельности – *финансирование*. Эмоционально-оценочный ракурс связан с «объяснением», имплицитным

опорой на фразеологизм *пай-мальчик / девочка*, или разговорное сокращение *пайнька*, «ласково-поощрительное название послушного ребёнка» [7: 479]: *мальчик* (6), *девочка* (5). Выявленные обобщения представлены в контексте эмоционально-оценочных характеристик *милый человек, послушный ребёнок, хорошее поведение, дружба, лёгкость, обман* и т.д.

4. При отсутствии экспертных знаний опорой обращения к ВЗ становится фонетическая оболочка слова, что соотносится с гипотезой Л. Барсалоу об акустических симуляциях, вызываемых фонемами и продуцирующими соответствующие инференции [9: 624– 625]: ПАЙ – *чай* (4), *папа* (2), *пайка, папай, вай, лай, бай* и т.д.

Отсюда обобщённый образ потенциального референта, имплицитный термин ПАЙ, можно определить как «часть целого», что опирается на соответствующее общее смысловое отношение, а также обнаруживает определённое прецедентное представление / рамку: перцептивное (конкретизация объекта), когнитивное (обобщение), эмоционально-оценочное. В целом психолингвистическое картирование выводных связей стимула ПАЙ позволяет отразить многоступенчатость опоры на ВЗ при переживании значения данного слова, где затруднительно чётко провести границу между уровнями категоризации, заданными в идеальных условиях ряда научных объяснений. Естественная тематическая группировка в динамике отражает ракурс «видения» / представления образа объекта с выделением его наиболее релевантного признака, фиксируемого в памяти в виде «следа», значимость которого подтверждается предыдущим потенциальным контекстом переживания как смыслового содержания, так и фонетической формы слова.

Подобное глубинное внутреннее «видение» позволяет предположить наличие не только стратегий осмысления, или «Я–позиции» субъекта, но и определённого ракурса (прецедентной рамки, или устойчивого способа субъективного «видения»), формируемого благодаря приоритету канала переработки информации (перцептивного, когнитивного, аффективного). Для проверки этой гипотезы в ходе проведения свободных ассоциативных экспериментов с названными выше терминами Ии. в количестве 51 человека (5 групп численностью 9-11 человек) было предложено персонифицировать бланки ответов с помощью ника или значка. Результаты в 83% обнаружили устойчивость эмоционально-оценочного ракурса «видения» (*всё плохо / голодные; безденежье / обман; бесплатно, временный / добрый, милый; убыль / новшество; радость, победа / доход; доверие / поддержка*); 62% обобщённо-когнитивного (*финансы / ограничения; банк / долг; земля; будущее / вклад; материальное состояние / доходность; финансовая организация / партнёрство*); 76% перцептивно-предметного (*цены в магазине / доллары; покупка / пылесос; участок земли / пирог; вклад / деньги; деньги / зарплата; помощник / акции*) на стимулы КРИЗИС, КРЕДИТ, ПАЙ, ИНВЕСТИЦИЯ, ПРИБЫЛЬ, ВЗАИМНЫЙ ФОНД соответственно. В остальных случаях наблюдались комбинации реакций, вербализуемых словами либо конкретной, либо абстрактной семантики и имеющими эмоционально-оценочные коннотации. Данный эксперимент подтвердил, что не только от-

дельное слово имплицитно определяет ракурс «видения», но и тематическая группировка лексики (терминологии экономического характера) задаёт устойчивую прецедентную ориентацию того, как может переживаться значение.

Таким образом, алгоритм опоры на ВЗ включает внутренне сформированную посылку (причинный компонент), или ЭСП, своеобразный смысловой «облачный» сервис, формируемый активным субъектом в естественных условиях речемыслительной деятельности и имплицитно воспринимаемым словом. Причинная кодировка итогов опыта индивида позволяет выделить в рамках потенциального ВК любой релевантный признак, отражающий перцептивно-когнитивно-аффективный ракурс прецедентного «видения» глубинного образного представления об объекте, опирающегося на обобщённое смысловое отношение.

Список литературы

1. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: «Академия», 2006. Т.1. 448 с.
2. Губанов Н.И. Чувственное отражение: (анализ проблем в свете современной науки). М.: Мысль, 1986. 239 с.
3. Жинкин Н.И. Язык.- Речь.- Творчество: избранные труды. М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. 368 с.
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник для студентов. М.: Изд-во РГГУ, 1999. 382 с.
5. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 542 с.
6. Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. IASHE: Лондон, 2014. 179 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. 900 с.
8. Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика: Антология. 2-е изд. испр. и доп. М.: Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 98–110.
9. Barsalou L.W. Grounded cognition // Annual Review of Psychology. Atlanta: Emory University, 2008. Pp. 617–645.
10. Hummel J.E., Holyoak K.J. A symbolic-connectionist theory of relational inference and generalization // Psychological Review. 2003. Vol. 110. № 2. Pp. 220–264.
11. Kahneman D., Frederick Sh. A model of heuristic judgment // The Cambridge handbook of thinking and reasoning; K.J. Holyoak, R.G. Morrison (eds.). NY: Cambridge University Press, 2005. Pp. 267–293.
12. Thagard P. How brains make mental models // Model-based reasoning in Science & Technology: studies in Computational Intelligence; L. Magnani et al. (eds.), 2010. Vol. 314. Pp. 447–461.
13. Wang Y. On cognitive Models of causal inferences and causation networks // International Journal of Software Science and Computational Intelligence. 2011. Vol. 3(1). Pp. 50–60.

EVIDENTIAL EXPERIENCE AS CAUSAL CODING OF OBJECT KNOWLEDGE

O.V. Golubeva

Tver State University, Tver

The paper discusses the inference phenomenon as an implicit “cloud” service, or the functionally relevant chunk of the multimodal hypertext, encoded as an individual evidential experience. The latter is defined as an underlying meaning pre-history formed on the basis of potential contextual “vision” of an object generic image.

Keywords: *inference, evidential experience, potential inferential context.*

Об авторе:

ГОЛУБЕВА Ольга Васильевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: 2008golubeva@rambler.ru.